

Б-189488/1

ВОСТОЧНЫЙ
ЭКСТЕРНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Д. Ж. Валеев, А. Мадьяри,
З. Г. Ураксин, А. М. Юлдашбаев

Судьба и наследие башкирских ученых-эмигрантов

УФА - 1995

ВОСТОЧНЫЙ ЭКСТЕРНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Б-189488/1

Д. Ж. Валеев, А. Мадьяри, З. Г. Ураксин,
А. М. Юлдашбаев

**Судьба и наследие
башкирских ученых-эмигрантов**

К

Уфа — 1995

У(С17)(Башк) + У(С17).

ББК 72.3
С 89

Печатается по решению
редакционно-издательского
Совета ВЭГУ

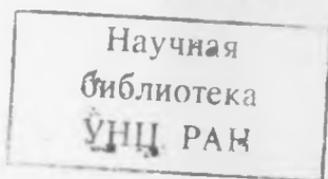
Судьба и наследие башкирских ученых-эмигрантов/Валеев Д. Ж., Мадьяри А., Ураксин З. Г., Юлдашбаев Л. М.; ВЭГУ. — Уфа, 1995. — 143 с. — ISBN 5-87865-045-2.

Предлагаемая читателям книга «Судьба и наследие башкирских ученых-эмигрантов» посвящена жизни и творчеству Ахметзаки Валиди Тогана, Абделкадира Инана и Галимзяна Тагана.

Научный редактор: Е. К. Миннибаев, докт. ист. н., профессор

Рецензенты: М. Я. Камильянов, канд. ист. н., профессор;
кафедра всеобщей истории ВЭГУ

Б-189488

ISBN 5-87865-045-2

© ВЭГУ, 1995

От авторов

Предлагаемая читателям книга является одной из первых в нашей республике попыток дать общую характеристику политической деятельности и научному наследию трёх учёных-эмигрантов башкир, которые в 1917-1919 гг. были предводителями национально-освободительного движения башкирского народа. Вынужденные эмигрировать за рубеж, они успешно занимались исследованием истории и этнографии тюркских народов. Ахметзаки Валиди Тоган — основатель автономной Республики Башкортостан — стал профессором Стамбульского, Боннского, Гёттингенского университетов, Абделкадир Инан — профессором Анкарского университета, а доктор экономических наук Галимзян Таган заведовал отделом Будапештского этнографического музея в Венгрии, после второй мировой войны преподавал в Гамбургском университете в Германии.

Часть издания, посвящённая А.-З. Валиди Тогану, написана кандидатом философских наук, доцентом А. М. Юлдашбаевым, А. Инану — доктором филологических наук, профессором З. Г. Ураксиным, Г. Тагану — доктором философских наук, профессором Д. Ж. Валеевым и профессором из Венгрии А. Мадьяри. Авторы, учитывая, что нашему читателю пока малоизвестны труды учёных-эмигрантов, сочли возможным привести пространные цитаты из их трудов, надеясь, что это повысит интерес к изданию.

Авторы оговаривают, что в предлагаемой книге творческое наследие рассматриваемых учёных представлено не в одинаковой мере, и объясняют это тем, что наследие Абдулкадира Инана и Галимжана Тагана до настоящего времени у нас было малоизвестным, и, по существу, только теперь учёные приступили к его изучению.

В книге сохраняется язык оригиналов цитируемых исторических материалов, переводов с них.

Ахметзак Валиди Тоған

(ученый, политик, личность)

Судьба народа иногда находит наиболее яркое проявление в судьбе его выдающихся представителей. Примером этому может служить жизненный путь двух наиболее значительных представителей башкирского народа – Салавата Юлаева и Заки Валидова. Оба после самоотверженной борьбы за свободу, подняв на нее весь свой народ, большую часть жизни провели на чужбине. Один – в царской каторжной тюрьме в Эстонии, другой – в эмиграции в Германии и Турции. Слишком долгое время стремление к свободе и национальному самоопределению наказывалось еще более худшей формой угнетения для самого народа, а для его предводителей – смертью или отлучением от самой родины. Но народ из поколения в поколение не устает возвращать в своих недрах таких борцов. И в каждую историческую эпоху атмосфера воспитания носителей духа свободы и самостоятельности своеобразна и неповторима.

Путь в науку

В начале XX века среди татарской и башкирской молодежи наблюдалось сильное и животворное стремление к учебе, знаниям, происходила реформа медресе, нарождалась новая интеллигенция, искренне стремившаяся просветить свой народ, способствовать его социальному и национальному освобождению. Молодой А.-З. Валиди сформировался именно в этой благодатной общественной атмосфере, быстро созрел духовно благодаря высокоинтеллектуальному и нравственному окружению в отчем доме, где будущий ученый имел возможность общаться как с носителями исламской культуры, получившими образование в Бухаре, Самарканде, Стамбуле, Каире, так и с представителями нового поколения татарской и башкирской интеллигенции, окончившими гимназии, военные учебные заведения, Казанский и столичные университеты. Для молодого А.-З. Валиди это обстоятельство сыграло чрезвычайно важную роль. Сформировавшись на стыке двух культур – восточной и русской, он всю жизнь в исторической науке будет играть роль выдающегося посредника между ученостью Востока и научной методологией Запада.

Детство и юность будущего историка прошли в небольшой деревне со смешанным татаро-башкирским населением. Обстоятельная дореволюционная земская статистика позволяет представить хозяйственную жизнь деревни Кузяново в 1912 г.¹ Деревня находилась в 156 верстах от губернского города Уфы, в 120 верстах от железной дороги, в 35 верстах от захолустного уездного городка Стерлитамака, в 7 верстах от ближайших русской начальной школы, больницы и ветеринара. Деревню населяли башкиры, тептяри и мишаре — всего 325 дворов, из них 23 — безземельные, 52 — безлошадные, 12 — беспосевные, т. е. беспросветные бедняки. 164 двора имели лишь по одной лошади, 174 двора сеяли хлеб не более 4 десятин. 136 человек уходили на заработки вне своего хозяйства.

Статистика беспристрастно констатирует, что бедность терзала каждую вторую семью. Были хозяйства более или менее зажиточные. 15 дворов имели посеvy свыше 10 десятин. З. Валидов пишет о хозяйстве отца так: «Разводить скот, сеять немного хлеба, заниматься лесными промыслами, жить бытом крестьянина среднего достатка среди башкир и татар в ауле — вот ожидавший меня жизненный удел. Главная забота аула заключалась в том, чтобы накормить скотину, обеспечить ее пастбищами; земледелие же сводилось к следующему: в подол длинного бешмета клали просо и разбрасывали его горстями на кое-как распаханную землю. Разбросав таким образом дватри подола проса на большой площади, мы считали эту работу завершённой»². Вряд ли хозяйство Ахметшаха Кузянова, отца Ахметзаки, было в числе 15 дворов, сеявших свыше 10 десятин хлеба, но оно не было и среди безлошадных бедняков. В деревне насчитывалось 23 хозяйства, имевших более 4 рабочих лошадей, и 55 хозяйств — более 3 коров. В числе этих дворов и зафиксировала, видимо, земская статистика число мужских и женских душ, скота и ульев семьи имама, воспитывавшей будущего основателя республики Башкортостан, открывателя Мешхедской рукописи Ибн Фадлана, профессора Стамбульского, Боннского, Геттингенского университетов. Напрашивается вопрос: как стало возможным становление столь крупного политика и еще более значительного ученого, если он до 17 лет пребывал в полной изоляции от культурных центров даже губернского масштаба и, по существу, как личность сформировался в глухой деревне?

Кузяново было захолустьем с точки зрения таких центров русской культуры, как Москва и Петербург, но оно не было

оторвано от великих культурных традиций Востока. Отец и мать ученого владели арабским, персидским и чагатайским (старотюркским) языками. Чтение книг религиозного содержания на двух-трех языках для них было делом повседневным, такие семьи отнюдь не были редкостью и встречались тогда в каждой татарской и башкирской деревне. Дядя ученого по матери — Халибназар Сатлык из аула Утяково — ученик великого татарского просветителя Шихабетдина Маржани и учитель юного Ахметзаки.

Не только такие культурные центры татарского и башкирского народов, как Казань, Уфа, Оренбург, Троицк, но и села жили на рубеже веков напряженной, глубокой духовной жизнью, уходящей корнями в многовековую исламскую культуру Востока, а ветвями — в расцветающую русскую культуру. И это привело к появлению нового, качественно иного поколения политических деятелей, ученых, писателей, лучшими представителями которых были Ризаитдин Фахретдин, Габдулла Тукай, Галимжан Ибрагимов, Садри Максуди и многие другие. Духовная атмосфера, созданная этой интеллигенцией, привлекла к себе самую лучшую и активную часть татарской и башкирской молодежи, и многие из её среды в начале века стремились получить образование в городских новометодных (джадидистских) медресе и даже в русских гимназиях и университетах; частенько ради этой цели, как молодой З. Валиди, совершали побег из родного дома. Сам ученый, с большой теплотой вспоминая свое детство и юность, пишет: «Я очень любил свои родные аулы Кузяново, Галиакбер, Алагуяшбашы и кочевья Акбейек. Но отсталость нашей бытовой культуры заставляла смотреть на всю эту жизнь как бы свысока. Лишь значительно позже я понял смысл и правоту идеализации башкирской жизненной философии русскими писателями Толстым и Аксаковым. Интеллигенция этого общественного круга познакомила меня в тюркскую, арабскую и персидскую культуры, познакомила с некоторыми великими мыслителями востока и запада и дала мне такой нравственный идеал и политическую цель, которые поправлять и изменять впоследствии уже не было надобности»³.

Нравственное воспитание будущего ученого протекало в этнически смешанной среде, где он сызмальства впитывал чувство родственной преданности широкому кругу близких и дальних родственников, расселившихся на достаточно обширном регионе, и его не тяготило преодоление верхов на коне зна-

чительных расстояний ради общения с ними. Это шло от традиций башкир, недавних кочевников. Вместе с тем он каждодневно наблюдал повседневный кропотливый, непрекращающийся крестьянский труд татар и мишарей, способных обеспечивать свое существование на небольшом клочке земли, при этом показывая пример исключительной бытовой чистоплотности и порядка. Он пишет: «Наша простая жизнь в горах и джайляу, в особенности чарующие исторические предания, ее отзвуки, все еще животрепещущие в душе народа, сызмалства впитались в мое детское сознание так сильно, что они впоследствии, в ходе освободительной борьбы, побуждали меня на самые крайние решительные поступки, вдохновляли составлять самые решительные планы о настоящем и будущем тюркологических и исламоведческих наук. Отсюда понятно, что моя судьба должна восприниматься как продолжение и результат исторических воспоминаний, все еще живых в душе моего народа»⁴.

Характерная черта этих исторических воспоминаний башкир заключается в том, что они вырастают из семейных преданий. Родовые предания всегда находятся в единой ткани всей исторической памяти народа и уходят вглубь веков, в незапамятные времена. Этим и объясняется высокая оценка и неугасающий интерес ученого к родовым преданиям и семейным воспоминаниям.

Глубоко человеческая атмосфера в кругу семьи была настолько благотворной для формирования мировоззрения юноши, что в конце своей жизни он написал: «У этого круга людей было немало качеств, достойных восхваления. Они были искренне преданны и уважительны друг к другу, в любом деле энергичны и рачительны. Им были чужды проявления фанатизма, и пороки пьянства, и иные дурные наклонности. Эта среда, в которой я вырос, старалась никогда никого не унижить, не обидеть. Из нее вышло бы немало видных людей. Но русская революция отрицательно сказалась на их судьбе. Хотя красные русские на весь мир ославили нас, что «они, мол, не умели ни читать, ни писать, это мы научили их этому», по существу, именно они искоренили эту одухотворенную культурную среду»⁵.

С 1908 г. Валиди продолжает свою учебу в медресе Касимия в Казани, мечтает поступить в университет, начинает самостоятельно готовиться к экзаменам по гимназическому курсу. Целый ряд видных татарских ученых и писателей заме-

тили способного и целеустремленного молодого человека, сумевшего в башкирской глубинке овладеть языками и не только хорошо ориентирующегося в восточных средневековых источниках, но и знакомого с русской востоковедческой литературой. В судьбе Валидова приняли участие и оказали на него благотворное влияние Риза Фахретдинов, Дэрдмэнд, Муса Ярулла Бигиев, Галимьян Ибрагимов и многие другие. Уже в 1909 году З. Валиди в том же медресе Қасимия начинает преподавать историю тюркских народов и арабской литературы. Во многих татарских газетах и журналах начинают публиковаться его статьи по истории тюркских народов. В 1910 г. начинает писать и в 1912 г. публикует первую книгу «История тюрков и татар», встреченную одобрительно в Средней Азии и даже в Турции. Эта книга, написанная ученым в возрасте 21 года, не потерявшая научной ценности и по сей день, переиздана в 1992 г. в Казани (на татарском языке), в 1993 г. в Стамбуле (на татарском языке кириллицей), в 1994 году в Уфе (на башкирском языке). Первые самостоятельные историко-этнографические исследования Валиди начинают среди бурзянских башкир; в 1913 г. в №/№ 19-22 журнала «Шуро», издаваемого в Оренбурге, публикуется серия его статей, в которых молодой автор характеризует древнейшие пласты башкирской культуры.

Особую роль в судьбе молодого историка, в становлении его как ученого сыграл известный востоковед, профессор Казанского университета К. Ф. Катанов, который оказывал ему всяческую помощь в подготовке к поступлению в университет, в издании его первой книги. В 1913 г. К. Ф. Катанов предложил Казанскому университету командировать З. Валидова в Фергану для проведения историко-археографических исследований и сбора книг, документов, рукописей, представляющих интерес для ориенталистики. Поездка была настолько успешной, что ею заинтересовались востоковеды Петербурга. По рекомендации В. В. Бартольда Академия наук в 1914 г. направляет З. Валидова с аналогичной миссией в Бухару. Эта экспедиция молодого ученого была еще более результативной: он нашел и приобрел для Академии наук рукопись перевода Корана на тюркский язык, относящуюся к X веку. До сих пор эта рукопись остается самым древним переводом Корана на тюрки. Высоко оценивая итоги этой экспедиции, академик В. В. Бартольд писал Российской Академии следующее: «В деле спасения в Средней Азии рукописных произведений, под-

вергнутых сейчас угрозе безвозвратной утраты, в сборе археографических и этнографических материалов на месте польза местных ученых, пользующихся полным доверием населения, очевидна, и это неопровержимо доказывается экспедицией З. Валидова».

Собранная и приобретенная им тогда коллекция рукописей до сих пор известна востоковедам под названием «собрание Валидова».

З. Валидов продолжает работу над второй частью своей книги, в русских и татарских журналах печатает множество статей по истории литературы, культуры, продолжает подготовку к поступлению в университет. Разразившаяся мировая война отражается и на его судьбе. От призыва в армию его избавляет то, что он в Казани сдал экзамены по программе учительских курсов и получил квалификацию учителя русского языка для инородческих школ. Царским указом эти учителя освобождались от призыва в армию. З. Валидов возвращается в Уфу и начинает преподавать историю в медресе Госмания.

Периетин политической борьбы

В конце 1915 г. уфимские мусульмане решают послать молодого ученого, хорошо ориентирующегося в земельных, демографических, социальных проблемах края, в качестве своего представителя в мусульманскую фракцию Думы. С начала 1916 г. З. Валидов окунается в бурную политическую деятельность, которая длилась до начала 1923 г.

Февральскую буржуазно-демократическую революцию ученый встречает в Петрограде со словами: «О, Создатель, открой этой революцией дорогу к свободе и для моего народа»⁶. Члены думской фракции мусульман и интеллигенция тюркских народов в Петрограде начинают подготовку московского съезда мусульман России. В апреле 1917 года Валидов направляется в Ташкент. Цель — участие в организации съезда народов Туркестана. По пути останавливается в Оренбурге, собирает башкирскую интеллигенцию, побуждает её послать на московский мусульманский съезд делегацию от башкирского народа. Валидов ощущает себя политическим деятелем общетуркестанского масштаба и заботится о самоопределении всех тюркских народов как единого целого с общей исторической судьбой.

На московском съезде мусульман России Валидов участ-

вует в качестве делегата Туркестана. Разворачивается борьба по вопросу о государственном устройстве тюркских народов в послереволюционной России. Ведущие татарские деятели во главе с членом кадетской партии Садри Максуди⁷ выступают за унитарное демократическое государственное устройство России, отрицают необходимость борьбы за территориальную автономную государственность как татарского народа, так и других мусульман России. Против унитаристов резко выступили федералисты, считавшие, что тюркские народы должны добиться своей государственности и выступать за федеративное устройство России. Среди федералистов активную позицию занял и З. Валидов. В «Воспоминаниях» о своей позиции в тот период он пишет следующее: «На Московском съезде я не выступал лишь с идеей независимости Башкортостана. Я в то время проводил идею о независимости Туркестана, считал, что в Поволжье, где преобладало русское влияние, можно будет вести речь о культурной автономии и лишь в восточных областях, где преобладает тюркское влияние (впоследствии им было дано название «Малая Башкирия»), можно будет присоединиться к Туркестанскому и Казахстанскому движению за территориальную автономию»⁸.

Итак, движение башкирского народа за автономию З. Валидов представлял как органическую часть борьбы всех среднеазиатских народов за самоопределение и, отправляясь после Московского съезда вновь в Ташкент, организовал в Оренбурге Башкирское областное шуру (совет). В газете «Вакыт» («Время») Шуру опубликовало объявление о созыве 20 июля первого курултая Башкортостана. Начинается подготовка к изданию газеты «Башкорт».

Полемика между федералистами и унитаристами приобретает острый характер. Русские партии, начиная от кадетов и кончая большевиками, были против федеративного устройства России. Среднеазиатские и казахские деятели постепенно склонялись к федерализму. Упорно защищала унитаристские идеи значительная часть татарской интеллигенции, ставшая главным политическим противником З. Валидова, всю свою энергию направившего на развертывание движения за национальную территориальную государственность тюркских народов. Летом 1917 г. он принимает участие в первом и втором башкирских курултаях, готовит основные документы, в то же время принимает активное участие в основных съездах, совещаниях мусульманских деятелей в Петрограде, Москве, Ташкенте,

Уфе. Более того, ему удается побывать и в башкирских деревнях, где, встречаясь с интеллигенцией и молодежью, он подготавливает почву для широкого развертывания движения за национальную государственность. Важную роль в этом сыграл фарман № 1, написанный З. Валидовым; в нём большевистская политика оценивается как путь к гражданской войне, отмечается неприемлемость земельной политики большевиков, так как она ведет к потере башкирским крестьянством своих исконных прав на собственные земли. 16 ноября (29 по новому стилю) Башкирское областное Шуро объявляет Башкортостан автономной республикой в составе демократической России. Идея о создании автономной государственности башкир в географическом центре необъятного государства встречает скептическую и отрицательную реакцию со стороны как революционных, так и контрреволюционных сил. Русские и татарские крестьяне в Башкирии также отнеслись к этому с сомнением и страхом. Подавляющее большинство татарской интеллигенции выступило против образования башкирской автономной государственности.

Поддержка башкирского народа образовавшемуся правительству была тем больше, чем больше становилось его критиков. З. Валидов приобретает за короткий срок влияние и авторитет, о котором он и сам не мог думать несколько месяцев до этого. Еще после Февральской революции он считал, что по вопросам автономии, земли, языка, культуры, религии башкиры примкнут к движению в Казахстане и Средней Азии, и не предполагал, что возникнет самостоятельное башкирское политическое движение.

В национально-освободительное движение включилась почти вся башкирская интеллигенция. Выдающуюся роль в нем играли писатели Ш. Бабич, Г. Иркабаев (погибли от рук красных при переходе башкирских войск от белых на сторону красных), С. Магази (расстрелян красными), Х. Габитов (репрессирован в 1938 году), Г. Таган (эмигрировал в Венгрию), братья Карамышевы, Ишмурзины, Муртазины, Идельбаевы и многие другие.

Башкирское правительство обосновалось в Оренбурге, вступило в контакт с генералом Дутовым. Вместе с тем, когда в январе 1918 г. в Оренбурге установилась Советская власть, оно не ушло с белоказаками, осталось в городе и пыталось сохранить нейтралитет между красными и белыми, объявив, что

выражает лишь интересы угнетенного народа и не вмешивается во внутренние дела России. З. Валидов пытался установить контакт и сотрудничать с органами Советской власти. Но вскоре, в феврале 1918 г., члены башкирского правительства были арестованы, некоторые из них расстреляны. Это возмутило народ, движение многократно усилилось и отшатнулось в сторону Колчака и Дутова. Через два месяца З. Валидов и другие члены правительства были освобождены из тюрьмы во время налета на Оренбург белоказаков. Валидовскому правительству за короткий срок удалось сформировать воинские части и влиться в армию белых. Они требовали от Колчака признания автономии Башкирии. Но шовинизм Колчака усиливается по мере увеличения ему помощи со стороны союзников. З. Валидов в своих «Воспоминаниях» пишет: «Я был за продолжение борьбы против Советов до конца. Однако в Западной Сибири генералы, поддерживаемые союзниками (французы, англичане и американцы), ставшие в то время хозяевами положения, начали пропаганду в целях установления диктаторского режима, что подрывало наш моральный дух. Вера в «Российское Учредительное собрание», в новые демократические идеи все еще была сильной, но не менее скверное влияние грубого вмешательства союзников было очень сильным и разрушительным. После того как адмирал Колчак при помощи этих миссионеров 18 ноября объявил себя «Верховным правителем России», т. е. диктатором, все наши дела пошли вверх дном. Он в первую очередь начал нападки на Комууч. 21 ноября объявил указы о ликвидации Казахского и Башкирского правительств и о роспуске башкирских и казахских войск. Было строгое распоряжение распустить башкирские и казахские войска, а меня и других башкирских лидеров схватить и отдать в военно-полевой суд»⁹. Теперь им грозил расстрел со стороны Колчака. Ленин об этих событиях писал: «Англо-французский империализм, который фантазия мелкобуржуазных демократов рисовала в виде друга демократии, защитника угнетенных, оказался на деле зверем, ... использующим войска «свободных» республиканцев, французов и американцев, для роли жандармов и палачей, душителей независимости и свободы малых и слабых наций»¹⁰.

Ленин писал также: «Мы должны те элементы из колеблющихся, которых зверства империалистов толкают к нам, использовать»¹¹. Поэтому, когда башкирское правительство было вынуждено начать переговоры об автономии Башкирии и переходе башкирских войск на сторону Красной Армии, Ленин и

Сталин телеграфировали в Уфу, где находился их представитель М. Халиков: «Предлагаем не отталкивать Халикова при условии создания единого фронта с башкирскими полками против Колчака»¹².

Переход целого воинского соединения в семь полков со многими отдельными вспомогательными частями, занимавшего фронт в несколько сот километров в горно-лесных и степных районах Южного Урала, с многосложным имуществом, правительственными учреждениями, редакцией и типографией в условиях зимнего бездорожья, при крайней подозрительности белого и недоверии красного командования, был делом сложным, и только безграничная преданность войск и народа своему молодому лидеру позволила совершить его с минимальными потерями. Этот драматический момент в истории башкирского народа и его войск нашёл глубокое отражение в документах того времени и в памяти самого лидера. В «Воспоминаниях» З. Валиди об этом пишет: «Политика и программа красных были хорошо известны нашему народу, к тому же мы воевали против них, поэтому убедить войска, членов правительства в одночасье перейти на сторону красных было делом нелегким. Чтобы сведения о наших планах не просочились в стан врагов, мы скрыли от войска ведение переговоров с Советами. Нужно было задуманное воплощать в жизнь очень быстро, более того, в один и тот же день объявить о своем решении войску и совершить переход. Генерал Акулин писал позднее в своих воспоминаниях, что для оренбургских казаков подобный шаг был бы чрезвычайно трудным делом, что только вера башкирского войска и народа в свое правительство, своего предводителя позволили совершить переход в организованном порядке.

20 февраля полки на моих глазах перешли на сторону красных. Я следил за переходом войск, сидя в санях, запряженных парой лошадей, приветствовал их, с трудом сдерживая слезы. Многие солдаты плакали. Когда переход закончился, я припал к плечу вестового Ахметьяна, душили слезы. За всю жизнь я не рыдал так, как тогда. Мы пожертвовали идеалами свободы и демократии, мы отдали их в руки таболиных и колесовых, склонили головы врагам, с которыми боролись с таким упорством, положили к их стопам все наши чаяния и волю, не зная, в каких целях нами воспользуются. Мне представлялись картины мрачного будущего нашего народа. Предположение, что дальнейшая судьба войск будет трагичной, было слишком реальным»¹³.

Предчувствия З. Валидова не были беспочвенными. Недоверие и подозрительность командиров дивизий и полков Красной Армии, действительно, привели к ряду трагических последствий. Некоторые башкирские воинские части после добровольного перехода к красным были приняты как военнопленные, разоружены и подвергнуты оскорблениям. Из-за этого полк под началом Мусы Муртазина, разгромив один из красных полков, ушел обратно к белым, где еще несколько месяцев воевал против красных. Только влияние и авторитет З. Валидова позволили организовать переход этой воинской части вновь на сторону Красной Армии.

В результате переговоров было достигнуто «Соглашение Центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономии Башкирии» в пределах Малой Башкирии (восточная половина нынешнего Башкортостана, часть нынешней Челябинской и Оренбургской областей), опубликованное 23 марта 1919 года в «Известиях».

Таким образом, первая в составе РСФСР автономная республика возникла в результате обоюдного соглашения двух правительств и была наделена широкими правами, вплоть до организации отдельной башкирской армии. Данное Соглашение, опубликованное за подписью членов центрального правительства во главе с Лениным и членов башкирского правительства, представляет собой один из первых документов, открывающих сложные пути к формированию «советской автономии». З. Валидов и его окружение стремились создать автономную государственность в обыкновенном европейском смысле этого понятия, ибо понятия «советская автономия» не было ни в истории, ни в науке, ни даже в головах большевистских теоретиков. Понятие и практика «советской автономии» рождались в Башкирии.

Многие теоретики партии отрицательно относились к идее национальной автономии, в том числе и Н. Бухарин. Критикуя Бухарина, признававшего право лишь трудящихся масс на самоопределение и отрицавшего право наций на самоопределение (так как нация — это трудящиеся плюс эксплуататоры), В.И. Ленин на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. говорил: «Когда т. Бухарин говорил: «Можно кое для кого это право признать» — так я даже записал, что у него в этот список попали готтентоты, бушмены, индусы. Слушая это перечисление, я думал: каким образом т. Бухарин забыл одну маленькую мелочь, забыл башкир?... ведь у нас есть башкиры, кирги-

зы, целый ряд других народов, и по отношению к ним мы не можем отказать в признании. Мы не можем отказать в этом ни одному из народов, живущих в пределах бывшей Российской империи»¹⁴.

З. Валидов и его сподвижники приступили к осуществлению достигнутого соглашения так, как они его понимали: создание автономной государственности со своей армией, правительством, с отделом внешних сношений, т. е. демократической государственности самоопределившегося народа. Вскоре по всем вопросам — кадровым, продовольственным, военным, государственного и партийного строительства — он столкнулся как с центральными, так и с местными губернскими властями. Был вызван в Москву и находился там, поскольку его влияние в Башкирии считалось нежелательным и опасным. В Башкирию в качестве представителей ВЦИК и ЦК РКП(б) были направлены виднейшие большевики Ф. Н. Самойлов (член партии с 1903 г., один из членов IV Государственной Думы), П. Н. Мостовенко (член партии с 1901 г.), Е. А. Преображенский (член партии с 1903 г.).

В республике к концу гражданской войны сложилось тяжелейшее экономическое положение. Когда башкирское правительство и войска находились на стороне Колчака, Башкирия была в тылу Красной Армии. После перехода башкирских войск на сторону красных она оказалась в тылу у белых... Грабежи довели народ до такого отчаянного состояния, что Совет Народных Комиссаров принял следующее постановление, подписанное Лениным: «Ввиду крайне бедственного положения населения трех районов Башкирской Советской Автономии, где особенно свирепствовали белые колчаковские банды, безотлагательно, в порядке чрезвычайного государственного характера, организовать помощь жертвам белогвардейских насилий и погромов на территории Башкирии»¹⁵.

Организатором помощи бедствующему народу, а также уполномоченным ЦК РКП(б) и ВЦИК в формирующейся республике был направлен член партии с 1901 г. Ф. А. Сергеев (Артем). Он в своем докладе в ЦК РКП(б) о положении дел в Башкирской Советской республике говорил: «Наиболее существенным является то, что кулацко-башкирская группа определенно осознала наконец, во-первых, неприемлемость для нее советской продовольственной политики, во-вторых, безусловную недопустимость для нее коммунистических организаций, которые могли бы вырвать из-под влияния националистичес-

ких башкирских кулацких групп беднейшие слои башкирского населения. Нашей ближайшей политической задачей является закрепить расхождение между кулацкой и мелкобуржуазной интеллигентской частью. Мы должны изолировать кулака, и заставить его выступить в одиночку, и задушить его силами как раз башкирской бедноты»¹⁶.

Итак, национальная интеллигенция башкир, лишь начавшая формироваться в начале века, ринувшаяся на защиту интересов своего народа, угнетаемого столетиями, была обречена на внутренний классовый раскол. Часть, как выразительница интересов башкирского кулачества, должна быть удушена... Ясно, что среди удушенных окажутся наиболее значительные, последовательные в своем демократизме деятели — З. Валидов и его ближайшее окружение. О каком же башкирском кулачестве ведет серьезный разговор в ЦК партии Артем? По статистическим материалам благополучных 1912-1913 гг., в Стерлитамакском уезде (во времена пребывания Артема в Башкирии центр республики находился в г. Стерлитамаке) среди башкирских крестьян беспосевная, безлошадная или однолошадная беднота составляла 74%, середняки — 19%, а зажиточные — 7%. Среди русского крестьянства этого же уезда бедные составляли 38%, средние — 34%, кулачество — 28%. Контраст немалый. Тяжелые последствия мировой войны, революции, особенно гражданской войны, фронт которой несколько раз переползал через Урал, тяжело отразились на крестьянстве без различия национальности, но в силу уже упомянутых особых перипетий на путях башкирского правительства и войск коренной народ пережил такое, что подвластно описанию лишь таланту масштаба Шолохова. Артем имел возможность видеть картину бедствия башкирского народа вокруг Стерлитамака и по всей Башкирии во всей ее безысходности. Не только богатых, но и дворов среднего достатка в это время среди башкир не было. Бедность леденила кровь очевидцев. Но классовая теория для марксиста такой закалки, как Артем, разумеется, превыше всего. Бедноты для удушения кулака, которого увидели в Валидове и его ближайших сподвижниках, было более чем достаточно.

Слишком прямолинейная политика Артема (Ф. А. Сергеева), Ф. Н. Самойлова, направленная на ограничение прав автономной республики, привела ко многим конфликтам, наиболее острым из которых был январский арест башкирским правительством некоторых представителей центра, обвинённых в

заговоре против автономии Башкортостана. Постепенно башкирская интеллигенция дискредитировалась и вытеснялась из сферы активной политической деятельности. Но в то время среди русской демократической интеллигенции были люди, которые подвергали большевистскую национальную политику обостренной жесткой критике. Один из них, К. М. Ракай (Рычков, потомок русского ученого П. И. Рычкова, автора «Топографии Оренбургской...»), присланный в Башкирию в качестве представителя центра, писал в своем отчете в ЦК, ВЦИК и Центральное бюро Коммунистических организаций Востока в январе 1926 года следующее: «При наших нравах, при нашем уровне культурности, при нашем недостатке культурных и технических сил и при том абсолютном бессилии, с которым мы подходим к инородцам — товарищи очень часто, как например, в Башкирии, проводят голое принуждение, чем портят все дело.

Еще до развернувшихся событий в Башкирии я своевременно телеграфировал вам, товарищи, что деятельность товарища Артема и его группы по отношению к башкирам я нахожу в корне неправильной и поэтому отмежевываюсь от местного политиканства, могущего привести к авантюре.

Если подобным образом действовать по отношению к инородцам, как действовали товарищ Артем и компания, и если к тому же еще, чего я лично не допускаю, действия товарища Артема и других санкционировались высшим партийным органом ЦК РКП и ВЦИК, то это было таким идиотизмом, и такой гибелью дела, что сознательно так работать могут только провокаторы.

Отозвать из Башкирии товарища Артема и его группу, стремящуюся к власти. Власть в Башкирии может быть жизненной только тогда, когда имеет корни в правосознании башкирского народа. К сожалению, и старый режим, и товарищ Артем сделали все, чтобы возбудить среди башкир ненависть вообще к власти, да притом еще возглавляемой русскими»¹⁷.

Находившийся в это время за пределами Башкирии З. Валидов (центр, опасаясь его влияния в Башкирии, возложил на него обязанности в Москве) писал Ленину и Сталину 19 февраля 1920 г. следующее: «...арест Шамигулова и Измайлова был для Башревкома неизбежным ввиду того, что возмутителями спокойствия были они. Они хотели путем разных провокаций добиться ликвидации Башреспублики. Причём меня, Валидова, и Юмагулова, убить.

Крайне тяжело работать при таких условиях, особенно

лично мне. Для дальнейшей работы необходимо полное Ваше доверие, чтобы наши соседи знали, что мы таким доверием Центра пользуемся.

Корень зла в том, что наши башкиры некультурны и неповоротливы и не отличаются способностью быстро применяться к условиям момента. А русские привыкли на том поживиться. Сразу сделаются коммунистами и все друг друга поддерживают. А полудикий башкирин остается с открытым ртом. Коммерческий элемент — татары — стараются выгадать с обеих сторон. И только сознательные коммунисты это положение на Урале могут оценить»¹⁸.

Но никакого доверия ни Валидов, ни башкирская интеллигенция со стороны большевиков не заслужили. Историческая инерция шовинистических традиций все больше и больше подминала под себя интернационалистскую сущность марксизма. Ленин, ощущавший и сильно опасавшийся этой тенденции, также сдавал свои позиции. Шовинизмом были заражены не только прямолинейно мыслящие деятели, как Артем, но и более гибкие, как С. М. Диманштейн (член коллегии Наркомнаца), присланный в Башкирию в качестве представителя ВЦИК. Уже после ухода З. Валидова к басмачам Диманштейн писал из Башкирии в центр: «От революции башкиры ничего особого материального не получили. Бывшие помещичьи земли и значительные имения Башкирии попали главным образом более сильному элементу — переселенцам или совхозу, где работают более способные к земельному производству русские. От фабрик и заводов ничего не попало башкирам, не имеющим в своей среде рабочих. Единственное и революционное приобретение — это своя республика и армия, и посему надо особенно бережно к этому подойти.

Башкирские коммунисты, сторонники Валидова, делятся на разные категории, маленькая группа, головка, которая поняла суть задач, стоявших перед ними, она бежала, их надо дискредитировать уголовными делами (захват государственных сумм, подделка документов и т. п.). Больше всего надо обрушиться на Валидова и Алкина. Вообще надо локализовать и запутать этот вопрос... Без головки при хорошей обработке можно многих из заблудившихся и подпавших под влияние Валидова и Алкина перетянуть на нашу сторону.

После этого переворота следует искусственно умело усилить вес башкир. Особенно усиленно выдвигать башкир на посты, имеющие декоративный характер, по Президиуму

БашЦИК (отделить пост его председателя от поста Предсовнаркома). Выбирать башкир на всякие Пленумы, которые самостоятельно ничего не выполняют. Более или менее подходящих коммунистов из них ставить на ответственные посты, а прежних дельных, выдержанных русских коммунистов — как заместителей»¹⁹. Эта политика просуществовала в недрах партийных и государственных учреждений вплоть до ухода КПСС как правящей партии.

Сама башкирская интеллигенция и З. Валидов ни в коей мере не ощущали себя представителями лишь кулачества, они имели основания считать себя выразителями интересов угнетенного и бесправного народа, доведенного до бедственного состояния. Поэтому вполне можно понять гневное письмо З. Валидова в ЦК РКП(б), обращенное непосредственно к В. И. Ленину: «Исходя из начатой политики ЦК РКП(б) становится ясным, что и Вы, как и Артем с товарищами, в политике по отношению к восточным нациям хотите принять за основу идеи настоящих русских шовинистов. Товарищ Троцкий²⁰ после изучения всех этих вопросов понял, что все дела этого человека²¹ представляют собой цепь провокаций. Несомненно, Троцкий этот вопрос и в Центральном Комитете разъяснил так же, но господство политики русского империализма продолжает сохраняться. Возглавлявшие Тюркскую комиссию товарищи Фрунзе и Куйбышев, как и Троцкий, на заседаниях комиссии после устранения от дел Рыскулова²² и меня открыто говорили, что политика, проверка которой им была поручена²³, носит двуличный, обманный характер. Наши же друзья, являющиеся членами партии, должны будут способствовать господству старого, традиционного русского империализма в замаскированной форме. О том, что среди туркестанских народов будут искусственно возбуждены классовые противоречия, такие местные националисты, как Рыскулов и Валидов, будут выведены как классовые враги местного пролетариата, среди местной интеллигенции будут подготовлены так называемые «октябристы», верные русскому империализму, и мы будем уничтожены ими, открыто говорилось на заседаниях Тюркской комиссии. Только знайте, что мы не станем искусственными классовыми врагами местных крестьян и не покоримся попытке сделать нас жертвой. Возможно, вы найдете жертву, которая вам нужна, но мы такой жертвой не станем!»

Конгресс восточных народов в Баку²⁴ ясно продемонстрировал нашим землякам, участвовавшим на этом Конгрессе, что

посягательства к правам Туркестанцев не дело отдельных местных коммунистов, а является собственной политикой ЦК. Поведение членов ЦК Зиновьева и Радека перед участниками Конгресса из Востока напоминало поведение комиссаров, вышедших навстречу толпе невежественных крестьян на крестьянских съездах, созданных непосредственно после революции. Были запрещены выступления делегатов по подготовленным на родине текстам, с помощью красных охранников заставили их молчать и принять решения, заранее подготовленные и присланные из Москвы. Принижение проблем восточных наций до правовых вопросов местного уровня, сведение их к проблеме села неопровержимо доказывает, что ЦК ведет свою политику в ложном направлении. Искусственно возбужденные классовые противоречия в аулах восточных народов ЦК сможет поддерживать лишь путем террора. В своих замечаниях на тезисы товарища Ленина по колониальному вопросу, которые затем были зачитаны им на Конгрессе Коминтерна, я уже писал, что на Востоке социальная революция не осуществима на основе искусственного классового расслоения, что социальная революция у этих народов — явление чрезвычайно сложное. Если капиталисты и рабочие Европейских наций, объединившись, стремятся к завоеванию колоний, то крестьяне и рабочие на Востоке будут также вынуждены объединяться со своими богачами. Вы, видя, что у восточных народов нет проявлений классового расслоения, будете преследовать их интеллигенцию, превращая одну ее часть «в мелкобуржуазного националистического классового врага», а из другой части будете делать «левых октябристов». Не раз и этих «левых октябристов» будете выводить в число классовых врагов. Уничтожив их, будете формировать все новых и новых «левых октябристов». Наконец таким образом вы останетесь лицом к лицу с неграмотным местным крестьянином, не знающим ничего, кроме своего осла и быка, лопаты и мотыги. Я не верю, что вы сумеете изменить ваше недоверие к местной интеллигенции в масштабе всего Туркестана. В крайнем случае предали бы местной интеллигенции возможность заниматься восстановлением жизни на территории Советской Бухары, организованной после бегства Эмира»²⁵.

Чем же конкретно обусловлены все эти упреки применительно к Башкирии? Дело в том, что 19 мая 1920 года было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР за подписью В. И. Ленина и М. И. Калинина «О государственном устройст-

ве Автономной Советской Башкирской Республики». Это постановление, принятое центральным правительством в одностороннем порядке, перечеркивало соглашение 1919 года и определило узкие рамки «советской автономии», ставшие затем прокрустовым ложем для многих народов СССР. Вскоре по образцу и подобию усеченной башкирской советской автономии были созданы татарская, киргизская (впоследствии превращенная в Казахскую и Киргизскую союзные республики), чувашская и другие автономные образования. За этой «автономизацией» стояла зловещая фигура Сталина. Несколько позже в изобретенное им ложе «советской автономии» он попытается втиснуть Закавказские республики, Украину, Белоруссию. Горький опыт маленькой Башкирии напугал Ленина опасностью этого шага, и он отвергнет сталинский план «автономизации». К 1922 г. сформируется план создания Союза Советских республик, представлявший собой своеобразную усеченную форму федеративной связи народов бывшей унитарной империи. Но весь этот опыт центру еще предстояло накапливать, в том числе и за счет судьбы башкирского народа и его лидера З. Валидова. После опубликования майского постановления в Башкирии возникло повстанческое движение против ущемления правового статуса сформированной республики. Неоднократные встречи и беседы Валидова с Лениным о судьбе Башкирской автономии положительных результатов не дали, и он из Москвы уехал в Среднюю Азию, став одним из идеологов басмаческого движения. За ним последовали и некоторые деятели башкирского движения.

Для успокоения народа в республике потребовалось немало усилий центрального правительства и командующего Туркестанским фронтом М. Фрунзе. Артем и другие известные большевики были отозваны из Башкирии. З. Валидов в 1923 году направил письмо на имя Ленина:

«Глубокоуважаемый Владимир Ильич!

Заранее знаю, что из-за Вашей болезни это письмо не будет Вам ни вручено, ни прочитано. Но копии этого письма я отправлю многим своим друзьям и сподвижникам, и оно станет историческим документом. Товарищ Сталин при посредстве товарища Рудзутака прилагает усилия вернуть меня в партию. Он делает вид, что не знает о моем письме в Центральный Комитет из Баку, написанном в 1920 году, где я открыто объявил о своей деятельности против Моск-

вы, о своем присоединении к басмаческому движению. Кто же вам будет верить после того, как Соглашение, подписанное 20 марта 1919 года Вами, Сталиным, мною и моими товарищами, спустя четырнадцать месяцев было перечеркнуто Постановлением от 19 мая 1920 года, подписанным лишь Вами и Сталиным? После этого односторонне принятого постановления я, встретив Вас, выразил свой протест. Вы же тогда Соглашение, принятое 20 марта 1919 года, соизволили назвать «клочком бумаги». Кстати, по этому Соглашению у Башкортостана должна была быть собственная армия, подчиненная непосредственно центральному Советскому командованию. Ныне по Постановлению от 19 мая 1920 года наши войска лишены этого статуса, переподчинены Заволжскому военному округу, командованию этого округа предоставлено также право по своему усмотрению дробить и переформировывать существующие воинские части. Фактически башкирские войска перестали существовать. На основании подобного же постановления вы «Уфимскую губернию присоединили к Башкортостану», на деле эта лукавая мера означает ни что иное, как присоединение Башкортостана к Уфимской губернии. В этой связи объявленные Советским правительством 20 ноября 1917 года в Обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» права этих народов на самоопределение «вплоть до отделения от России» в корне перечеркиваются Постановлением от 19 мая 1920 года. После поражения башкир, казах и туркестанцев в этой борьбе в истории юго-восточных мусульман России начинается новый этап: борьба внутри России не обеспечила права мусульман, и это достойно сожаления, поэтому с нашей эмиграцией из Советской России борьба перейдет на международный уровень. Моя цель будет заключаться в том, чтобы требования этих народов довести до сведения мировой общественности. Далее в этом письме будут рассматриваться отдельные стороны нашего угнетенного положения.

Ныне великорусская нация свою политику, направленную против интересов наций и племен, оказавшихся в ее подчинении, начинает решительно претворять в жизнь не только в экономической и социальной сфере, но и в области культуры. «Восточный университет», созданный в прошлом году, приобрел качество некоего центра, осуществляющего эту политику. При Центральном Комитете появилась группа специалистов по восточным делам. Центральный Комитет,

собрав некоторых представителей восточных народов, оказавшихся в зависимости от Советов, повелел им готовить необходимые материалы для этих «специалистов по востоку». Эти представители востока издали несколько книг и брошюр. Но мысли, опубликованные от их имени, навязаны великорусскими специалистами. Некоторые пункты «конституций», написанные ими для своих стран, были исключены, даже не удостоившись обсуждения. В данное время самое важное дело, которым занимается Восточный университет и специалисты по востоку — создание литературных языков для народов на основе фонетики их местных диалектов. В определении принципов этого мероприятия нерусские коммунисты играли лишь роль советников. В последнем номере журнала «Красный Восток», издаваемого специалистами Восточного университета, дагестанец Гумер Алиев пишет, что если на Северном Кавказе для тюркских языков будет принят алфавит кириллицы, результатом этого будет христианизация этих народов, поэтому они, как азербайджанцы, должны пользоваться латинским алфавитом, вопросы об алфавите и литературном языке должны решаться не под руководством русских, они должны решаться местными специалистами под руководством самостоятельных правительств самостоятельных областей, сформированных в условиях национально-политической свободы. Такого рода статьи, а также попытки некоторых Азербайджанских специалистов посредством журнала «Красный Восток» объединить всех тюрков-мусульман вокруг одного литературного языка вызывают недовольство великорусских специалистов. Профессор Поливанов выступил против азербайджанца Шахтагинского и Джалиля Гулиева, которые на одном из совещаний, в котором принимали участие также узбекские и казахские специалисты, защищали идею создания общего алфавита на латинской основе для всех тюркских народов. Профессор Поливанов и другие русские говорили о том, что, если будет принят латинский алфавит, позже он будет заменен кириллицей, каждый тюркский диалект, общее количество которых доходит до сорока, получит особый алфавит. Шахтагинский объяснял, что каждый из тюркских народов не в состоянии обеспечить существование литературного языка. Дальнейшее совершенно ясно: Вы вместе с Вашими великорусскими товарищами, начав с лишения простого народа их языка и письменности, не перестанете держать их за

шиворот, пока не достигнете их окончательного обрусения. Разница между Вашими словами о вручении нациям их неотъемлемых прав в их собственные руки, содержащиеся в Вашем труде «Против течения», и проводимой Вами сейчас политикой, настолько велика, что примириться с этим невозможно.

Весной 1919 года, когда мы по организационным делам наших войск находились в Саранске, присланный Вами представитель Зарецкий в течение месяца на многочисленных собраниях разъяснял нашему народу, что лишь Советское правительство впервые в истории решит вопрос о самостоятельности нашего угнетенного народа, о создании национального правительства и национальной армии. И я в «Правде» опубликовал статью соответствующего содержания. После этого не прошло и четырех лет, политика Ваша осуществилась в диаметрально противоположном направлении. Возможно, РКП слова о свободе наций будет распространять в далеких от России Азии и Африке и после всех этих событий. Однако, истина заключается в том, что в Туркестане великорусские коммунисты испытывают ненависть к таким правдивым коммунистам, как Григорий Сафаров, публикующему статьи против продолжения здесь царской колониальной политики. Они охотно «разъясняют» коммунистам местного происхождения «теорию» о том, что мелкие народы для больших наций ни что иное, как мелкая рыбешка для кита.

Товарищ Артем, будучи в Башкортостане, некоторым местным коммунистам, наряду с уверениями, что мы будем жить в самостоятельной республике, откровенно говорил о том, что Советская (русская) культура, кроме Китая и Индии, будет безраздельно господствовать во всей Восточной Азии. Якобы этому не сможет противостоять ни один местный язык или культура, эти языки будут использованы лишь для распространения идей коммунизма. Эти и им подобные слова многократно повторялись во многих местах. Нет никакого сомнения в том, что эти слова не останутся в пределах России, распространятся дальше и в конечном итоге дело дойдет до того, что врагом номер один каждого народа, желающего жить самостоятельно, но оставшегося под вашей рукой, окажется Советская Россия. При обмене мнениями с Вами по поводу Ваших тезисов «Колониальный и национальный вопрос» я уже имел возможность высказать обо всем этом некоторые свои мысли. Впоследствии эти тезисы

я прочитал в журнале «Коммунистический интернационал» (№11). Вы утверждали, что после осуществления диктатуры пролетариата в мировом масштабе необходимым условием установления социалистического режима в странах с «отсталыми нациями» будет помощь «передовых наций» (в том числе и ранее угнетавших наций). Это означало, что в Индии английские, в Туркестане русские, в Африке французские или бельгийские рабочие организации будут продолжать колониальную политику. Еще в 1915 г. в Уфе доводилось беседовать с Вашими ближайшими друзьями, тогда речь не шла о том, что планируемый вами социалистический режим будет осуществляться в качестве террористического режима, попирающего все человеческие права. И что же мы видим? Разве цель революции заключалась в этом? Пятаков, в ходе дискуссий о профсоюзах поставивший перед Вами вопрос, был прав. Он говорил, что не следует отнимать волю у рабочего класса, который кровью и потом осуществил революцию. И Роза Люксембург совершенно правильно предупреждала, что если идеи социализма встанут на путь приспособления к желаниям великих наций, находящихся под влиянием традиций империализма, то от этого не следует ждать добра.

Будьте осторожны, возможно, у истоков совершенных ошибок стоите Вы сами.

Ахмет Заки Валидов»²⁶

То, что идеи социализма оказались подмяты пережитками шовинизма и империализма, сегодня очевидно. В этой связи интересно обратить внимание на упоминание З. Валидовым имени большевика Г. Сафарова, хорошо известного Ленину с 1908 г., посланного в 1921 г. в Среднюю Азию в качестве члена Туркестанского бюро Центрального комитета РКП(б). Стремясь защитить интересы местного населения, он вступил в конфликт с М. Томским, председателем Комиссии ВЦИК и СНК по Туркестанским делам. Чтобы разрешить этот конфликт, В. И. Ленин в Туркестан послал Л. Иоффе (аналогичные ситуации несколько раз повторялись и в Башкирии, куда Артем прибыл с подобной «примирительной» миссией). В письме Л. Иоффе В. И. Ленин писал:

«Тов. Иоффе,

Я лично очень подозреваю «линию Томского» в великорусском шовинизме или, правильнее, в уклоне в эту сторону.

Для всей нашей Weltpolitik дьявольски важно завоевать доверие туземцев; трижды и четырежды завоевать; доказать, что мы не империалисты, что мы уклона в эту сторону не потерпим.

Это мировой вопрос, без преувеличения мировой.

Тут надо быть архистрогим.

Это скажется на Индии, на Востоке, тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным.

С ком. приветом Ленин»²⁷.

Как хорошо известно, в уклоне в сторону шовинизма В. И. Ленин упрекал многих своих ближайших друзей и соратников. Упреки З. Валидова по адресу самого Ленина также не беспочвенны. Разумеется, после Октябрьской революции создание подлинно демократической автономной республики, как это представлял З. Валидов, в государстве, где все и вся будет обобществлено и централизовано, было невозможно. Но и ограничение прав этой автономии в той мере, в какой это было сделано майским постановлением 1920 г., было неоправданно, что и было подтверждено отказом В. И. Ленина от сталинского плана «автономизации». Но многие народы были обречены на существование в государственных формах «второго сорта» в условиях, когда даже «первосортные» союзные республики не обладали правами подлинной автономии.

Единственные политические круги в России, с которыми З. Валидов был связан по убеждениям — демократы Учредительного собрания. Его сотрудничество с монархистами Дутовым и Колчаком было таким же вынужденным, как и с большевиками. Он это писал и тогда и после. Но если бы соглашение об автономии Башкирии, подписанное как Лениным, так и членами башкирского правительства после перехода башкирских войск и правительства на сторону красных, элементарно соблюдалось по нормам международного права (а международные неотъемлемые права башкирского народа столь же святы, как и права любого народа), т.е. если бы не было принято Постановление Советского правительства от 19 мая 1920 г., перечеркивающее соглашение, Валидов не ушел бы к басмачам поднимать и усиливать это движение, а оставшиеся в Башкирии его сподвижники не стали бы поднимать изможденных гражданской войной башкирских крестьян на восстание летом 1920 г. Но история не имеет сослагательного наклонения. Мы и сейчас не в состоянии дорости до правового государства. А тогда и задачи такой не ставилось. Что стоило пре-

вратить в «клочок бумаги» Соглашение, подписанное с башкирским правительством в грозное время усиления Колчака, когда военная ситуация круто изменилась и угроза переместилась с востока на юг и запад государства? А для Валидова это означало:

1. Крушение надежд, пусть на самую ограниченную, но все-таки автономную (в обычном европейском смысле) самостоятельность маленькой Малой Башкирии. Он был при всей своей смелости политическим реалистом и считал возможным создание (не мнимой, не обманной) автономии для башкир не на всей этнической территории народа, а только там, где мусульманское (башкирское и татарское) население составляет не менее 70 процентов.

2. Майское постановление (1920 г.) центра о Башкирии, считал он, — грозное предупреждение всему Туркестану. Если печальный опыт с Башкирией пройдет успешно, то он будет распространен на всю Среднюю Азию. Тем более, что сам Ленин неоднократно повторял в своих выступлениях, статьях идею: «Мы дали возможность башкирским массам учредить автономную республику... Деятельность нашей Советской республики в Афганистане, Индии, вне России такова же, как наша деятельность среди многочисленных мусульман внутри России»²⁸. Ленинские слова о будущей политике в Средней Азии и Афганистане оказались поистине зловеще пророческими. Опыт, накопленный в условиях Башкортостана, с теми или иными вариациями последовательно проводился вплоть до катастрофы в Афганистане и развала Советского Союза, и мы, переживая сейчас опаснейший кризис на Кавказе, эпицентр которого блуждает из Карабаха в Южную Осетию, Абхазию, Ингушетию, Чечню, наблюдаем полное отсутствие у федеральных властей политики, которая по-настоящему осмыслила бы одинаковую пагубность имперского шовинизма, псевдоинтернационализма национальной политики большевиков и диктатора Сталина, неоимпериализма послесталинской национальной политики КПСС. 3. Валидов одним из первых в Советской России оценил шовинистическую сущность национальной политики большевиков уже в 1919 году и, воспринимая тюркские народы единой нацией с общей судьбой, считал своим политическим долгом разъяснить среднеазиатским демократическим лидерам, что такая политика ведет к игнорированию интересов угнетенных наций, к централизованному, бюрократическому унитаризму, беззаконию, террору. К такому глубоко пессими-

стическому выводу З. Валидов приходит, глубоко разобравшись в вопросах:

а) каким образом большевики приспособили марксистские идеи к имперским, шовинистическим традициям, привычкам, унаследованным различным слоям русского населения;

б) какую роль в своей политике они отводили русским переселенцам в национальных окраинах;

в) сколь глубоко было в сознании русского народа, а также большинства самих большевиков пренебрежение к языку, культуре, будущей судьбе малочисленных народов;

г) насколько глубок нравственный нигилизм большевистских руководителей, приспособляющих все и вся к интересам пролетариата, понимая эти интересы весьма прямолинейно.

В этой связи особый интерес вызывает то, как разъясняет суть национальной политики большевиков З. Валидов устами Г. Петровского, рассуждающего о своеобразии нравственных основ политического мышления В. И. Ленина на примере национального вопроса. Г. Петровский, отвечая на вопрос З. Валидова, защищает ли Ленин национальные интересы великороссов, говорит: «Интересы великороссов Ленин защищает даже в большем объеме, чем Петр Великий. Освободив великорусскую нацию от пут капитализма, преобразовав ее в великое социалистическое общество, он надеется превратить ее в образец для других народов. Интересы русского народа Ленин ставит выше интересов других подвластных России народов, то есть он, не будучи великорусским шовинистом, всю политику, однако, ведет в пользу великороссов». Теперь перед историками встает задача по другим источникам и архивным материалам установить, насколько адекватно З. Валидову удалось отразить мнение Г. Петровского по одной из кардинальных проблем Российского государства. Если ближайшее окружение В. И. Ленина понимало, что сам вожь марксистскую теорию целенаправленно приспособляет к традициям империализма Российского государства, и согласилось с этим, то большевики сами заложили мину, которая впоследствии изнутри взорвала Советский Союз.

Суть своего понимания судеб тюркских народов России З. Валидов наиболее полно выразил в прощальном письме башкирскому народу перед эмиграцией в Иран. Приводим его целиком:

«За права и свободу нашего народа я боролся по мере своих сил. Движение наше в Туркестане так же, как и в Баш-

кирии, вдохновило на борьбу бесчисленное множество соотечественников. В этом деле принимало участие множество людей из Турции, Дагестана, Азербайджана и даже из Афганистана, наконец оно привлекло и Энвер Пашу²⁹. К сожалению, война с Польшей завершилась в пользу Москвы. Если бы эта война продлилась еще несколько месяцев, Энвер Паша, наступая из Байсун Гузара, а басмачи Самаркандской губернии из Джизак Нурата, смогли бы завоевать Самарканд и Бухару. Для подрыва железной дороги во многих местах был подготовлен динамит. В августе железная дорога со стороны Кызыларуат и Сырдарьи была бы закрыта для Красной Армии. К сожалению, Москва получила возможность направить сюда большие военные силы. Несмотря на то, что в августе наши дела окончательно приняли дурной оборот, я с целью продолжения борьбы в августе вел организационную работу по сосредоточению басмачей Шехресаба и Самарканда, башкирских, татарских и казахских офицеров в области Байсун для соединения их с Энвер Пашой. Но неблагоприятные события нарастали. Энвер Паша пал в бою³⁰.

Именно в это время (в сентябре) тайно созданный конгресс Туркестанского национального единства поручил мне продолжить эту работу за рубежом, написать ее историю, довести до сведения мировой общественности, представить наши требования в качестве международных проблем. Этим делом намереваюсь заниматься, поселившись в Европе или Турции. Однако на реальность необходимо смотреть прямо: нынешний уровень нашего движения, то есть борьба на уровне областей за достижение уступок со стороны Советов, не дал желаемых результатов. Сейчас нация напоминает овцу, попавшую в волчьи зубы.

Но этот вопрос в будущем будет стоять на более высоком уровне, необходима организация борьбы в иных формах. Вопрос о власти Советов в России после того, как она завершилась в качестве внутренней борьбы, в дальнейшем превратится в проблему межгосударственных отношений. В конечном счете этим вопросом займутся великие державы. Более того, данный вопрос перерастет и компетенцию великих держав и превратится в мировую проблему.

Советы, распространяя лживые слова об освобождении наций и колоний, приспособили теорию социализма, защищающую интересы и права рабочих, к желаниям эгоистической нации, подверженной империалистическим традициям. Я на-

писал два письма об этом и переправил их сегодня Рудзутаку, одному из советских руководителей в Ташкенте. Письма предназначены для вручения Ленину и Сталину (сообщившему мне, кстати, о моем прощении), а также другим их соратникам. Проводимая ими в дальнейшем политическая программа — обеспечение господства русского языка и культуры не только в России, но и в сопредельных областях Европы и Азии. Даже призыв к устройству социализма в мировом масштабе является одним из способов достижения этой цели. Русификация всего мира — задача неосуществимая. Но эту истину (опасность) в других странах быстро понять не смогут. Поэтому независимым, свободным народам необходимо разъяснять империалистическую сущность русского вопроса. Даже в Хиве всего этого не понимали за четыре месяца до уничтожения русскими их собственного правительства. Возможно, для понимания этих истин каждая нация некоторое время должна быть под властью русских. В любом случае сейчас на нашей родине не следует допускать никаких волнений и восстаний. Движения, подобные выступлению Сулеймана Мурзабулатова, сегодня нанесут вред нашему народу. Об этом я послал ему письмо из Бухары. К счастью, кажется, больших потерь не было.

По мере своих возможностей вы должны обращать свое внимание на следующие вопросы:

1. Занимайтесь учебой молодежи, готовьте из них технических специалистов.
2. Внедрите в душу способных людей желание, оторвавшись от частных хозяйственных дел, войти в кооперативы, укрепиться в советских аппаратах, взять на себя обязательство служить на этом поприще своему народу. Об этом я уже говорил на собрании в Стерлитамаке в августе 1919 года.
3. Не жалейте усилий для защиты религии и языка. Самые гнусные притеснения будут совершены на этих двух основах, то есть на основе религии и языка. В этой связи не будет никакой возможности иметь какую-либо организацию, так как она попадет в подчинение Советских учреждений и будет служить их интересам. Поэтому борьбу за религию и язык придется вести средствами как в рамках закона, так и скрытно.
4. К следующему этапу борьбы готовьтесь, будучи уверенными в том, что она превратится в проблему международного уровня. В этот период тюрки Поволжья и Приуралья долж-

ны верить, что им борьбу нужно вести в единстве с Туркестаном.

В этой связи детям дома нужно разъяснять, как с 1917 года мы вели эту борьбу. Если народы свободного мира не смогут объединиться и противостоять распространению большевизма и большинство народов Азии встанет на путь советской власти, то коммунизм как теория, наиболее сильно раздувающая пламя межнациональных раздоров, приведет к войне между самими этими народами. Мы живем в такое время, когда в мире развиваются самые различные, в том числе торговые, связи. Поэтому неумение России пользоваться старыми торговыми путями между Востоком и Западом приведет к плачевным результатам. Русские не смогут ассимилировать тюркские народы в течение одного века, так как этот процесс зависит также от успехов русификации на Кавказе, на Украине. К тому же нации, ставшие жертвами русификаторской политики, не останутся без движения. Если будет расти численность русских, увеличится численность и других. В этой связи напишу некоторые свои мысли, не сочтите за пророчество: империалистические поползновения русских и стремление совершить революцию приведут к тому, что все происходящее в России будет казаться самыми великими событиями XX века, связанными с судьбами всех народов. Однако из-за неумения сдерживать свои аппетиты русские на основе этих событий будут преследовать лишь свою корысть. Великие события, которые возникнут как последствия этого, дадут нам новые возможности для оживления. Такие регионы, как Туркестан, где мусульман живет много, сумеют воспользоваться этим положением. В это время так же, как евреи в Израиле верят в возрождение своего государства, наши должны жить с верой и разъяснять все подрастающему поколению. Мы в зарубежных государствах будем заниматься этим вопросом. Вопреки всему я верю, что до этих дней освобождения наше поколение не успеет исчезнуть совсем. Мы в Башкортостане развернули национальное движение на законной основе, на основе решений курултаев создали регулярные войска и открыто боролись, открыто излагали свои мысли на страницах национальной печати и в школах. В Туркестане же это движение как недовольство и волнение началось до нашего прихода, большинство басмачей было под влиянием фанатичных мулл. Мы в это движение внесли национальную идею, идеал национального движения.

Наконец, к этому делу присоединился великий исторический деятель со своими офицерами.

Все эти дела не из тех, которые люди могли бы забыть за несколько лет, даже в течение одного-двух поколений. Из-за верности тюркского народа идее независимости в его памяти до сих пор живы воспоминания, относящиеся ко временам своей самостоятельности: о Джанибек Хане, Тамерлане, Кучуке и его сыновьях Каип Хане и Аблай Хане. Даже те тюркские племена, которые в древние времена оставались в меньшинстве среди других народов, забывали или почти забывали свой язык, при появлении возможности поднимались и вновь создавали государства. Такие племена, как туйхуны, шато и таугачи среди китайцев, карлыки и калачи среди индейцев, арпаты среди угрофинов, огузы, агачерийцы и аккойуны среди иранцев, арабов и курдов, несмотря на то, что остались в меньшинстве, сохранили свое бытие, а позже создали государства и вошли в историю. История этих племен — восхитительный пример для подражания.

Испытываю желание обнародовать все это, описав в виде романов. Миф об Эргенеконе свидетельствует о возрождении одного мужественного тюркского сообщества тогда, когда другим казалось, что оно на грани полного исчезновения. Мы переживали в настоящее время среди русских один из самых страшных периодов своего исторического существования, но страх не сковал нас. Лично я сам, хорошо зная наше прошлое, даже в часы самых больших неудач не впадал в отчаяние. Вышеупомянутые народы ради свободы покидали даже родину, но вновь обретали независимость. Наш народ как трава пырей, если в земле останется хоть бы маленький его кусочек, вскоре распространяется на весь сад. Если бы в 1917-1922 годы мы не воспользовались возможностью подняться на борьбу и остались бы без движения, то нам трудно было бы воспользоваться такой же возможностью в будущем. Эта возможность длилась очень короткое время, однако мы сумели ею воспользоваться. Совершенные нами дела так же, как и дела Кучук Султана, его сына Мурат Султана, Бишай Султана, его сына Ырыс Махмут Султана, Султангирея (Карасакал), Батырши, Салавата, Аблая и Кинесары, оставят после себя великие воспоминания. Стихи, баиты, сотворенные в ходе этой борьбы, невозможно заставить забыть. Разумеется, враг приложит много усилий, чтобы заставить вас забыть их. Но неопубликованное в России будет

опубликовано за границей. Россия не сможет удерживать свои границы вечно на замке. Если литературу, распространяющую идеи о свободе и национальном освобождении, наши не смогут прочитать на родине, прочитают за рубежом. Только пусть не ввергает нацию в безнадежность террористическая власть, кажущаяся сегодня неизбежной. Вера и совесть наша, наша любовь к независимости будет указывать пути освобождения и призывать вперед»³¹.

Одного этого письма вполне достаточно, чтобы оценить масштаб исторического мышления и незаурядный дар предвидения З. Валидова, удачно сочетавшего в себе талантливую ученого-историка и крупного политика. В России, кроме самого башкирского народа, З. Валидов никем по достоинству не был оценен вплоть до последнего времени. В этой связи приятным исключением является выдающийся татарский революционер М. Султангалиев, который, находясь в большевистской тюрьме, обвиненный в национализме и в связях с З. Валидовым, в 1923 году писал: «Кто же такой З. Валидов и какое отношение я имею к нему? Я перебрал в голове все факты и пришел к следующему выводу: З. Валидов — один из тех «самородков», которые создаются лишь веками, человек без цельного воспитания и законченного образования, он все же сумел во время революции встать во главе национально-освободительного движения целой народности. Я думал, в случае выражения З. Валидовым согласия перейти на сторону Советской власти (в это время он примкнул к басмаческому движению) и искренне раскаяться, пойти к тов. Сталину и выпросить у него прощения этому заблудшему не по своей вине человеку. Вот те психологические моменты, которые заставили меня в одну из моих бессонных ночей встать с постели и написать дрожащей рукой: «... установить связь с З. Валидовым ... только осторожно»³².

Хождение по Средней Азии

Накопленный З. Валидовым в Башкирии опыт руководства национально-освободительным движением угнетенного народа, формирования его правительства, создания армии, организации боевых действий, установления связей и ведения диалога с самыми различными политическими течениями и партиями позволил ему занять ключевое место в политической

жизни Туркестана. Главнейшую свою задачу он видел в выработке общенациональной идеологии освободительного движения для всего Туркестана и на этой основе создать авторитетные общественные организации, партии, которые могли бы идейно, а затем и организационно объединить усилия народов Средней Азии, Казахстана и Башкортостана в достижении не мнимой, а подлинной автономной государственности.

Суть политики, которую З. Валидов собирался проводить в Средней Азии, он изложил Энвер Паше, с которым встречался несколько раз в Бухаре в конце 1920 г. Между ними состоялся весьма непростой разговор, содержание которого излагалось З. Валидовым в нескольких его книгах и статьях. З. Валидов при первой же встрече посоветовал Энвер Паше выехать в Афганистан, обосновав это тем, что открытое присоединение Паши к басмаческому движению на данном этапе нанесет больше вреда, чем пользы. Обосновывал он это тем, что басмаческое движение разворачивалось как внутреннее дело России. Лидеры движения маневрировали между самыми различными политическими кругами и партиями, в том числе и враждебными к большевикам. При крайней необходимости они имели возможность вступить в соглашение с Советской властью, благо таким опытом обладали башкирские, казахские и татарские интеллигенты, прибывшие в Туркестан для продолжения борьбы. З. Валидов рассчитывал, что большевики не смогут препятствовать созданию национальных воинских формирований в составе Красной Армии. Он надеялся также, что с накоплением опыта военных действий дисциплина и порядок установятся и в партизанских басмаческих отрядах, усилится координация их действий. Создав единую идеологию национально-освободительного движения, государственного самоопределения, выработав экономическую политику, ориентированную на защиту интересов дехканства и кочевых скотоводов, Валидов стремился объединить всю мусульманскую интеллигенцию, включая и ту её часть, которая сотрудничала с большевиками. Ему казалось, что можно будет достичь единства национальных военных и политических сил Туркестана, находящихся как на стороне красных, так и на стороне басмачества. Большевики, как вначале и в Башкортостане, вынуждены будут считаться с этой реальностью, пойти на уступки и признать автономные права Туркестана. Включение сюда Восточного Башкортостана (Малой Башкирии) будет делом времени. Но присоединение к движению турецкого вице-генералиссимуса Энвера

Паши, друга германского императора Вильгельма, меняло, по мнению З. Валидова, всю ситуацию: дело приобретало международный характер. З. Валидов считал, что многие белогвардейские круги тотчас выступят против басмаческого движения, руководимого турецким Пашой; большевики усилят пропаганду против пантюркизма и панисламизма, связав руководителей басмачества с международным, особенно германским, империализмом; мусульманские работники в Советских партийных и государственных органах, в душе сочувственно относящиеся к басмачам, перестанут оказывать им посильную тайную помощь и отстранятся от национально-освободительной борьбы, и басмачество окажется в полной изоляции. Движение окажется бесперспективным. По мнению З. Валидова, в тот исторический период было реальным создание федеративно устроенной автономной государственности тюркских народов со своей армией, подчиненной непосредственно советскому центральному командованию, а не военным округам, с правом на внешние сношения с иностранными государствами, но в составе Российского демократического федеративного государства. А создание независимого федеративного государства тюркских народов — Турании — представлялось ему более отдаленной перспективой, зависящей от дальнейшего хода мировой истории. З. Валидов говорил Энвер Паше: «После Вашего присоединения к нам все наши дела без надлежащей предварительной подготовки превратятся в международную проблему. Белогвардейские политические круги тотчас отстранятся от нас. Обществу³¹ наше будет вынуждено открыто присоединиться к басмачеству, и деятели наши, находящиеся на руководящих должностях Советских органов, вынуждены будут уйти к басмачам или, порвав с нами всякие связи, действительно перейти на сторону Советов. Сотни наших друзей, служащих на советских фронтах и в партийных органах, до сегодняшнего дня считают, что мы занимаемся внутренними проблемами России и оказывают нам всяческое содействие. Наши попытки объединиться с иностранными государствами они сочтут авантюрой и, считая эти потуги ненадежными, не захотят с нами иметь дела ... Ваше открытое присоединение к басмаческому движению приведет к открытому объединению красных и белых русских в Туркестане»³⁴.

Прибыв в Туркестан, З. Валидов приложил максимум усилий для создания организационного, политического, идеологического центра для всего национально-освободительного дви-

жения в Туркестане, который был бы в состоянии координировать усилия всех патриотов тюркских народов, а также таджиков как сотрудничающих с большевиками, так и находящихся к ним в пассивной или активной оппозиции. Таким центром, по замыслу З. Валидова, должна была стать организация «Туркестанское национальное единство». Сам З. Валидов был избран ее председателем. Кроме того, он уделял большое внимание созданию двухпартийной системы в Туркестане. Одна из партий была призвана объединять джадидистов, т. е. либерально-демократически настроенных реформистов, далеких от социалистических идей, другая — партия левосоциалистического толка, не признающая крайностей большевиков ни в политических, ни в экономических вопросах и в особенности в сфере национальной политики. Сам З. Валидов по политическим убеждениям тогда был ближе к левым эсерам, хотя ни в одной партии не состоял. Создаваемые им две партии, а также отдельная казахская Алашордынская партия должны были основываться на общей политической платформе. З. Валидов пишет об этих организационных делах в своих воспоминаниях: «В феврале⁴⁵ прибыли из туркмен адвокат Какажан Бердиев, из казах представители Алаш Орды Хайретдин Балгынбаев, Мухтар Ауэзов, Динше и еще два человека (которые, по последним сведениям, еще живы). Вести дела с узбеками и бухарцами было нелегко, так как между ними было много трений и взаимной неприязни. С представителями Бухары, узбеков, туркмен, казахов мы встречались в Харгуже или в одном из укромных уголков дворца эмира и обсуждали программу начавшегося организовываться «Туркестанского Национального Единства». Казахи проявляли недовольство тем, что совещания слишком затягивались, сетовали на нерешительность деятелей Бухары. Наконец в результате консультаций приняли выработанную мною «общую платформу» из 7 пунктов, которая была призвана объединить три партии: партию джадидистов, основывающуюся на исламе, социалистическую партию «Эрк» в Узбекистане и казахскую Алашордынскую партию. Суть этих семи пунктов сводилась к следующему:

1. Самостоятельность;
2. Демократическая республика;
3. Национальная армия;
4. Экономическое управление, строительство железных дорог, сооружение каналов должны соответствовать интересам самостоятельности Туркестана;
5. Систему образования поднимать до современного уровня и

найти пути приобщения к западной культуре также и помимо России;

6. Вопросы о школах, об использовании природных ресурсов Туркестана, в целом национальные вопросы решать, исходя из численности тех или иных народов, населяющих страну;

7. Полная свобода совести. Не допускать смешения мирских и религиозных дел»³⁶.

По мнению З. Валидова, в будущей политической жизни Туркестана особую роль должна была сыграть партия «Эрк» («Воля»). Над созданием этой партии З. Валидов начал работать еще в 1919 году, не оставляя этих попыток и после перехода башкирского правительства на сторону красных и с новой силой начал этим заниматься после отъезда в Среднюю Азию в 1920 г. Представляет большой интерес ее программа, составленная З. Валидовым, сохранившаяся в архиве ученого. Документ написан на русском языке. Публикуется впервые, полностью, с очень незначительными редакционными поправками. Документ предваряется краткой историей возникновения партии, написанной также самим З. Валидовым:

«Возникновение партии "Эрк"»

Организация партии «Эрк» («Воля») была задумана в 1919 г.; одновременно, но независимо друг от друга группы социалистов в Ташкенте и в Темясово (Башкирия) решили образовать туземные социалистические партии, могущие войти в Третий интернационал как самостоятельные члены последнего. В ноябре того же года представители ташкентских, бухарских, киргизских и башкирских социалистов, случайно собравшиеся в Москве, решили объединить работу по организации национально-социалистических партий, была намечена программа единой партии из 12 пунктов. К весне 1920 года выяснилось, что ЦК Коммунистической партии России не допустит легального существования туземной социалистической партии, хотя бы и входящей в Коминтерн. Тогда представители организуемой партии, собравшись в июне того же года, решили организовать свою партию во что бы то ни было, несколько не стесняя себя ни программой и ни уставом Третьего интернационала. В сентябре того же 1920 года во время съезда народов Востока работала в Баку организационная комиссия партии, куда помимо лиц, имена которых теперь в советских условиях упомянутыми быть не могут, входили Валидов и Джанизаков, был

выработан проект новой программы, состоящий из 27 пунктов. Та же комиссия, в обновленном составе, без Джанизакова, но с включением Абдульхамита Арифова (тогда военного комиссара Бухарской Советской Республики), на заседаниях 7-10 января 1921 г., в Бухаре приняла для организации наименование «Туркестан социалистлар Тюдеси» или, короче, «Тюде», т. е. группа или кружок социалистов Туркестана. В апреле того же года (15-18 апреля) состоялся в Бухаре же расширенный совет Тюде, куда помимо Валидова и Арифова входили также представители туземных социалистов Киргизской (Казахстан) и Хорезмской (Хива) республик, и вышеупомянутый проект программы из 27 пунктов был скомкан в 9 пунктах. Совет партии, состоявшийся в начале 1926 г., переименовал «Тюде» в «Социалист Эрк Фиркасы», т. е. в Туркестанскую социалистическую партию «Эрк» и утвердил программу из 9 пунктов в следующем окончательном виде (8-9 января):

Программа Туркестанской Социалистической партии «Эрк»

Теоретическая часть

При всем пока слабом развитии промышленности, количество рабочего класса в городах Туркестана с каждым днем растет. Однако защищать свои классовые интересы против местных и иностранных эксплуататоров и играть доминирующую роль в политической жизни и в хозяйственном строительстве страны рабочий класс может только при условии организованности в профессиональные союзы и в самостоятельную рабочую партию. При условии, если эта партия сумеет не оставаться замкнутой профессиональной организацией рабочего класса, а установит сотрудничество рабочих и крестьянства (дехканства) на основе общих интересов. Прочность союза рабочих и крестьян в Туркестане обусловлена тем, что судьба огромного большинства дехканства, работающего на текстильные фабрики, слишком тесно связана с судьбою рабочих тех же фабрик. Если европейские рабочие стремятся стать хозяевами средств производства в Европе, то туркестанские рабочие и хлопкоробы одинаково заинтересованы в развертывании национализированной текстильной промышленности у себя в Туркестане. Туркестанский рабочий и крестьянин-хлопкороб будут при наличии общей политической организации представлять собою внушительную социально-политическую силу по сравнению с той частью крестьянства, которая обрабатывает хлеб. Партия «Эрк» считает себя той политической организацией,

которая объединяет классы революционных рабочих и дехканства Туркестана.

Социализм выведет угнетенные классы поработенных, как туркестанцы, народов Азии из умственной темноты замкнутого Востока на светлую арену современной жизни, из этническо-родовых границ в поле жизни международной классовой борьбы, социализм приучит их к сотрудничеству и общению с другими народами. Социализм переделает хозяйственное мышление трудящихся туркестанцев, в большинстве крестьян, завязших в болоте темной кишлачной жизни и в замкнутых полурелигиозных цехах городских кустарей и ремесленников, заставит их заниматься вопросами мирового хозяйства, вопросами переустройства на новых началах всей экономической жизни человечества. Каким бы экономически отсталым не являлся Туркестан, воспитательное значение социализма будет здесь огромным. Основанная на экономическо-классовых принципах социалистическая партия и пропаганда социализма будут способствовать еще и тому, чтобы и другие политические партии в этой восточной стране также организовались только на экономической базе, чтобы религиозные и личные моменты не могли играть роли в организации политических партий и чтобы в основу школы и вообще народного образования были положены тоже только жизненные, хозяйственные принципы.

Туркестан, находящийся в настоящее время под властью одной из империалистических держав, не может развиваться экономически, как это следовало бы по его географическим и природным условиям, так как страна эта, пока что в ней хозяевами являются завоеватели и пока что рядом с ними существуют туземцы — должен находиться в состоянии постоянной войны. Дело в том, что нацией-завоевательницей являются в Туркестане русские, а русская колониальная политика, в отличие, например, от английской в Индии, основана на идее полной и окончательной русификации завоеванных областей. Русский империализм поставил себе определенную цель: обосноваться в Туркестане окончательно, превратить край в истинно русский, заменить туземное большинство населения большинством переселяемых ими из европейской России русских, обратив Туркестан в базу для своих дальнейших грабительских завоеваний в Средней, Южной и Восточной Азии. Русский империализм добивается этой своей цели путем применения различных мероприятий: как, например, вооруженное истребление

или ограбление туземцев отдельных районов с целью захвата их земель или по поводу восстаний, вызываемых часто действиями или провокацией самих империалистов. Мероприятия хозяйственные: как например постоянное и последовательное вымогательство земли и воды. Богатейшие, плодородные и густонаселенные долины Южного Туркестана переживают теперь эпоху бесчеловечного опустошения, путем отбора земли у туземцев, веками ее обрабатывавших, отбора земли для водворения в них новых колониальных армий, прибывающих из России, чуждых интенсивной оросительной культуре. Оседлые и полуоседлые туземцы Северного Туркестана тоже лишаются своих плодородных, обрабатываемых земель; казах-киргизы, уже перешедшие в оседлость, вытесняются в пустыни. Проведение новых магистральных каналов, устройство фабрик (например, текстильных) и заводов (например, металлообрабатывающих) допускается тоже исключительно в целях переселения русских. Наиболее выгодная в наше время для сельских хозяев определенных поясов земли культура — хлопок тоже превращена в орудие полного порабощения туземцев. Сеется хлопок принудительно, при принудительном же сокращении посева хлеба и риса. Не допускается расширение посева хлеба даже тогда, когда оно лучше обеспечило бы рост посева промышленных растений. Все это делается для того, чтобы поставить туземное население в отношении хлеба в полную зависимость от России. Между тем в жизни России бывают моменты, когда она даже при желании не может доставить в Туркестан необходимое количество хлеба, как это случилось в 1917-18 годы, когда погибло от голода до двух миллионов туземцев. Усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и тракторы отпускаются прежде всего русским переселенцам или туземный кишлак ставится в зависимость от соседнего русского поселка в отношении воды и даже сельскохозяйственного орудия.

Такие меры не могут не вызывать у трудящихся туземцев известного недоверия или даже вражду к новшествам в области хозяйства, исходящим от русских. Между тем нация-завоевательница, монополизировавшая в своих руках дело ин-формации других культурных народов о состоянии своих колоний, систематически внедряет в сознание просвещенных обществ, что она завоевала в Средней Азии девственный край, населенный дикими туземцами вроде краснокожих, враждебно относящимися ко всяким новшествам в хозяйстве, что здесь культура внедряется только силой завоевателей, что туземцы

обречены на «естественное» вымирание, что их места займут «законные хозяева» страны, колонисты, которые «законно» же их ассимилируют, что русские превращают дикую страну в Америку. Туземец же Туркестана не имеет возможности вывести продукты своего труда на мировой рынок, не может сноситься с другим миром, объяснить культурным народам и тем более их рабочим, что промышленность и усовершенствованные системы и орудия в сельском хозяйстве, которые он от души хотел бы у себя развить, преподносятся ему как средство смерти. Туземцы не только никогда не противились нововведениям в народном хозяйстве, наоборот, сами, будучи представителями древнейшей и несравненно высшей, по сравнению с русской, земледельческой культуры, с самого начала оккупации края обращались к русским властям с просьбой ремонта старых и проведения новых оросительных каналов (напр. в низовьях Сырь-Дарьи), охраны саксаульных лесов в областях сыпучих песков и постройки мостов и т.д., но напрасно. Русская экономическая политика в Туркестане всегда вызывала только войны и восстания, но отнюдь не энтузиазма туземцев, между тем производительность труда во всех странах, так же и в колониях, зависит теперь от **сознания и заинтересованности** трудящихся.

Ввиду изложенного партия «Эрк» в области экономики ставит своей главной задачей хозяйственное возрождение Туркестана путем заинтересования преобладающего в нем туземного населения. Осуществление этой задачи зависит от открытия дверей Туркестана для всех народов, от соединения его железными дорогами со всеми его соседями в Азии, именно Индией, Персией и Китаем, и от освобождения его, таким образом, от монополии его рынков со стороны русских железнодорожных линий. Только при этих условиях Туркестан сможет раскрыть остающиеся до нашего времени скрытыми в его недрах или известные, но еще не использованные природные его ресурсы. Только тогда Туркестан сумеет использовать системы своих больших рек, проводить великие магистральные каналы, расширить ирригационную сеть, привлекая технические силы и материальную мощь всех культурных народов; сможет привлечь для поселения вновь орошенных пространств кочевников степи, родственных или экономически себе равных соседних народов, сможет увеличить таким образом густоту своего населения. Наконец Туркестан, только при условии снятия монополии его общения с остальным миром, при условии нормальной свя-

зи со своими соседями сможет приравнять заработную плату своих рабочих к зарплате других стран.

Вступление экономической жизни Туркестана в указанное естественное русло всецело зависит от его политической независимости. Империалистическое иго державы-поработительницы, угнетающее все классы туземного населения, препятствует проявлению классовой дифференциации в Туркестане, к тому еще промышленно отсталом. Рабочий класс Туркестана даже при теперешних условиях сумел показать, что он в грядущем культурно-экономическом возрождении страны явится важным фактором и что он выделит из своей среды действительно народно-общественных работников. Однако рост городской жизни, развитие промышленности и увеличение туземного рабочего класса до такой степени, чтобы он мог приобрести еще более внушительное, доминирующее положение и в политической жизни Туркестана, всецело зависят от того, чтобы страна эта, завоевав политическую независимость, могла сама обрабатывать свое сырье и хлопок, сама добывала и обрабатывала свои металлы и стала бы, как это было в прошлом, страной текстиль производящей и металлообрабатывающей. Завоеватели Туркестана для того, чтобы навсегда обезпечить свое господство, приняли, кроме вышеперечисленных, еще много других мер, как то: недопущение туземцев к военному искусству, поддерживание остатков отжившего феодализма, основ родового и патриархального строя, искусственно вызывая для своих политических целей племенные раздоры; пресечение путей развития сильной и жизнеспособной национальной культуры Туркестана на началах современности, насаждение на место веками развивавшейся общетуркестанской культуры нежизнеспособных родовых культур, долженствующих, по планам завоевателей, служить переходными этапами к полной ассимиляции туземцев; монополия технико-профессионального образования в руках господствующей нации, закрытие возможности туземному населению получать образование в других европейских странах и знакомиться с другими культурами, более высокими по сравнению с культурой поработителей, возвеличение вместо этого культуры господствующей нации в глазах нации поработенной. Однако держава империалистическая никогда не достигнет ни цели полной русификации края, ни цели ассимиляции туземного населения, какие бы меры она ни принимала. Единственным результатом этих мероприятий является то, что энергия и силы всех классов тузем-

ного населения, вместо того чтобы применяться в положительных работах для собственного культурного развития, нормального хозяйственного строительства, напрасно тратится на борьбу с вредными и пагубными для будущности страны мероприятиями империалистов. Только политическая независимость избавит население Туркестана от такой напрасной траты энергии, так необходимой и ценной для его культурно-экономического возрождения.

Восстановление независимости Туркестана, завоевание трудящимся классом руководящей роли в политической жизни страны могут быть достигнуты легальными, мирными способами работы среди населения и в то же время путями революционными. Идея независимости Туркестана является идеалом для всех классов угнетенной национальности и поэтому временное совпадение и солидарность борьбы различных классов угнетаемой нации против поработителей вполне естественно; но и в дни одновременной, совместной борьбы за общую цель трудящийся класс не может ни на минуту отказываться от сохранения своего классового лица. Проходят те времена, когда туземная буржуазная интеллигенция, оставляя нетронутыми экономические вопросы и выдвигая на их место лишь общенациональные лозунги, могла вести за собой народные массы. Наоборот, буржуазия колониальных и полуколониальных стран вступает на путь ясного сознания своей классовой сущности и открытой защиты своих интересов. Мелко-буржуазные демократические группировки Азербайджана, Туркестана и некоторых соседних азиатских стран, остававшиеся до последнего времени разрозненными или колеблющимися между социалистами и чистой буржуазией, тоже начали в годы послевоенной революции организовываться как класс. Некоторые из этих группировок открыто выступают в своей литературе с пропагандой необходимости для этих азиатских стран развития национального капитала, сосредоточенного в руках прогрессивно-радикальной туземной буржуазии, объявляя себя в то же время носителями интересов и идеологами этого национального капитализма. Перед такими фактами, являющимися несомненным признаком культурного развития этих стран, для представителей трудящихся и рабочих Туркестана и для той части туземной интеллигенции и молодежи, которая усвоила за годы революции идеи социализма, организовать в самостоятельную социалистическую партию стало совершенной необходимостью.

Политические партии туземной несоциалистической интеллигенции способны работать лишь среди буржуазии своей нации, и в борьбе за независимость колонии они не могут опираться на какое-либо сильное международное объединение. Революционные же социалисты этих стран, считающие, что цели полной свободы и независимости угнетенных народов могут осуществиться при победе социализма во всем мире и при образовании международной федерации социалистических обществ — будут опираться на интернациональное объединение политических сил, борющихся против мирового капитализма и империализма. В силу этого на партию трудящегося класса и на социалистов колониальных стран, несмотря на их слабость в настоящее время, объяснимую общей отсталостью колонии, — падает большая ответственность за политическую судьбу этих стран. Только через эти социалистические партии борьба за независимость колонии и угнетенных национальностей становится подлинной частью борьбы всех угнетенных и мирового пролетариата за свободу и социализм. При этом социалистические партии колоний и угнетенных народов должны учесть опыт русской революции. Русская революция показала: а) что пролетариат империалистической нации не может скоро освободиться от взглядов на колонии и угнетенные народы, насажденных в его голове собственной буржуазией, и полагает, что получение продуктов питания и сырья из колоний и сбыт в них товаров метрополии может производиться только при условии сохранения системы насилия. То поколение пролетариев метрополии, которое унаследовало власть от буржуазии, несмотря на официальное признание прав колоний, на практике ничем не отличается от своей буржуазии и тем внедряет среди трудящихся туземцев взгляд на социалистов метрополии как на более худший, даже в сравнении с буржуазией, лицемерный элемент угнетателей, при этом лозунг освобождения колоний употребляет только как средство пропаганды в свою пользу в колониях других конкурирующих с ним империалистических держав. Русская революция, с другой стороны, показала, б) что социалисты метрополии в то время, когда социализм осуществляется только в одной стране, выражают свое исключительное доверие всякому централизованному элементу империалистической нации в колониях и недоверчиво относятся к туземному пролетарию, как к элементу децентрализации, и верность туземного пролетария социализму измеряют его верноподданством в отношении господствующей нации в целом. Социалисты

метрополии настоящего поколения свое недоверие к туземному пролетарию и социалистам умеют прикрывать лозунгом «единого фронта против мирового империализма», тогда как на деле пользуются опытом «пролетарской колониальной политики». Эта политика усовершенствовала прежнюю переселенческую и ассимиляционную систему, ускорила ее применение новыми «революционными» методами, поддерживает устои феодализма и родового строя, как противовес против нежелательного для «господствующего пролетария» объединения туземцев вокруг единой, жизнеспособной национальной культуры. Доказано, что «доверие» к одним и «недоверие» к другим вызваны лишь категорическим решением данного поколения пролетариев империалистической нации сохранить свое господство в колониях и даже довершить дело их ассимиляции и экономического поглощения. Социал-коммунисты метрополии в тех же целях не допускают ни существования отдельных национально-социал-коммунистических партий, ни образования национальных фракций в составе общей коммунистической партии, которая должна оставаться монолитно-единой русской. Эти обстоятельства русской революции с несомненностью доказали, что пролетарии метрополии и колонии, господствующей и угнетенной нации могут понять друг друга только при посредстве третьего элемента — сильного социалистического интернационала, независимого морально и материально от пролетариев нации, господствующей над данной колонией. Несомненно, что взаимоотношения пролетариев угнетенной и угнетающей национальностей будут таковыми и в других колониях Азии, Африки и Австралии. Лучшие и искренние, последовательные социалисты, благоприятно относящиеся к свободе колоний и наций, останутся при первом поколении пролетариата, как это имело место в России, слабой и не могущей влиять на массы политической силой. Партия «Эрк» верит, что социалистический Интернационал сумеет стать решающей мировой политической силой и действительно представлять интересы угнетенных, когда в основу его организации будут положены деление человечества не на государства, а на национальности, когда в нем будут занимать надлежащее место и иметь реальное значение представители социалистических партий угнетенных народностей и колоний, и что она, партия «Эрк», в таком Интернационале будет также полезна, как социалистические партии иных колоний и угнетенных наций.

Партия верит, что она в будущем будет самой сильной и

сплоченной политической организацией Туркестана, что зрелый и революционный элемент трудового дехканства также группируется вокруг неё и что таким образом рабочие и трудовое дехканство страны будут через нее представлены в семье международного социализма.

**Текст программы партии «Эрк»,
исходящий из вышеизложенных основных положений:**

1. В области экономической жизни должны быть проводимы следующие начала:

1) земля, водные артерии и леса принадлежат всему народу и предоставляются в его пользование безвозмездно;

2) горная промышленность, обработка недр земли, железные дороги должны быть полностью национализированы и находиться в исключительном ведении Туркестанского государства; национализация остальных отраслей промышленности должна проводиться в соответствии с целями быстрого подъёма экономического состояния страны и улучшения материального положения рабочих;

3) должны быть поддерживаемы коллективные начала в сельском хозяйстве, при этом оросительные работы и система туземного коллектива «хашар», общественные работы по проведению арыков, поддержание оросительных систем и управление ими и т.п. объединяющие моменты в туркестанском сельском хозяйстве должны рассматриваться как наиболее подходящая база для построения туземной общественной жизни на новых, социалистических началах и для внедрения идей коллективизма вообще. Проведение новых крупных каналов современного типа, таких же шлюзов, регулирующих системы больших рек, строительство современных востуркестанских гидроэлектрических станций в туркестанских горах и управление ими должны сделать коллективизм и строительство общенациональными усилиями в будущем основой всего народного хозяйства страны;

4) всемерное стремление к индустриализации сельского хозяйства, развитие во всех районах Туркестана интенсивной агрокультуры, приостановление наступательного характера русской экспансивной неполивной культуры против оросительно-удобрительной, в особенности в северных областях края (в Казахстане);

5) заселение вновь орошаемых земель прежде всего кочевниками или невольными кочевниками страны;

6) прекращение дальнейшего переселения русских, увеличение

густоты населения путем водворения в горы и во вновь орошаемые места переселенцев из родственных туркестанцам или вообще из неимпериалистических народов Азии и Европы, как татар, персов, индейцев, неимпериалистических народностей Восточной Европы и т.д.;

7) единый подоходный налог, устанавливаемый парламентом;

8) развитие всех видов кооперации и открытие государственных кредитных банков;

9) последовательный переход к современному типу городского строительства, распланирование туземных городов по европейскому образцу, проведение водопроводов, канализаций, установление сети связи и передвижения в туземных городах по этим новым планам, тем самым устранить деление городов на европейские и туземные.

II. Меры, необходимые для разрешения рабочего вопроса:

1) рабочие и профессиональные организации, существующие во всех культурных странах, профессиональные союзы, рабочие кассы, примирительные камеры, страхование жизни и т.п. должны быть созданы и в Туркестане как органы полноправные и могущие защищать интересы трудящегося класса. При этом должны быть приняты все меры к тому, чтобы туземный рабочий — как через практические работы в этих профессиональных организациях, так и путем обучения в специально для них открытых школах и курсах по профессиональному делу — окончательно воспринял методы современного профессионального строительства и чтобы туземный народ повсюду в Туркестане мог сам управлять собою без помощи «организаторов» или «инструкторов» поработителей страны;

2) разрешение рабочего вопроса и улучшение рабочей жизни на фабриках и заводах, находящихся в ведении государства, должны быть поставлены на такую высоту, которая могла бы служить образцом для частных предприятий;

3) партия «Эрк» будет бороться за полную независимость Туркестана и за его появление на международной арене как самостоятельной, самодовлеющей силы в соответствии с его географическим положением и естественно-экономическими особенностями Центральной Азии;

4) формой государственного правления Туркестана, освобожденного от ига империалистов извне, феодалов и духовенства внутри — должна быть демократическая республика. Источником власти является парламент, выбранный на основе прямо-

го, тайного и равного избирательного права, земские и городские самоуправления должны быть организованы на тех же началах. Демократический режим и свободные выборы, не имеющие в Туркестане традиции буржуазного руководства, должны быть ограждены здесь от давления капиталистов и буржуазии и обеспечить появление из среды наиболее угнетенных и низких в культурном отношении слоев населения свежих народных сил;

5) независимости и народовластия партия будет добиваться всеми лояльными и мирными путями. Однако, ввиду возможности завоевания и удержания народовластия только при наличии национального войска, партия будет выдвигать как требование обязательную воинскую повинность и всеобщее воинское обучение. В то же время партия и при режиме иностранной оккупации будет поддерживать всякую борьбу против монополии высшего командования в руках империалистической нации, против вывода туземных войсковых частей из пределов Туркестана и раздробления туземного войска на мелкие единицы в составе больших войсковых объединений империалистов;

6) национальный вопрос в Туркестане вообще и вопрос о национальных меньшинствах в частности должны разрешаться путем обобщения демократического избирательного права для всех национальностей и путем предоставления национальностям полной возможности пользоваться государственными школами и другими общественными учреждениями, естественными богатствами страны, землей и водой, мероприятиями государства по организации социального труда и борьбе с безработицей — пропорционально к величине каждого народа. При этом партия будет бороться всеми силами против феодализма, его наследия и против родового начала, всегда служащих орудием интриг империалистов; будет поддерживать меры по укреплению единой национальной туркестанской культуры для этнографических групп, принадлежащих к преобладающей в стране расе и до сего времени не успевших или не претендующих оформить свою особую национальную культуру. Помимо того, создание обычного и религиозного права и судоустройства отдельных племен, единого современного правопорядка и суда также должно способствовать ликвидации родовых традиций и неравенств;

7) народное просвещение в Туркестане должно быть направлено прежде всего к быстрейшему материальному и духовному прогрессу населения, к укреплению народовластия, раскрепо-

щению туземцев от оков монополии финансово-промышленного и технического знания, железнодорожного дела, телеграфа, телефона, трамвая, электростроительства и т.д. в руках переселенцев империалистической нации (к тому должныствующих оставаться на правах граждан и в независимом Туркестане); к коренной отмене всех следов классового и сословного неравенства, к созданию новой демократической народной культуры взамен еще существующих институтов феодализма. Применение системы трудовой школы, всеобщее, бесплатное начальное образование и, наконец, ознакомление туркестанцев с культурой подлинной Европы непосредственно в школах цивилизованных стран — составляют основные требования партии в области просвещения. Органы народного образования, обеспеченные государством, должны быть в пропорциональном пользовании всех народностей и классов. Инертность и равнодушное отношение более отсталых слоев населения не могут предоставить их долю в распоряжение более состоятельных, ревностных и пронырливых слоев. Вместе с тем, партия, принимая во внимание игнорирование в прошлом просветительных интересов наиболее отсталых слоев и трудящегося класса населения, будет как при составлении, так и при пропорциональном распределении государственного бюджета по народному образованию уделять особое внимание на наверстание потерянного этими слоями населения и национальностями страны;

8) в вопросах религии должен быть применен принцип полной свободы совести, взгляд на религию как на частное дело каждого гражданина и полное отделение церкви от государства. Правительство должно следить только за тем, чтобы религиозные обряды совершались без нарушения общественного порядка и чтобы не велась религиозная пропаганда, могущая служить политическим целям, и чтобы она не являлась орудием в руках внутренних и внешних врагов прогресса и национальной независимости Туркестана;

9) партия «Эрк» верит, что борьба трудящихся классов колониальных народов против капитализма и империализма завершится только при условии международной солидарности. Поэтому она будет стараться всю свою деятельность согласовывать с международными освободительными движениями и войдет в такой Социалистический Интернационал, который сможет действительно обеспечить согласованность борьбы угнетенных классов капиталистических стран с революционно-освободительными движениями колониальных и малых народов».

В этом документе, написанном З.Валиди, видимо, наиболее сконцентрированно выражены социалистические взгляды ученого в начале 20-х годов.

После окончания войны с Польшей, высвобождения Красной Армии на западе страны и переброски войск в Среднюю Азию басмаческое движение, состоящее из разрозненных, плохо обученных партизанских отрядов, было обречено. Валидову и многим известным предводителям и идеологам движения ничего не оставалось, как эмигрировать. Российско-иранскую границу З. Валидов и башкирский писатель Фатхелкадир Сулейман (в эмиграции Абделкадир Инан, проф. Анкарского университета) пересекли в феврале 1923 года, направляясь из Ашгабада в Мешхед. Они ставили перед собою цель довести до сведения мировой общественности требования угнетенных мусульманских народов России, вновь оказавшихся в условиях политического террора, искусственно подвергаемых внутреннему расколу, обманутых лукавой национальной политикой большевиков, лишивших нерусские народы права на самоопределение. В одном из своих последних писем перед пересечением границы, адресованных соратникам в Башкортостане, он писал: «Для вас самое лучшее — оставаться на родине, приурочившись к новым условиям, вести среди народа тайную борьбу за сохранение языка, религии, национального существования. Бегство из страны теперь необходимо лишь ради сохранения жизни и для выполнения дипломатических задач. Те, которым нельзя оставаться в Башкортостане, пусть обоснуются в Туркестане или Восточном Туркестане. Если будет возможность, присылайте молодежь на учебу в Турцию и Европу»⁴⁷.

С момента пересечения границы Ирана начинается совершенно новый этап жизни А.-З. Валиди, на котором резких и драматических поворотов было ничуть не меньше, чем в России. Даже в экстремальных условиях освободительной борьбы в Средней Азии З. Валидов не прекращал свои научные изыскания. Собирал фольклор, вел археографические и этнографические исследования, например, посетил живущих среди кара-калпакского народа потомков башкир, переселившихся сюда после одного из многочисленных кровопролитных восстаний XVIII века против колониального гнета царского самодержавия.

Поиски редких рукописных книг в библиотеках Ирана привели З. Валиди к необыкновенным открытиям в Мешхеде: он обнаружил рукописи путешественников Ибн аль Факиха и

Ибн Фадлана, книги, которые считались безнадежно утерянными. Одни эти открытия были достаточны для того, чтобы его имя в науке стало бессмертным. Продолжая и здесь свою политическую деятельность, З. Валиди отправил министерствам иностранных дел Ирана, Афганистана и Турции подробные записки о ходе борьбы мусульман России за свои права на самоопределение и об общих проблемах, встающих перед этими южными соседями России в связи с появлением новой и опасной коммунистической разновидности империализма и шовинизма. З. Валиди пытается убедить три исламских государства в том, что они должны заниматься делами Средней Азии как собственными и только в этом случае западные государства обратят на эти проблемы серьезное внимание. Он считал, что в эпоху борьбы между капитализмом и коммунизмом интеллигенция восточных народов должна учесть два обстоятельства:

- 1) на Востоке будет возрастать число сторонников социализма и приверженцев всеобщей социальной справедливости;
- 2) коммунизм как интернациональная теория, созданная Марксом, а в России представленная такими личностями, как Троцкий, теряет свою чистоту и в руках руководства нации с давними империалистическими традициями и психологией превращается в идеологию завоевания колоний. Между тем, по мнению Валиди, социалистическая идея не исчерпает себя в ближайшем будущем, но потерпевшие поражение в ходе первой мировой войны, пережившие глубокий внутренний гражданский раскол русский и немецкий народы встанут на путь осуществления ложных направлений социалистического учения, а угнетенные, утратившие самостоятельность народы, оказавшиеся в зависимости от коммунистов, переживут крайний упадок в своей духовной жизни. Он пишет: «Русская интеллигенция потеряла веру в то, что русский народ, вышедший из мировой и гражданской войн крайне изможденный, сможет в ходе соревнования с передовыми капиталистическими странами преодолеть свою отсталость. Поэтому русские, добившись лидерства среди бедных народов всего мира, попытаются не только догнать передовые нации, но будут стремиться превратиться в самую передовую державу. Ради этого у них будет укрепляться желание всю мощь, все богатства, всю волю России сосредоточить в руках диктаторского режима»¹⁸.

Достаточно пессимистически оценивая судьбу теории социализма и коммунизма, оказавшейся в распоряжении империалистической партии большевиков, З. Валиди считал, что на

основе этой теории будет дано много ложных обещаний народам Азии и Африки. «А в действительности, — пишет он, — положение будет оставаться таким: Европа — город, Азия — деревня, Европа — индустрия, Азия и Африка — источники сырья. И после осуществления социализма в мировом масштабе сырье из колониальных областей будет доставляться в промышленно развитые страны в принудительном порядке»³⁹.

Чтобы избежать зависимости от западного пролетариата, З. Валиди предлагает стремиться к созданию собственных независимых государств, для чего революционная интеллигенция Востока должна объединиться с собственными националистами, с мелкой и средней буржуазией, все силы направить на усиление среднего класса. Революционные социалисты Востока, наряду с борьбой против империалистического коммунизма, реакционных кругов западных империалистов и против своей внутренней реакции, должны защищать революцию, происходящую в их собственной стране, и воспользоваться помощью западных народов, не воспринимающих коммунистические идеи.

Кроме подобных общетеоретических суждений в своих записках З. Валидов писал, что большевики имеют территориальные притязания, и обращает внимание южных соседей России на идеи Кржижановского о расширении южных границ России за счет распространения ее влияния на бассейнах рек, текущих из Афганистана и Ирана в сторону России. З. Валиди предлагает целый ряд мер, направленных против подобной экспансии. Он считал, что Индия в конечном счете достигнет самостоятельности. Если в Средней Азии исчезнет противостояние между Англией и Россией, то Афганистан останется лицом к лицу с Россией. В такой ситуации привычная для России мера — захват. Чтобы этого не случилось, З. Валиди предлагает искать опору в третьей силе. Он пишет: «Потеря Афганистаном и Средней Азией своего ключевого места в экономической жизни мира объясняется тем, что в XVI веке торговый путь между Европой и Азией переместился в южные моря. Сегодня необходимо предпринять меры, направленные на восстановление этих древних торговых путей через Среднюю Азию. Например, было бы очень своевременно вести сейчас речь с американцами и японцами о строительстве шоссейных и железных дорог из Китая в Иран через территорию Афганистана. То есть эти богатые нации следует привлечь к делам Средней Азии, объяснить и им самим, и народам Передней Азии выго-

ды подобного предприятия, с этой целью послать представителей в Японию, Америку и Китай, присоединив к ним и представителей Туркестана.

Очень возможно, что ни Америка, ни Япония не захотят столкнуться с Англией и Россией по проблемам Средней Азии. К сожалению, в данное время между ними возникли разногласия по поводу Маньчжурии. Но я думаю о далеком будущем. Хотя Америка и Япония сегодня и столкнулись из-за Маньчжурии, но вероятность того, что однажды в будущем они, видя, насколько может быть прибыльным великое дело восстановления экономических связей по «Шелковому пути» между Дальним Востоком и Передней Азией через Среднюю Азию, могут встать на путь преодоления препятствия Китая и России осуществлению этой идеи»⁴⁰. Так предлагает З. Валиди решить проблему третьей силы.

Возвращение к науке

С трудом добравшись через Индию, Суэц и Турцию во Францию, З. Валиди и Ф. Сулейман (А. Инан) продолжили во Франции и Германии научную и политическую деятельность. В Европе они преследуют две основные цели:

- 1) сохранить «Туркестанское национальное единство» как организацию, представляющую перед мировой общественностью интересы казахов, башкир и всех среднеазиатских народов России, привлекая в эту организацию всех видных представителей этих народов, эмигрировавших из России;
- 2) определить место и план дальнейшей научной деятельности.

В Европе им удалось установить научные связи со многими выдающимися востоковедами, в том числе П. Пейю, С. А. Штейном, Ж. Ферраном, Ж. Дени, В. Минорским, М. М. Казвини, Э. Захау, Т. Нельдеке, Й. Мордтманном, Ф. В. К. Мюллером, Фон Ле Коком, Й. Марквартом. Лежавшая в портфеле З. Валиди рукопись Ибн Фадлана, обнаруженная им в Мешхеде, легко открывала перед ним двери крупных ученых. По просьбе проф. Вейля он работал над каталогом рукописей восточного отдела Прусской государственной библиотеки в Берлине.

Решившись обосноваться в Турции, З. Валиди и А. Инан прибыли в Стамбул в мае 1925 года. Валиди интенсивно продолжает свою научную деятельность. Важным событием для него стал приезд академика В. Бартольда в Стамбул. Он чи-

тал лекции в Тюркологическом институте, а Валиди сопровождал его и был при нем переводчиком. Возможно, под влиянием В. Бартольда он был приглашен на литературный факультет Стамбульского университета в качестве преподавателя тюркской истории. В это время он одновременно осуществлял несколько замыслов: готовил книги по истории Туркестана, всеобщей истории тюрков, работал над рукописью Ибн Фадлана, изучал творчество Бируни, приводил в систему материалы по истории национально-освободительного движения тюрков-мусульман России в годы революций и гражданской войны. Но с особым неистовством и удовольствием он изучал бесценные рукописные фонды библиотек Турции и Европы и уже к 1926 году написал труд «Ценные сочинения в Стамбульских библиотеках», о котором выдающийся турецкий историк и общественный деятель, тогдашний декан литературного факультета Стамбульского университета (в 50-е годы — министр иностранных дел Турции) проф. Фуад Кепрюлю в 1926 году писал: «...Я поздравляю нашего дорогого друга с окончанием такого обширного, многопланового и содержательного сочинения, равного которому трудно найти не только в нашей стране, но и в Европе, и не могу со всей страстностью не пожелать, чтобы оно было скорей опубликовано. Я уверен, что отныне такими сочинениями турецкая нация сможет убедить даже самых придирчивых западных ученых в том, что она уже избавилась от «подражательства», «капитулянтства» в науке и вступила на путь «зрелости» и «исследований». Публикация этого сочинения станет важным событием для углубления тюркологических исследований не только в Турции, но и во всем мире, и благодаря этому перед дальнейшими исследованиями откроются новые широкие горизонты»¹¹.

К сожалению, это произведение до сих пор не опубликовано. Другое произведение — об аль Бируни — было сдано в набор, и его начали набирать в 1928 году, но переход в Турции на латинскую графику остановил дело на полпути. Устремленный всем своим вниманием в средневековый период истории мусульманского Востока, ученый не мог отстраниться и от недавнего бурного политического прошлого, от печальной судьбы мусульман России, которые сами плохо осознавая, обманутые мощной пропагандистской системой большевиков, попали в новую колониальную зависимость. Поэтому значительная часть его публикаций того времени посвящена этим проблемам: «Туркестанский вопрос» (журнал «Новый Туркестан», 1927, №

1), «Восточная и колониальная политика большевиков» (там же, 1927, № 2-3), «Взгляды местного населения и русских на экономику Туркестана» (там же, 1927, № 4), «Эмир Бухары против движения за независимость» (там же, 1927, № 5-6), «Современное положение российских мусульман» (Будапешт, 1930), «Башкирское движение в Сибири в 1918 г.» (Прага, 1930), «Чего ждут от нас тюркские народы?» (Будапешт, 1931).

Напряженная научная работа не ограждала ученого и от волн продолжающихся среди эмигрантов политических столкновений, более того, его судьба в науке в будущем в немалой степени оказалась зависимой от политического прошлого.

Еще до прибытия в Турцию, в Европе обнаружилось, что давние разногласия с некоторыми татарскими деятелями не только не затухают, а приобретают новые, порою неожиданные формы. Ряд известных татарских интеллигентов также избрали себе новой родиной Турцию. В их число входил и член Государственной Думы России, видный правовед Садри Максуди, в Турции ставший профессором Стамбульского университета, а затем и членом парламента Турции — Милли Меджлиса. Позже прибудет в Турцию и Гаяз Исхаки, другой видный деятель татарского движения и классик татарской литературы. Главными оппонентами З. Валиди Тогана в татаро-башкирском, более того, татаро-среднеазиатском вопросе в течение сорока лет до своей кончины были именно Гаяз Исхаки (умер в 1954 г.) и Садри Максуди (умер в 1957 г.).

В начале века сложную судьбу переживали не только тюркские народы в составе России, но и Турция. Демократическая революция, первая мировая война, оккупация, национально-освободительная борьба в Турции протекали не менее драматично, чем события в России. Вторжение Греции в Анатолию выглядело как притязание греков на свою исконную территорию. Мустафа Кемаль Ататюрк задался вопросом, не были ли древние догреческие жители Анатолии тюрками? Если так, то тюрки заселяли Анатолию еще до греков, следовательно, ничьи притязания на эту землю неправомерны. Некоторые турецкие ученые стали доказывать, что в Анатолию тюркские племена стали переселяться еще в древности из-за того, что на их исконной родине, в Средней Азии, происходило опустынивание. Заки Валиди «никогда не высказывался против предположений о том, что обитавшие за тысячу лет до нашей эры в Средней Азии люди были тюрками. Он только гово-

рил, что не может быть никакой речи об опустынивании Средней Азии, на котором настаивали его оппоненты»⁴². Он также не хотел иметь отношения к теориям, доказывающим, не имея для этого достаточных научных оснований, что население догреческой Анатолии было тюркским. Все это не могло импонировать Кемалю Ататюрку, которому, исходя из политических соображений, хотелось иметь доказательства того, что древнее население Малой Азии было тюркским и что в Средней Азии издревле происходило опустынивание.

В состоявшемся в июле 1932 г. в Анкаре представительном историческом конгрессе широко обсуждался и этот вопрос. На конгрессе присутствовал и сам Ататюрк. После выступления одного известного представителя новой теории, доктора медицины Решида Галиба, председательствующий Юсуф Акчура, видный татарский деятель и писатель, занявший очень высокое общественное положение в Турции, член Милли Меджлиса и близкий друг Ататюрка, предоставил слово Заки Валиди, который с присущей ему прямотой и решительностью, опираясь на хорошо известные факты, опроверг идею об опустынивании Средней Азии.

Вновь выступивший доктор Решид Галиб закончил свою речь резкими словами: «Коллеги, с прискорбием сообщаю вам, что возношу благодарности Всевышнему за то, что не являюсь студентом, сидящим перед университетской кафедрой Заки Валиди бея. Мы никоим образом не можем потерпеть, чтобы наши чада, которых готовим к великим государственным делам нашего завтра, и наши потомки, которых так лелеем, были бы лишены основ и начал образования, чтобы их головы забивались проблемами, ничего общего не имеющими с азами арифметики и лишенными первооснов логики, чтобы деформировались их мыслительные способности. Университетская кафедра не то никчемное место, на котором позволительны примитивные знания на основании порочных методов. (Бурные, продолжительные аплодисменты)»⁴³.

Затем слово получил Садри Максуди и, подвергнув критике точку зрения З. Валиди, свое выступление завершил словами: «Я предоставляю участникам конгресса судить о том, в какой степени соответствует научной основательности и профессорскому званию систематическая бесцеремонность Заки Валиди в использовании живых источников. (Бурные, продолжительные аплодисменты)»⁴⁴.

В заключение выступил М. Шамсетдин (Гюналтай). Под-

держав оппонентов З. Валиди, он сказал: «После свержения царизма российские мусульмане предприняли много усилий для защиты своего национального существования. Сначала в Москве, а потом в Уфе они провели свои съезды, на которых пытались создать государственное образование под тюркским названием. Но первым противником такого объединения на уфимском съезде выступил не кто иной, как Заки Валиди. Он вывел башкир из сообщества тюркских народов (возгласы «позор!»). Он препятствовал соединению тюркских народов на основе единого языка, он был против процесса возникновения в тюркском мире общей культуры и общего языка. И сейчас именно по его вине у российских тюрков разные языки, разные культуры, разная жизнь, и они разделены на татар, башкир, узбеков, азербайджанцев и так далее.

Не стремится ли Заки Валиди бей такую же роль сыграть и на нашем конгрессе? Но пусть он не сомневается в том, что сердца всех собравшихся здесь людей воспламенены чувством национального единства. И это пламя погубит любые происки и любые потуги помешать этому единству. (Бурные, продолжительные аплодисменты)»⁴⁵.

Опытные политики без особого труда завели З. Валиди в полемическую западню в присутствии самого Ататюрка. С. Максуди ловко подменил понятие «казанские татары» понятием «тюрки», что было подхвачено и турками, не сведущими в подробностях национально-освободительного движения и в тонкостях взаимоотношений тюркских народов России. Самое удручающее для З. Валиди заключалось в том, что Ататюрк не отреагировал на грубые выпады оппонентов. «Дал возможность унижить меня перед нацией», — будет вспоминать он об этом позже. Огорчало его и то, что отмолчался и Фуат Кеprüлю, который также не разделял научно несостоятельную точку зрения большинства, угождающего желанию Ататюрка. Когда по возвращении в Стамбул его спросили, почему он предпочел отмолчаться, Кеprüлю ответил: «А что я мог сделать, ведь я не скиталец, носящий свой дом на собственной спине»⁴⁶. А скитальцу, дом которого мог поместиться на его собственной спине, ничего не оставалось как подать в отставку из университета, тем более ему стали настойчиво напоминать о том, что у него нет университетского диплома. Автор трудов, обративших внимание востоковедов всего мира, первооткрыватель множества важнейших рукописных первоисточников в библиотеках Азии и Европы, сорокадвухлетний ученый с мировым именем

решает сесть за студенческую скамью Венского университета, осуществить тем самым свою юношескую мечту и одновременно работать над докторской диссертацией по теме «Путевые заметки Ибн Фадлана».

Но и в этой ситуации, впрочем, весьма характерной для его судьбы, у З. Валиди выявились достойные друзья. Ассистенты Тюркологического института Хусейн Нихал Атсыз и его товарищи телеграфировали из Стамбула доктору Решиду Галибу: «В отличие от Вас, мы гордимся тем, что являемся студентами Заки Валиди»⁴⁷.

Все эти события будут иметь более драматическое продолжение с теми же участвующими лицами одиннадцать лет спустя. А полемика того времени о раздроблении якобы изначально единого тюркского национального движения З. Валидовым не потеряла своей актуальности и поныне. Во всяком случае авторы, варьирующие эту мысль, не перевелись ни в Турции, ни в Татарстане.

Из всех национальных движений среди мусульманских народов России самым глубоким и в то же время самым противоречивым было движение казанских татар. Это объясняется тем, что татары дальше других продвинулись в развитии капиталистических отношений, в зависимости от этого была более развита социальная структура нации и её культура. Имелись вполне реформированные новометодные медресе, развились литература и литературный язык, достаточно близкий к языку народа, система периодической печати, блестящая интеллигенция, часть которой получила образование в русских кадетских корпусах, гимназиях, университетах, а часть — в восточных странах. Но развитие татарского народа имело целый ряд своеобразных черт. Самый активный и влиятельный слой — буржуа — вырос на посреднической торговле между рынками России и Средней Азии, Казахстана. Миллионные состояния татарских торговцев в Москве, Казани, Уфе, Оренбурге, Орске и других городах быстро формировались на продаже втридорога товаров Европы в Азии и товаров Азии в Европе. Рынки, труднодоступные для купцов-христиан, давали фантастические прибыли татарскому торговцу-мусульманину, который чувствовал себя вполне свободно и в Европе. Попытки царского самодержавия законами и полицейскими мерами помешать усилению татарской буржуазии, успешно конкурирующей с русской, большого успеха не имели. Возникшее в ходе русской революции 1905-1907 гг. татарское национальное движение под покровительством богачей в целом больше ставило

проблем о судьбе религии, культуры, языка, всячески подчеркивая единство мусульман. После Февральской революции 1917 г. мусульманское движение раскололось на федералистов и унитаристов. Унитаристское движение, поддержанное наиболее проникательными идеологами татарской, в значительной степени торговой буржуазии, ратовало за демократическую Россию, где не было бы гонений ни на языки, ни на религии. Такая позиция соответствовала в то время и интересам мусульманской буржуазии, и интересам нерусских народов. Но татарское крестьянство, обеспеченное землей еще хуже, чем обездоленное русское, татарские рабочие, в массе своей менее квалифицированные, чем русские, и еще более подавленные и униженные, были равнодушны к идеологии татарской интеллигенции; они больше прислушивались к лозунгам лево-эсеровского толка или даже большевиков. Идеология Садри Максуди и Гаяза Исхаки оставляла народные массы равнодушными. Отрицательное отношение значительной части татарской интеллигенции к федеративному устройству России в конечном счете объясняется тем, что татарскому капиталу не были нужны никакие государственные границы, таможенные барьеры, национальные различия внутри мусульман России. Идеальный вариант для него — единое, необъятное государство с твердыми демократическими законами, со свободой вероисповедания, равенством перед законом всех граждан независимо от национальной принадлежности. При этих условиях татарская буржуазия на рынках глубоко религиозной Средней Азии оказалась бы в наиболее выгодном положении.

Что касается башкирского и казахского народов, состоявших почти целиком из крестьянства, то их интересы существенно отличались от интересов татарской буржуазии и крестьянства. Более того, в условиях Башкирии исторически сложившиеся земельные отношения противопоставили интересы башкира-вотчинника, достаточно хорошо обеспеченного землей несмотря на многолетние грабежи, татарину-припущеннику и русскому крестьянину, которые были менее обеспечены землей, чем башкиры (но несравненно лучше, чем крестьяне в Тамбовской или Казанской губернии), и хотели бы ее уравнительного перераспределения. Еще более отчужденным были отношения между быстро богатеющей татарской буржуазией и стремительно беднеющим башкирским крестьянством. В этих условиях З. Валиди, защищавший идею федерализма, имея в виду судьбу всей Средней Азии, Казахстана, Восточного Баш-

кортостана с преимущественно тюркским населением, вначале сам того не ожидая, стал кумиром башкирской интеллигенции, а вскоре и народа. Как историк он оказался весьма чутким к глубинным тектоническим толчкам в толще народа и встал во главе движения с идеями, глубоко отражавшими наиболее важные исторические тенденции в империалистической России, остался до конца верен этим идеям и в Башкортостане, и в Средней Азии. Время продолжает доказывать его правоту. Обвинение его в раздроблении тюркских народов столь же несостоятельно, как объяснение возникновения революций в России ограниченностью Николая II.

Политическая идеология татарской интеллигенции во главе с Садри Максуди и Гаязом Исхаки также не из разряда исторических случайностей. Исходя из интересов быстро развивающейся татарской нации, они ратовали за будущее своего народа и его культуры и, естественно, связывали это будущее с судьбой богатого самостоятельного класса — татарских капиталистов и интеллигенции. Разумеется, их нельзя представлять как простых апологетов татарских буржуа. Их историческое значение глубже, их идеи о демократической России при подлинном равенстве народов, языков, религий актуальны сегодня как никогда. Но в тех исторических условиях революций и гражданской войны Валиди оказался намного ближе к народу, крестьянству и в практических политических событиях тех лет сыграл более заметную роль. А попытка Садри Максуди и других татарских деятелей в эмиграции, особенно в Турции, выдать татарский гегемонизм по отношению к башкирам и другим тюркским народам России в начале XX века за идею о единстве тюркских народов представляет собою уловку, которую можно обнаружить и в современных исторических трудах как в Турции, так и в Татарстане.

На вышеупомянутом историческом конгрессе недобрыми словами был упомянут и академик В. Бартольд, на труды которого опирался З. Валиди, доказывая свою точку зрения. Тот же Решид Галиб выразил сожаление, что академик был приглашен в Турцию и опубликовал здесь свои труды. Проф. Тунжер Байкара пишет: «Первый исторический конгресс стал водоразделом между историками политиканствующими и историками, верными своим убеждениям и совести. Те, кто пытались навязать свое мнение об опустынивании Средней Азии Ататюрку и выдать свое мнение за мнение Ататюрка, в последующие годы, особенно после смерти Ататюрка, даже и не

вспомнили о нём». «И если бы историки тех лет не угождали Ататюрку, а говорили бы ему историческую правду, то великий Ататюрк ни за что бы не воспринял такой теории, которая за короткий срок изжила себя»⁴⁸.

Позже, в своей книге «Методология в исторических исследованиях» З. Валиди Тоган лишь мимоходом вспомнил этот эпизод, доставивший ему столько горьких минут, и написал следующие замечательные слова: «По-моему, историческая наука — это не самоцель, а лишь средство изучения общества, в котором живу я, и других обществ, с которыми оно вступает в связи. Поэтому искажение мною истории ради какой-бы то ни было священной идеи будет самообманом для меня и обманом доверяющих мне читателей моих произведений. Именно этот тезис я и отстаивал в 1932 г. на состоявшемся в Анкаре Первом историческом конгрессе. По-моему, только истина и истинная история могут принести пользу турецкому народу и всем другим народам»⁴⁹.

Но идейные противники не оставили без своего внимания Валиди и после его отъезда в Вену. То и дело появлялись газетные и журнальные публикации, где он изображался главным виновником, расколовшим единое тюркское движение в России на мелкие части, и тем самым обрекшим его на поражение. Все это характеризовалось как нечто очевидное, доказанное, бесспорное. Распространялись вымыслы о том, что якобы З. Валиди на историческом конгрессе был уличен в фальсификации первоисточников, подвергалась сомнению не только его научная компетенция, но и нравственность.

В этих условиях Валиди не мог оставаться безответным и написал брошюру «Семнадцать занесенных песком городов и Садри Максуди бей», которая была издана в Стамбуле в 1934 г. Как и большинство других трудов ученого, это его произведение остается остро актуальным по сей день. Чтобы читатель мог представить суть этой работы, приводим из нее следующую пространную выдержку: «На непрекращающуюся с 1917 г. клевету и напраслину Гаяза Исхаки на страницах печати по моему адресу я до сих пор ни разу не отвечал. Тем более мне и в голову не приходила мысль заниматься этим за рубежом. Однако в 1925 г. в Берлине, в момент, когда они, как и мы, собирались выехать в Турцию, Гаяз Исхаки предпринял против нас ряд мер, которые нам ясно показали, какими путями они в Турции будут действовать против нас, какого рода усилия они приложат, чтобы отравить отношения между бор-

цами-соратниками, вынужденными эмигрировать из родины после участия в национально-освободительной борьбе в Туркестане. Увидев это, мы насторожились и вместе с одним другом написали обстоятельный труд под названием «Татарская культура или Туркестанская культура?», где объяснили суть идейной борьбы между нами, происходившей в России. После прибытия в Турцию, посчитав нецелесообразным отвлекать внимание турков былыми проблемами России, ставшими предметом истории, мы отказались от намерения опубликовать написанное. В 1927-1929 годы я руководил изданием журнала «Yeni Turkistan» («Новый Туркестан»). В это время всплыли наружу интриги против нас Гаяза и Садри беев, стали известны предпринятые Гаязом меры против нашего журнала как врага религии. Несмотря на все это я не написал против них ни единого слова, воздержался от малейшего намека. Более того, написал статьи, где шла речь об истории культурных взаимосвязей Туркестана и Поволжских тюрков и о сегодняшних возможностях их совместного сотрудничества. С другой стороны, мы, имея в виду деликатность проблемы, учитывали также и то, что обсуждение истории нашей борьбы против идей, присущих лишь определенной части казанских тюрков, в Турции будет восприниматься как идеология, характерная всем казанцам. Наконец, мы думали, все это не что иное, как свара между близкими родственниками, уляжется само по себе, не следует беречь эту рану. Однако эта рана, вопреки нашим ожиданиям, сама по себе не зажила, перед лицом самых великих представителей народа, на основополагающем конгрессе, обсуждающем фундаментальные проблемы культурной мощи нации, мы были обвинены в предательстве нации. Вопрос не был исчерпан и на этом, мое молчание и после этого события истолковали в том смысле, что я признал свое падение. Поэтому я был вынужден написать эти строки. Поэтому я должен со всей определенностью объяснить, что так называемые «Идель-уральцы» среди казанских тюрков представлены лишь группой во главе с Садри Максуди и Гаяз Исхаки.

Интеллигенция казанских тюрков и большинство их молодежи еще в 1917 г., как и в других тюркских регионах, объединились в группы федералистов. Они желали образовать автономную татарскую государственность из уездов вокруг Казани, где в то время татарское население действительно составляло большинство или ради того, чтобы избежать в будущем проблем, характерных для Поволжья, хотели, воспользо-

вавшись децентрализацией России, заниматься в других тюркских областях. Враждебная им группа «Идель-уральцев» во главе с Садри и Гаяз беями в основном опиралась, как было уже выше сказано, на духовенство и группу торговцев. В выборах 1917 г., в особенности в ходе выборов в Российское Учредительное собрание, несмотря на то, что эта группа затратила для пропаганды много денег и сил, ничего не смогла добиться, везде с подавляющим большинством голосов все депутатские места завоевали федералисты. Садри Максуди ввиду того, что скомпрометировал себя принадлежностью к кадетам и Российским приверженцам централизации, и опасаясь, что нанесет вред своим единомышленникам — кандидатам в депутаты, не включил себя в список борющихся за кандидатские мандаты. Ныне существующая республика «Татарстан» — результат стараний федералистов. Эта республика из-за борьбы группы Садри Максуди и Гаяза Исхаки против движения за автономию не была организована вовремя, образовалась лишь в 1920 году, и тем самым внушаемый группой Садри-Гаяза татарский экспансионизм был подрезан под корень. В ходе организации этой республики в своем приветственном письме из Москвы казанским руководителям-федералистам я сообщил, что подобно тому, как в организации республики Башкортостан принимали участие казанцы, точно так же и мы готовы сделать все от нас зависящее для становления республики Татарстан, что лично я сам готов приехать в Казань и выступить перед населением. Изложил также мысль о том, что усилия по сотрудничеству между башкирами и татарами будут полезными и в деле эффективного разрешения межнациональных проблем между ними. Того же мнения придерживались и представители Туркестана и Казахстана, как раз в те дни собравшиеся в Москве. Желание выехать в Татарстан с выступлениями не осуществилось ввиду того, что возникла необходимость разорвать отношения с Советами и уехать в Туркестан для возобновления борьбы. Однако и сегодня для меня остается желанной мечтой совместная работа на ниве культуры вместе с молодежью Казани так же, как и с молодежью других тюркских народов. И та проблема, — которой я сегодня занимаюсь, будет вызывать интерес в первую очередь у казанских тюрков (перевожу и комментирую обнаруженный мною в Иране рукописный экземпляр книги Ибн Фадлана). Наши требования в 1917 г. никоим образом не противоречили требованиям основной массы казанцев. Разница заключалась лишь в том, что они

объявление автономии затянули до 1920 г., в то время как башкиры, казахи и туркестанцы еще в 1917 году, то есть на три года вперед, объявили о своей автономии. Принятое 22 июня знаменитого 1917 г. на Всебашкирском курултае решение относительно формы управления заключалось в следующем: в России должна восторжествовать децентрализация власти, после чего так же, как и в других странах, необходимо добиться освобождения Башкортостана от чужеземной зависимости. Это освобождение башкир было связано с возрождением былых общих со всеми среднеазиатскими тюрками канонов национального существования, с достижением подлинной самостоятельности в собственной стране, с взятием политического управления родины в собственные руки, объединившись с тюркскими народами, населяющими обширные пространства с востока и запада Башкортостана. (Такова суть решений, принятых в 1917 г. в Оренбурге и в 1918 г. в Уфе). Кроме того, этот курултай, приняв решение о равном распределении башкирских земель между татарскими и башкирскими крестьянами, поощрил переселение татар в Башкортостан. Действительное воссоединение трех областей (Башкортостана, Казахстана, Туркестана), объявивших о своей самостоятельности, в то время не могло быть осуществлено, так как национальное правительство Туркестана еще в начале 1918 года было распущено большевиками, и его члены, прибыв в Казахстан и Башкортостан, работали в их пользу. Союзники в Сибири ввиду того, что в тот период Украина и Азербайджан оказались в руках Германии и Турции, запретили предоставление оружия башкирским и казахским войскам. Несмотря на это правительство Казахстана в Семипалатинске и правительство Башкортостана в Оренбурге все общеполитические вопросы определяли сообща из одного центра. Эти дни сотрудничества, оставившие чрезвычайно дорогие нашему сердцу воспоминания, воспеты башкирским поэтом Сайтгареем Магазом в стихах, опубликованных в Семипалатинске в газете «Алаш Орда», и казахским поэтом Магжаном в стихах «Урал», опубликованных в газетах и в сборнике его стихов. В то время сотни казанских федералистов, сотрудничающих в Башкортостане вместе с башкирами, все это состояние дел прекрасно понимали. В противовес отрицательной пропаганде группы Гаяза Исхаки, они достигли с нами искреннего сотрудничества. Даже если это и покажется излишней подробностью, я не премину возможностью перечислить имена этих личностей: офицеры, не щадя жизни боровши-

еся за свободу Башкортостана, возродившие дух древних кипчаков, героически погибшие в бою Абдулла Абдрашитов и Учаров; офицеры, занимавшиеся организацией национальной армии Абдрашит Бикбаев, генерал Ишбулатов, Алишев, Усман и Гали Терегуловы; руководившие хозяйственными и экономическими делами Ильдус Алкин, Абдулла Адигамов, Абдулла Салихов, Джигангир Амиров, Салимжанов, Баязит Еникеев, Каспранский; занимавшиеся в сфере просвещения и печати сыновья Ризаитдина Фахретдинова Габдрахман и Габдрашит, Абдулла Сулейманов и другие. Некоторая часть этих казанцев позже вместе с нами приняла участие в национально-освободительной борьбе в Туркестане. Не могу не упомянуть из них Суюндукова и Шахкулова и их соратников, особенно одиннадцать офицеров, отдавших свои жизни в этой борьбе. Казанцы, обосновавшиеся в Узбекистане и Казахстане, в основном в Семиреченской и Семипалатинской губерниях, искренне и преданно сотрудничали с местными тюрками, и никто к ним не относился, как к чужестранцам. Наша общая точка зрения о взаимоотношениях между тюркскими народами, выработанная совместно с этими казанцами, в особенности с Ильясом Алкиным и его единомышленниками, вкратце может быть резюмирована следующим образом: «Общая политическая организация средне-тюркских народов⁵⁰ возможна на основе федерации, так как политическое и культурное будущее этих народов будет складываться наподобие объединения немецких земель⁵¹. Общий национальный и литературный язык представляет собою идеальную цель для всех наших народов. Этот язык не сформируется путем замены языка одного народа языком другого народа. Он может сформироваться с появлением общей почвы для совместной культурной деятельности как естественный результат соревнования в сфере культуры, как, например, преобладание восточных диалектов финского языка над западными. Диалект, моральные нормы и обычаи каждого народа любимы и дороги на своей родине, в собственной среде, и с этой точки зрения они достойны уважения и со стороны других народов. Если представитель одного народа обосновывается среди другого народа, то ради улучшения взаимоотношений ему следует овладеть языком и принять обычаи этого народа. Вместе с тем совершенно естественна привязанность любого человека к своему народу и его языку. С этой целью мы в конце 1918 года написали проект для создания организации и попытались восста-

новить его и здесь, в эмиграции, под названием «Средне-тюркское единство».

Один из казахских (киргизских) интеллигентов казанских тюрков, способных по-братски сотрудничать с другими тюрками, называл «косылысатын», т.е. присоединяющимися, а других, имея ввиду группу Садри-Гаяза, называл «косатын», т.е. присоединяющими. В действительности в эмиграции представлены и эти «присоединяющиеся», но они в отличие от «присоединяющих», не хитры и не пранырливы, а, как и другие тюрки, скромны и не стараются выпячивать себя. С другой стороны, приняв участие в борьбе Туркестана, видимо, они не находят нужным в эмиграции возбуждать внутренние противоречия»⁵².

Полемика З. Валиди Тогана с Садри Максуди и Гаязом Исхаки по татаро-башкирскому вопросу продолжалась до конца их жизни и осталась в наследство нашему поколению. Весь вопрос заключается в том, чтобы эта полемика, оставаясь выяснением отношений очень близких народов, опиралась на идеи мыслителей такого масштаба, как З. Валиди Тоган и Садри Максуди, и не наносила вреда ни одному народу России.

Дар судьбы: Вена, Бонн, Геттинген.

В Венском университете З. Валиди проучился три года, прослушал курс лекций по истории экономики у Л. Допша, истории народов — у В. Копперса, арабской филологии — у Зейфа, иранской филологии — у Гейгера, досконально изучил немецкий язык и латынь, написал диссертацию на немецком языке на тему «Путевые заметки Ибн Фадлана», которую успешно защитил 7 июня 1935 года, получив степень доктора философии. Об этом периоде его жизни близкий друг австрийский востоковед Герберт Янски пишет: «И это совершает известнейший ученый в то время, когда все прочнее укрепляется традиция присвоения звания почетного доктора высшего учебного заведения известным ученым и даже популярным общественным деятелям. Можно ли привести еще один пример, подобный данному? Нет. Ахмет Заки Валиди Тоган не нуждался в звании почетного доктора, он, окончивший высшее учебное заведение с обычным званием доктора, добывал все собственным трудом.

Вечером, в день защиты диссертации Заки Валиди выступил с докладом в Венском университете перед профессурой, известными деятелями культуры Вены о проблемах научного сотрудничества исламского Востока и Европы. Доклад в том

же году был опубликован в Парижском «Обзрении исламских исследований».

Ту глубокую благодарность, которую испытывают Венские востоковеды и другие специалисты к Заки Валиди Тогану за личное общение и обмен мыслями, здесь трудно было бы выразить. Я очень доволен тем, что мне посчастливилось обогащаться этим общением»⁵³.

После получения диплома З. Валиди воспользовался приглашением проф. П. Кале преподавать в Боннском университете, где читал лекции по истории Средней Азии и ислама. В это же время он решил выбрать фамилию Тоган по имени своего далекого предка Иштуган, погибшего в ходе одного из башкирских восстаний против царизма. В Боннском университете он работает до осени 1938 г. 19 сентября 1938 г. министерство просвещения Германии присваивает ему звание почетного доктора за его педагогическую деятельность. А немецкое общество изучения восточных стран в выданном Тогану дипломе после избрания в качестве почетного члена так оценивает его научную деятельность: «Немецкое общество по изучению восточных стран приветствует его как ведущего турецкого историка современности, как одного из редких исследователей, который мастерски сочетает восточную ученость с западным критическим методом. Его безграничные знания восточных исторических источников так же поразительны, как и продуктивность, с которой он этот материал обрабатывает. В области изучения экономической истории средневековой Передней Азии его достижения путеводны. Он один вывел в свет большинство из досель неизвестных основных источников в этой области, не говоря о многочисленных без вести пропавших рукописях, которые он сумел обнаружить в библиотеках Средней Азии от Бухары до Стамбула. Как настоящий посредник между европейской и восточной наукой посвящает он все свои силы формированию тюркских историков»⁵⁴.

В Германии он переживает счастливейший этап своей научной судьбы: в Дрездене в 1939 г. выходит в свет главный труд его жизни «Путевые заметки Ибн Фадлана». Комментарии к книге Ибн Фадлана, содержащиеся в этом произведении, принесли З. Валидову широкую известность во всем научном мире. Высоко оценивая эти комментарии, известный немецкий востоковед Б. Шпулер назвал их «малой тюркской исторической энциклопедией» и сказал, что «труд его уникален и никто, кроме Тогана, не смог бы его написать с подобной обстоятель-

ностью⁵⁵. Высоко оценили книгу и многие другие видные востоковеды Европы. Генри Грегори ставит её в один ряд с произведениями И. Маркварта и изданием Худуд аль Алам Минорского. Он считает, что книга З. Валиди Тогана совершенно необходима «для тех, кто желает извлечь этнографические и исторические сведения о южной России из арабских и персидских источников»⁵⁶.

Австрийский и германский период научной работы З. Валиди Тогана был очень плодотворным. Разумеется, вокруг бушевали не самые лучшие в истории человечества политические страсти. Фашизм охватил не только Германию. А.-З. Валиди, изгнанный из России, а затем вынужденный уехать и из Турции, нашел условия для работы, как это ни странно, в Австрии и Германии 30-х годов, хотя не мог не испытывать омерзения к худшей форме шовинизма — нацизму, человеконенавистническому расизму. Здесь он написал кроме книг «Путевые заметки Ибн Фадлана» и «Семнадцать занесенных песком городов и Садри Максуди бей» следующие свои труды: «Ислам и географическая наука» (*Heftners Geographische Zeitschrift. Heidelberg. Heft. 10. s. 361-372*), «Доисторические исследования об индоиранских пограничных областях и проблемы тюркологии» (*Turkische Post. Istanbul. № 48-49. 27-28. Februar*), «Аль Бируни о северных народах» (*Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft. Leipzig. Bd.90 Heft1, s.38-51*), «Мечи германцев по арабским источникам IX-X веков» (Там же. стр.19-37), «О языке и культуре древних хорезмийцев» (Там же), «О плотности населения Центральной Азии в средневековье» (*Festschrift zum 70. Geburtstag von A. Dopsch. Wien-Leipzig. s.424-433*), «Лыжи у древних тюрков» (*Askeri Mecmua. №115*), «Гетевское восприятие Востока» (*Jucel. Istanbul. Sayı 55. s.3-9*), «Заметки о проблеме карт и картографии у древних тюрков и монголов» (*Kopuz. Istanbul. №5. s.164-169*). И наконец в 1940 году выходят масштабные труды Заки Валиди «Современный Туркестан и его недавнее прошлое» на турецком языке (в Каире) и «Бируниева картина мира» на английском языке (в Дели). Герберт Янски пишет о последней книге следующее: «Он сделал широко доступным часть текстов великого исламского ученого, что, по оценке Георга Сартона, дало возможность вести исследования многим ученым. В последующие годы Тоган постоянно публикует менее масштабные труды, статьи и исследования. Как можно было бы исчерпывающе охарактеризовать человека, который, бу-

дучи в течение многих лет подвержен жизненным неурядицам, неопределенности и различного рода притеснениям, неустанно творил с самоотверженностью, граничащей с одержимостью? Это в состоянии понять и оценить лишь тот, кто сам пережил нечто подобное»⁵⁷.

Между тем фашистская Германия стремительно шла к развязыванию новой мировой войны. Со смертью Кемалья Ата-тюрка в ноябре 1938 года, который якобы недолюбливал З.Валиди, позиция людей, интриговавших против ученого, несколько ослабла, и он написал письмо в министерство просвещения, в котором сказано следующее:

*«Его превосходительству
министру Просвещения
Турецкой Республики.»*

Уважаемый г-н Министр,

семь лет тому назад, вследствие инцидента на Историческом конгрессе в Анкаре, я оставил преподавание тюркской истории в Стамбульском университете и уехал в Австрию. После защиты докторской диссертации в Венском университете, приехав в Германию, я три года читал лекции в Боннском университете по истории Средней Азии и ислама. С прошлого года я преподаю эти же предметы в качестве гонорар-профессора в Геттингенском университете.

Однако с течением времени жизнь меняется. По мере возрастания роли национальной науки человек, работающий за рубежом на иностранную культуру, начинает беспокоиться за судьбу своей работы. В период учебы, равно как и во время исследования исторических документов в мусульманских и европейских странах, я с полной отдачей трудился во славу турецкой науки. В результате почти тридцати лет работы я довольно много написал по истории тюркской культуры. Я специально публиковал их по-турецки, чтобы турецкий народ мог их читать, а молодежь могла бы учиться по ним. Мое стремление заниматься наукой имело одну единственную цель: быть полезным турецкой нации, в частности — в деле изучения ее великой и древней культуры. Прошу Вас назначить меня на подходящую должность в Турции, желательно в Анкаре, и позволить мне работать с подрастающим поколением.

*Заки Валиди Тоган
Геттинген, 1 мая 1939 года.*

Приложения: копии трех дипломов»⁵⁸.

Трудное возвращение

Просьба была удовлетворена, З. Валиди Тоган был назначен профессором тюркской истории литературного факультета Стамбульского университета, и в день начала второй мировой войны он выехал из Германии в Турцию. Герберт Янски пишет об этом так: «Наконец Заки Валиди Тоган получил то место, которое принадлежало ему по праву больше, чем кому бы то ни было другому: кафедру тюркской истории в турецком государстве. Наконец, его громадная работоспособность могла полностью освободиться от помех и препятствий, создаваемых неустроенной, неопределенной судьбой»⁵⁹.

Следует отметить, что, начиная с конца 1915, г. З. Валиди постоянно находился в эпицентре больших политических событий, общался с выдающимися людьми самого различного круга, которые занимали социальные ниши, настолько далекие друг от друга, что никоим образом не могли соприкоснуться между собой. Например, в России З. Валиди в одно и то же время тесно общался:

- 1) с выдающимися представителями интеллигенции татарского, башкирского народов (Р. Фахретдинов, М. Гафури, Дердемнд, Муса Ярулла Бигиев и др.), а также с интеллигенцией Средней Азии и Казахстана (Мустафа Чокаев, Усман Ходжаев и др.);
- 2) с виднейшими русскими востоковедами (В. Бартольд, В. Катаранов, И. Крачковский, А. Самойлович и др.);
- 3) с видными российскими демократами и революционерами (В. Чернов, В. Ленин, Л. Троцкий и др.).

Трудно представить, что могло быть общего между этими различными людьми, но феноменальность З.Валидова заключается и в том, что его судьба неразрывна с трагической судьбой всех этих выдающихся в своем кругу людей. Такая ситуация складывалась по воле самого ученого, в силу его неуёмной активности. Разумеется, переломная историческая обстановка этому благоприятствовала.

Вынужденный эмигрировать, З. Валидов эту свою активность наращивает, правда, основным направлением его деятельности становится наука, главным объектом — библиотеки Азии и Европы. Но и политические проблемы не оставляют его равнодушным. Можно быть уверенным в том, что в Германии, занимая респектабельное положение профессора старейших университетов, он охотно вступал в общение не только с учены-

ми, но и с политиками. Тем более, что там прекрасно знали о его близком знакомстве со многими известными большевиками, в том числе и репрессированными. Было хорошо известно, и его личное знакомство с Лениным, Троцким, Сталиным, и его роль в басмаческом движении, где он был тесно связан с другим императора Германии Вильгельма — Энвером Пашой. Будущим исследователям жизни и творчества ученого предстоит изучить и германский период его жизни, где он, видимо, тоже был вхож в весьма различные научные и политические круги.

Давая разрешение З. Валиди вернуться в Стамбульский университет, тогдашнее руководство Турции, в том числе новый президент Исмет Иненю и особенно начальник Генерального штаба маршал Февзи Чакмак, рассчитывали воспользоваться связями З. Валиди в Германии. Оппоненты до удобного момента оставили в покое ученого, вернувшегося по разрешению высших инстанций государства в тот же университет, откуда он был вынужден уехать. З. Валиди погружается в науку, работает над несколькими произведениями, в частности над статьями для «Энциклопедии ислама», первые тома которой уже начали выходить. Три с половиной десятка статей ученого, помещенных в «Энциклопедии ислама», могут составить один большой том. О них Г. Янски пишет особо: «История тюрков от древнейших времен до современности (его труд о Туркестане в этом плане занимает особое место), а также этнографические и общие сведения о тюркских народах, наконец, труды об исторической географии стран, принадлежащих тюркскому жизненному пространству, в том числе Азербайджану — вот области, где Заки Валиди Тоган имеет перед наукой величайшие заслуги. Никто, кроме него, не был способен написать эти работы на том уровне, на каком они выполнены, так как для этого нужно было родиться и вырасти на той земле. Например, никто бы не мог написать статьи об Алишере Навои, Амударье, Бируни, башкуртах, хазарах, Герате и Хорезме, вошедшие в «Энциклопедию Ислама», в таком виде и с такой глубиной, как это сделал Валиди. Лишь он оказался способен к столь глубокой и разносторонней интерпретации и комментарию Ибн Фадлана и Бируни. Ему принадлежит также та заслуга, что он всем вышеупомянутым востоковедческим дисциплинам придал новый блеск, собственный отпечаток, так что он сегодня в этих сферах науки, вне сомнения, является ведущим специалистом. Его можно назвать живой энциклопедией этих

наук, и как ученый он представляет собою исключительное явление.

Тюркские народы ровно тысячелетие исповедуют ислам, и Заки Валиди Тоган не мог обойти его историю. Поэтому исламоведческая наука обязана ему исследованием исторической географии исламских народов на основе изучения истории тюркских народов, расселенных в восточно-российских регионах. Заки Валиди высказал ряд ценных замечаний по истории различных финно-угорских племен, русских и германцев, а также о древних германских племенах, что могут оценить по достоинству лишь специалисты в этой области»⁽⁶⁾.

В это время он работает над изданием произведений великого Алишера Навои, интенсивно шла работа над книгами «Методология в исторических исследованиях» и «Введение во всеобщую историю тюрков». Благодаря помощи маршала Фавзи Чакмака в 1942 г. был опубликован на латинице несколько сокращенный вариант книги «Туркестан и его недавнее прошлое», более полный вариант которого публиковался арабским шрифтом на турецком языке в Каире в 1940 году. Эта книга, охватывающая историю Туркестана с XVI века, уникальна тем, что в ней описывается и история басмаческого национально-освободительного движения среднеазиатских народов, в годы революции и гражданской войны в России и написана она не просто историком-исследователем, а историком-участником, одним из идеологов и руководителей движения. Большая часть предводителей басмачества погибла в боях, советских концлагерях или была расстреляна. Из эмигрировавших наиболее крупным, энергичным и настойчивым историком оказался З. Валидов. Именно ему выпала доля написать историю одного из самых трагических моментов в истории тюркских народов России в начале XX века.

В течение полутора десятков лет З. Валиди пытается получить для своей супруги Нафисы Якшимбетовой, оставшейся после эмиграции мужа из Средней Азии и вынужденной вернуться в Башкортостан, разрешение на выезд за границу для воссоединения семьи, обращается во все инстанции, в том числе и к послу СССР в Германии Н. Крестинскому. Мы не знаем, видимо, и не узнаем, как его настойчивость отразилась на судьбе Нафисы ханым, которая, раскулаченная вместе с родственниками, последние годы жизни провела в одиночестве и бедности в г. Прокопьевске в Казахстане. В конце 30-х годов в Германии до З. Валиди доходит слух, что Нафиса ханым вы-

шла замуж. После приезда в Турцию происходит счастливая перемена и в личной жизни ученого: 12 апреля 1940 г. З. Валиди женился на дочери румынского ногайца Омера Унгара — Назмии ханым, которая, окончив исторический факультет Бухарестского университета, приехала в Стамбул для работы над докторской диссертацией. В 1940 г. у них родилась дочь Исенбике, а в 1942 г. — сын Субидей. Это был поистине счастливый брак не только для семьи, но и для науки, так как в течение 30 лет Назмия ханым была секретарем, редактором, машинисткой, корректором, библиотекарем, библиографом ученого, работавшего в напряженном темпе изо дня в день, из года в год, к тому же постоянно попадавшего в тяжелые жизненные передряги в силу своего далеко не легкого характера.

Одно из самых тяжелых жизненных испытаний не только для самого ученого, но и для его семьи было непосредственно связано с решающими переменами на фронтах второй мировой войны. В период наступления немецких войск на Советском фронте, когда победа нацистской Германии над Советским Союзом казалась очевидной, З. Валиди совершил несколько поездок в Германию, о которых информировал министерство иностранных дел прогерманского в то время турецкого правительства. Видимо, он встречался и с военнопленными тюркского происхождения, что не могло произойти без ведома немецкого военного руководства. Но вскоре он вызвал подозрения у немецких спецслужб, и те устроили в его отсутствие обыск в гостиничном номере. После этого, вручив некоторые ценные документы послу Турции в Германии Саффету Арыкану и попросив его переправить их по дипломатическим каналам, З. Валиди возвращается в Турцию, придя к выводу о неизбежности поражения Германии в этой войне. Его уверенность основывается, в частности, и на том, что немцы крайне жестоко обращались с пленными, в том числе и с турками. Возникает вопрос, почему З. Валиди желал поражения Советской Армии и какую цель при этом преследовал? Вся его политическая и научная деятельность в конечном счете была направлена на достижение как можно более полной самостоятельности Туркестана, включая сюда и Восточный Башкортостан. З. Валидову казалось, что сокрушение Советского Союза нацистской Германией создаст исторический шанс для освобождения Средней Азии, Казахстана и Восточной Башкирии от советского империализма. Он оставался верен себе, мог идти на компромисс и с белыми, и с красными и даже с корич-

невными ради одной единственной цели — достижения самостоятельности тюркских народов. Валидов оставался верен своим словам, сказанным еще в Башкортостане: «Каким бы путем ни было, мы осуществим башкирскую автономию: для этого я готов стать и анархистом и монархистом. Для этого мы готовы работать, присоединяясь и к революции и к контрреволюции»⁶¹. Но у нацистов и в мыслях не было создания некоего тюркского государства в Средней Азии. Поняв это, а также почувствовав, что и немцы догадываются о его истинных намерениях, З. Валиди выехал в Турцию. Тем более, что к тому времени симптомы поражения третьего рейха были достаточно явственны.

В отличие от некоторых эмигрантских кругов, в том числе тюркского происхождения, З. Валиди Тоған до какого-либо практического сотрудничества с нацистами не дошел. Тем не менее у любого российского гражданина предпочтение победы фашистской Германии над Советским Союзом не может не вызывать отрицательных эмоций. Не являются исключением ни башкиры, ни татары, ни представители других народов, так как расизм нацистов был самой худшей формой шовинизма. Согласиться с З. Валиди по этому вопросу невозможно, необходимо попытаться его понять.

В Германии хорошо знали о бесчеловечных сталинских репрессиях против интеллигенции, крестьян, целых народов, но плохо знали преступные деяния Гитлера в самой Германии. В СССР же — наоборот. Валидову были хорошо известны зверства и в красном, и в коричневом варианте. Но у него были основания больше ненавидеть сталинский тоталитаризм, лишивший его родины, методично уничтоживший его престарелого отца, братьев, а также всех соратников по борьбе в Башкортостане, Казахстане и Средней Азии. Кроме того, он жил в Стамбуле среди турецкого народа, который испытывал страх и ненависть к гигантскому северному соседу, в течение десятилетий активно искавшему благоприятного случая, чтобы захватить вождеделенные проливы, а то и всю Турцию. Этот страх будет нарастать с началом поражения Германии на советском фронте.

С 1943 г. государственная политика Турции начинает менять свою ориентацию. Прогерманская яркая антисоветская пресса умерила пыл. Явная и грубая пропаганда против СССР не поощряется, «чтобы не дать Советам повода для оккупации Турции»⁶². Снисходительное отношение к просовет-

ским кругам становится настолько явным, что вышеупомянутый Хусейн Нихал Атсыз, смело выразивший свое уважение к З. Валиди тогда, когда большинство его третировало, на этот раз выступает с открытым письмом к премьер-министру Турции, критикуя его якобы прокоммунистическую политику. Хусейну Нихалу Атсызу со стороны правительства был предъявлен иск за оскорбление, и он был привлечен к суду. Это событие вызвало 3 мая 1944 г. демонстрацию молодежи. Правительство опасалось недовольства со стороны побеждающего Советского Союза. В результате этих событий губернатор Анкары, министр просвещения Турции и некоторые другие деятели потребовали ареста «националистов», в числе которых оказались Хусейн Нихал Атсыз, Заки Валиди Тоган, нынешний руководитель Партии национального движения Алпарслан Тюркеш и др. 15 мая 1944 года Заки Валиди Тоган, по его словам, был арестован по обвинению в «антисоветской деятельности в Турции в интересах идеи туранизма», то есть пантюркизма. Он был осужден на 10 лет «за попытку государственного переворота»⁶³. В целом это движение квалифицировалось как «расизм и туранизм». Однако З. Валиди в Турции ни в какие партии и движения не вступал, ни в каких политических делах участия не принимал. Поэтому военный трибунал отменил этот приговор, но ученому пришлось пятнадцать месяцев оставаться в заключении. Это были времена самых суровых испытаний для ученого и его молодой семьи, которая осталась без средств к существованию.

Многие близкие друзья опасались поддерживать контакт с супругой ученого Назмиёй ханым. Остались верным дружбе немногие, в том числе соратники по борьбе в Средней Азии, оказывавшие посильную материальную помощь семье с двумя малолетними детьми.

Глубинная причина столь несправедливого преследования З. Валиди Тогана заключается в том, что правительству Турции необходимо было сделать определенные жесты в угоду победителю — Сталину. Смысл жестов должен был заключаться в том, что турецкое правительство осуждает пантюркизм, не поддерживает принадлежащие эмигрантским кругам из Средней Азии идеи освобождения тюркских народов от советского империализма. Более удобного объекта, чем фигура З. Валиди Тогана, личность которого была хорошо известна и миру и Сталину, для осуществления этих намерений турецкого правительства трудно было бы найти. Таким образом, человека, которо-

го однажды вынудили покинуть Турцию, обвинив в раздроблении и ослаблении общетюркского освободительного движения в России, ныне продержали в тюрьме почти полтора года, обвинив в диаметрально противоположном — в пантюркизме, в попытке освобождения тюрков от России и даже в расизме. При этом из всех эмигрантов из Средней Азии, Казахстана, Татарстана и Башкортостана он оказался единственным, кто понес тогда столь несправедливое и длительное наказание в сущности за свои заслуги перед тюркскими народами. Тонкие интриги влиятельных в политических кругах лиц из числа эмигрантов из России также сыграли свою роль в этом странном наказании. Несмотря на то, что З. Валиди Тоган был выпущен на свободу, положение его оставалось трудным, двусмысленным. Без работы, без средств к существованию семья продолжала терпеть лишения. Тунжер Байкара пишет: «Суд номер два, несмотря на усиленные попытки правительства оклеветать его, не усмотрев ни состава, ни признаков инкриминируемого преступления, 31 марта 1947 года оправдал Заки Валиди. В постановлении суда одобрительно оценивается его деятельность в России и в Турции, а также его научные заслуги. После оглашения постановления председатель военного суда с горечью заметил: "Зря только потратили три года из-за ложных обвинений"».

Через некоторое время после утверждения его военным трибуналом постановление вступило в силу.¹⁴ Решение военного трибунала не устраивало власти, и его председатель Али Фуад Эрден Паша вынужден был уйти на пенсию. Взаимоотношения Турции и Советского Союза, продолжающего претендовать на Босфор и Дарданеллы, оставались сложными. Мировая политика продолжала определять судьбу великого сына немногочисленного башкирского народа, незаметно несущего свою нелегкую ношу и в военные и послевоенные годы.

Таким образом, З. Валиди на 4 года и 8 месяцев был оставлен не у дел, без средств к существованию. Но ученый не опускал руки, в тюрьме он завершил работу над книгой «Введение во всеобщую историю тюрков». Изданная с помощью друзей в 1946 г., она дала средства к существованию на несколько месяцев.

К преподаванию в Стамбульском университете ему было позволено приступить лишь 27 июля 1948 г. К этому времени и в мировой политике подул холодный ветер — началась холодная война, несколько ослабившая тиски политического давле-

ния на ученого. Отныне турецкому правительству не было необходимости демонстрировать свою лояльность советскому руководству за счет З. Валиди. Позже, когда министром просвещения стал его ученик Тахсин Бангоглу, положение ученого во многом изменилось к лучшему.

Избранник науки.

Признание, слава и... неудачи

Самый благоприятный период в творческой жизни ученого начинается в 1948 г., когда ему было уже 58 лет. Но здоровьем и энергией З. Валиди Тоган был наделен в избытке. В этот период он завершает очередной фундаментальный труд — книгу по методологии истории, начатую еще в 1929 г. В 1941 г. первоначальный вариант книги начали набирать, однако последующие события, связанные с большой политикой и свергшие ученого в немалые лишения и страдания, прервали дело. Освободившись из тюрьмы, он продолжает углублять свою концепцию методики конкретного исторического исследования и собственную философию истории, завершает труд, ставший руководством для формирования современных историков Турции, учебником на исторических отделениях университетов. На сегодня книга выдержала 4 издания, последнее вышло в свет в 1985 г. Об этом периоде жизни ученого Г. Янски пишет: «Всегда с ясной, заражающе хитровой улыбкой, иногда задумчивый, но никогда не унывающий, Валиди стойко переносил все удары судьбы и не переставал творить, приумножая свои исторические познания. Поэтому появляются все новые и новые его выдающиеся труды. В 1946 г. появляется «Введение во всеобщую историю тюрков» как систематизированный обзор его поистине всеохватывающих знаний и представлений; в 1950 году публикуется его произведение о методе исторического исследования, которое послужило для молодого поколения турецких историков направляющей нитью; в 1951 году издана обработка хорезмийского глоссария, так что иранистика обязана Заки Валиди Тогану за его решающий вклад в изучение Хорезма»⁶⁵.

Чрезвычайно поучительно содержание книги по методологии истории, она напрашивается на стол любого историка тюркского мира и студента, стремящегося быть историком. Начав с анализа предмета истории, методов сопоставительного

анализа археологических, этнографических, искусствоведческих, географических, антропологических и многих иных исторических данных, принадлежащих к одному и тому же историческому времени и явлению, в целях воссоздания единой, всеохватывающей исторической картины ученый в конце книги переходит к философии истории, объясняя читателю суть теократического, материалистического, позитивистского, идеалистического, импрессионистского, гуманистического толкования истории. Последним он анализирует толкование истории на исламском Востоке, начиная от аль Бируни, кончая своими современниками Фуадом Кепрюлю и Юсуфом Акчурой, уделяет этому наибольшее место и внимание, после чего дает приложение с богатейшей библиографией главнейших источников по тюркской истории, которые основной массе наших историков, увы, малодоступны и малоизвестны. После ознакомления с этой книгой становятся более понятными слова того же Герберта Янски, который пишет: «Счастливей должна себя чувствовать турецкая молодежь, имея в лице Заки Валиди Тогана выдающегося знатока и толкователя общетюркской истории и культуры, великого учителя и толкователя методологии истории.

Если что и выступает в научном облике Заки Валиди Тогана особенно выпукло, так это синтез исламской традиционной учености с западноевропейской исследовательской методологией. Без преувеличения можно утверждать, что это сочетание едва ли у кого-либо встречается в столь гармоничном единстве. Он, с самого начала своей научной деятельности, стремился к этому сочетанию как к идеалу и со временем достиг этого ... Чтобы осветить обширное историческое пространство тюркских народов, историческая наука нуждается в ученых тюркского происхождения, освоивших, как Заки Валиди, современные методы исследования. Так как основные проблемы этой истории, о которой содержат сведения письменные источники всех европейских народов, могут быть выяснены лишь на основе богатейших пластов этнографических материалов, сохранившихся среди тюркских народов, необходимо сопоставление всех материалов на основе длительного сотрудничества специалистов самых различных областей вплоть до археологии и истории искусств. Сам Заки Валиди Тоган без больших затруднений мог сопоставлять исторические источники (большую часть которых, неопубликованных и не изученных восточных рукописей, разбросанных в различных библиотеках всего мира, он изучил комплексно) с этнографическими и археологически-

ми сведениями, собранным им же самим на родине. Таким образом он смог за короткий срок углубиться в досель неведомые области тюркской истории, смелыми статьями расширить сферу идейных ценностей тюркских народов и обнажить движущие силы обширного ареала тюркского мира, где возникли степные империи. Благодаря ему эта отрасль науки за короткое время достигла значительного прогресса со времен В. Бартольда и Р. Грессэ. За изданием Ибн Фадлана с комментариями последовали заметки о мировоззрении аль Бируни, к этому же ряду относится «Введение во всеобщую историю тюрков», а также оценка тюркской эпической литературы как исторического источника и его труд о научной методологии. Все эти произведения, созданные в тяжелейший период его жизни, при постоянном внутреннем беспокойстве о судьбе своих близких, доказывают, как выразился Паул Виттек еще в 1932 году, его «удивительное упорство и целеустремленность». Признание дела всей жизни Заки Валиди Тогана как современного историка культуры тюрков, самостоятельно выросшего в степи, вновь и вновь указывает на масштаб его успехов»⁶⁶.

Введение к своей книге по методологии истории З. Валиди завершает чрезвычайно актуальной для нас мыслью о значении языка исторической науки для развития культуры народа: «В этом труде мы постарались осветить некоторые теоретические вопросы. Однако эти теоретические положения приобретают ценность лишь тогда, когда они находят практическое применение. В прошлом среди тюрков выросло немало число ученых, но лишь такие, как Алишер Навои, Катип Челеби, Али и Джевдат Паша, их можно сосчитать на пальцах, с удовольствием излагая свои знания на родном языке, творили национальную культуру. Великий Аль Бируни сетовал на то, что его родной тюркский язык не был языком науки, и поэтому он был вынужден пользоваться чужими — арабским и персидским языками, в использовании которых испытывал затруднения. Он говорил, что из-за неприспособленности родного языка к изложению научных проблем, при попытке описания научных вопросов на этом языке создается впечатление, как будто с суконным рылом лезешь в калачный ряд. Упомянутый Чокан Валиханов и тюрколог проф. Н. Катанов, по происхождению из алтайских тюрков, свои труды по истории и лингвистике, полковник Абубакир Диваев свои ценные труды по этнографии тюрков писали исключительно на русском языке, усвоив методы и способы научного исследования, служили русской

научной мысли. Из киргиз-казахов алмаатинец Барлыбек Сыртланоглу окончил восточный факультет Петербургского университета, написав очень хороший научный труд, и пожелал воспользоваться усвоенными знаниями методов научного исследования ради создания национальной культуры собственного народа на родном языке, однако плачевное состояние его народа, также препятствия русских властей не дали ему возможности осуществить это желание. И он, тяжело переживая все это, скончался еще очень молодым 26 ноября 1914 г. Если бы я остался на своей прежней родине, моя судьба была бы схожа с судьбой Чокана и Барылбека в том, что я не смог бы быть полезен своему народу. Хотя я и опубликовал там на местном тюркском языке некоторые популярные произведения и учебники, но научные труды публиковал на русском языке, так как иной возможности там не было. Слава богу, прибыв в Турцию, где наш язык веками остается государственным и продолжает развиваться в таком качестве, я добился возможности работать здесь. Мне посчастливилось все свои знания излагать на родном языке в виде книг и, наконец, для всех стремящихся следовать по нашему пути, в особенности желая показать дорогу моим ученикам, удалось написать на турецком языке эту книгу по методологии истории, где заключены накопленные мною теоретические идеи, а также указаны важнейшие источники по истории тюрков. Меня обуревают желание, чтобы народ, оставив в историческом прошлом период, когда он был опекаем другими, ныне обрел собственную волю и стремление к деятельности. Такая перспектива дает ощущение простора и наделяет страстью заниматься ради этого много и неустанно. Для меня самое большое счастье, участвуя в просветительских делах этого государства, заниматься подготовкой достойных себе наследников»⁶⁷.

Ученый справедливо считал, что история каждого народа должна быть написана на его собственном языке, ибо только родное слово может отразить все тонкости, все своеобразие, самые сокровенные стороны его судьбы. Действительно, язык народа сам по себе — главный сосуд его культуры, нравственности, памяти.

Зенита своей славы Ахметзаки Валиди Тоган достиг в качестве председателя XXII всемирного конгресса востоковедов, который был организован в 1951 г. в Стамбуле под его руководством. Этот самый авторитетный научный форум востоковедов впервые состоялся в 1873 г. в Париже. Следующие про-

ходили в Берлине, Париже, Лондоне, Вене, Риме, Мюнхене и во многих других научных центрах Европы. III конгресс востоковедов состоялся в 1876 г. в Петербурге (а XXV в 1960 г. в Москве). XXI конгресс состоялся в 1948 г. вновь в Париже, где и было решено следующий раз собраться в Турции. Назначение в 1950 г. министром иностранных дел Турции выдающегося турецкого ученого Фуада Кепрюлю предприняло исполнение желания востоковедов собраться в Турции, в Стамбуле. Председателем конгресса был избран Ахметзаки Валиди Тоган. Все многосложные организационные дела оказались на его плечах.

В 1953 г. Валиди издал труд «Деятельность XXII Конгресса востоковедов и впечатления о нем», в котором пишет: «Когда в августе 1950 г. наш дорогой ректор ординарный профессор Омер Джелал Сарч, пригласив к себе, объяснил, что этот Конгресс непременно нужно провести в назначенное время и что на меня возложена обязанность Председателя Организационного Комитета, я сказал ему, что для такого сложного дела наша сфера науки недостаточно подготовлена, что все это у меня отнимет самое меньшее два года времени и попросил назначить другого человека. На это он ответил, что решение Сената таково, и мне будет оказана помощь. Чтобы регулярно оказывать помощь, рядом со своим кабинетом выделил Организационному Комитету рабочую комнату. Сначала Омер Джелал бей, позже его преемник Кязым Исмаил Геркан оказывали серьезное содействие всей деятельности Организационного комитета. Все эти дела были успешными благодаря большому вниманию со стороны Президента Республики Джелала Баяра и Премьер-министра Аднана Мендереса, которые оказали материальную помощь, выделили два парохода для путешествия гостей по побережью страны»⁶⁸.

В организационный период конгресса не все шло гладко. Политическая борьба между левыми и правыми, которая достаточно долго сотрясала стены и этого государства, сказалась на организационных делах данного научного форума. Политические круги левацкого толка утверждали, что весь этот конгресс — пропагандистская мера Америки, пусть этими делами занимается ЮНЕСКО и т.д. Личные противники З.Валиди также понимали, что после такого почета, которым судьба удостоивала далеко не всех крупных востоковедов Запада, авторитет ученого возрастет настолько, что он станет неуязвим для них, и усиленно интриговали как против конгресса, так и против председателя его оргкомитета. Например, материалы для печатанья, необходимые для работы будущего конгресса, при-

ходилось размещать в нескольких типографиях, чтобы избежать срыва их подготовки к сроку.

Были и иные трудности. В то время наука в Турции, в том числе востоковедческая, в целом серьезно отставала от европейского уровня. Должны были работать секции по древнему востоку, изучению семитских языков, дальнему востоку, среднему востоку, индологии, иранистике, христианскому востоку, африканским племенам, древнему Египту, не говоря о различных направлениях тюркологии. Участники конгресса, собравшиеся со всего мира, кроме трех основных европейских языков, в своих выступлениях пользовались текстами на многих языках Запада и Востока. Для перевода, издания всей этой грандиозной массы сложнейших и тончайших научных текстов нужны были собственные египтологи, индологи, китаеведы, арабисты, монголисты, иранисты и многие другие специалисты высокого класса. Кроме ограниченного круга выдающихся ученых мирового масштаба, как Фуад Кепрюлю и З. Валиди Тоган, остальная масса ученых была еще весьма провинциальной. В этих условиях только отчаянная решимость, которая всегда была присуща З. Валиди Тогану, позволила ему взяться за дело, сложность которого он сам понимал, как никто иной. Это невероятно трудное организационное дело пришлось начинать с подсчета пишущих машинок, на которых можно печатать на трех европейских языках науки.

15 сентября 1951 г. профессор Заки Валиди Тоган своей приветственной речью открыл Конгресс, после чего слово было предоставлено министру иностранных дел профессору Фуаду Кепрюлю. В конгрессе приняли участие многие выдающиеся востоковеды со всего мира, работа его была весьма успешной. Известный тюрколог из Мюнхена профессор Франц Бабингер в газете «Die Neue Zeitung» (26.XI.1951) писал: «XXII международный конгресс востоковедов, на этот раз собравший специалистов чуть ли не со всего мира, в прошлую пятницу завершил свою работу. Турция предприняла все мыслимые меры для того, чтобы пребывание участников конгресса в этой стране было приятным и недорогим, насколько это возможно. Конгресс был проведен в организованной и гармоничной форме под руководством знаменитого исламского исследователя профессора Заки Валиди Тогана. Известный исследователь турецкой литературы и министр иностранных дел профессор Фуад Кепрюлю самолично занимался иностранными гостями и принял участие на важнейших заседаниях конгресса. Германия

приняла участие с делегацией, которая по своей численности превосходила даже делегацию самой Турции. Делегации Франции и Англии несколько уступали по своей численности, однако США прислали для участия во всех секциях конгресса 29 ученых. Самое главное, на конгрессе было создано международное объединение востоковедов и принято несколько других постановлений с целью упрощения решения научных проблем и обеспечения сотрудничества. После окончания конгресса для ознакомления со столицей Анкарой и другими культурными центрами страны для участников конгресса были организованы несколько поездок вглубь Анатолии. Государственное управление морскими путями Турции для путешествий гостей предоставило два комфортабельных парохода. Короче, следует признать, что организация XXII конгресса востоковедов по своей совершенности может быть признана как образец для подобного рода мероприятий. Возможным местом организации следующего конгресса востоковедов через 4 года выбрана Англия, однако пока остался открытым вопрос, где он будет происходить — в Кембридже или в Лондоне⁶⁹.

Конгресс успешно завершился, а борьба с противниками продолжалась, она развернулась при выполнении одного из важнейших решений конгресса — о подготовке многотомных изданий «Справочника по истории языков и культур тюркских народов» и «Основ тюркской филологии». Изложение перипетий этой борьбы лишней раз показало бы, сколь опережал свое время ученый, как актуальны его идеи сегодня и какую неблагоприятную роль сыграли его оппоненты, среди которых, к сожалению, были и его земляки. Но это заняло бы слишком много места.

Еще в 1950 году было начато издание сборника научных трудов известных востоковедов мира, посвященного шестидесятилетию Ахметзаки Валиди Тогана. Книга с помощью министерства просвещения в 1955 г. увидела свет. Она открывается прекрасной статьей австрийского востоковеда Г. Янски о Заки Валиди, содержит библиографию опубликованных и в то время еще неопубликованных трудов юбиляра, составленную турецким ученым Чагатаем Улучаем и американским ученым из Принстонского Университета Мартином Диксоном, и статьи целого созвездия известных востоковедов по тем проблемам ориенталистики, по которым вел научные исследования сам А.-З. Валиди Тоган. Среди авторов Вольфрам Эберхард из Калифорнийского, Франс Бабингер из Мюнхенского, Вальтер

Бергман (швед) из Анкарского, Джеффри Льюис из Оксфордского, Г. Рамстед из Хельсинкского, Омельян Прицак из Гамбургского, Вальтер Гинц и Бертольд Шпулер из Геттингенского, Ричард Н. Фрай из Гарвардского, Карл Менгес из Колумбийского университетов и многие другие известные западные учёные. В сборнике приняли участие председатель сената Ирана, выдающийся ученый Сеид Хасан Такизаде, живущий в Париже ученый из Индии Мухаммед Хамидуллах, Хамит Зубаир Кошай (уроженец села Тамьян Мензелинского уезда), Абделкадир Инан, Зиаетдин Фахри Фындыкоглу и многие другие видные ученые Востока. Г. Янски пишет: «Сейчас Заки Валиди Тоган празднует свое шестидесятилетие во всем блеске успехов неутомимого творчества, в апогее своей судьбы как ученого и академического наставника, кто не только признан наукой, но в полном смысле этого слова является ее избранником.

Путь становления Заки Валиди Тогана от медресе отца и дяди до ученого исламоведа, от молодого учителя мусульманских школ до всемирно известного ученого дает возможность ясно выделить этапы его развития. В первые годы учительства в Казани главную задачу он видит в том, чтобы своими сочинениями по истории, этнографии и литературе познакомить тюркских сородичей с их собственной историей, довести до их сознания, а также до сознания западных тюркологов мысли и труды их собственных ученых. В 1914 г., открыв в Туркестане ценнейшие рукописи (его первая великая заслуга во всеобщей ориенталистике), он привлекает к себе внимание русской, а затем и мировой ориенталистики ... Ода на персидском языке, мастерски сочиненная афганским государственным деятелем Сердаром Габдерасул Ханом в честь Заки Валиди как руководителя большой освободительной борьбы мусульманской Средней Азии против экспансии России, и письменные отзывы друзей Тогана из числа государственных мужей и ученых Ирана (Саид Хасан Такизаде, Галиаскар Хикмет, Мирза Мухаммед Казвини, Мухаммед Али Фуруги), Индии (Абу'л Калам Азад, М. Хамидуллах, М. Низаметдин, З. Ситдики) и западных стран (Е. Г. Браун, сэр Дэнисон Росс, сэр Орэл Штейн, В. Бартольд, Й. Маркварт, П. Пэллиот, Г. Грегори) — доказательство того, что Заки Валиди Тоган в глазах ученых самых разных стран, с которыми свела его судьба, предстаёт как личность, значение которой не ограничивается рамками религиозного или национального сообщества»⁷⁰.

Может сложиться впечатление, что после организации и достойного проведения XXII всемирного конгресса востоковедов и выхода в свет юбилейного сборника прежние преграды и препятствия перед ученым отпали и возникли условия для осуществления всех его идей и замыслов. Но дело обстояло далеко не так. Во-первых, «нет пророков в своём отечестве» (для З. Валиди Турция, где он провел большую часть своей жизни, несомненно, отечество в той же степени, как и Башкортостан); во-вторых, при его неумолимой стремительности в действиях он так или иначе столкнулся бы с преградами, возводимыми чиновниками от науки.

Несмотря на широкую известность, достигнутую открытиями редких рукописных книг в Средней Азии и Иране еще в 20-е годы, З. Валиди до конца своей жизни не был вхож в главные исторические научные учреждения Турции. Тунжер Байкара пишет об этом: «В период создания Турецкого исторического общества⁷¹ Заки Валиди не был допущен к нему вследствие преобладания в нем казанских историков (Юсуфа Акчуры, Садри Максуди). А Исторический конгресс 1932 года еще больше увеличил пропасть между этим обществом и Заки Валиди: влиятельные деятели Турецкого исторического общества как раз и противостояли Заки Валиди». «В 1962 году в Анкаре с одобрения и при поддержке правительства был организован Институт исследования турецкой культуры. В его руководство вошли старые политические противники Заки Валиди — казанские татары (Р. Р. Арат, А. Темир и другие), поэтому он не смог в то время стать его сотрудником. Но принять его стоило хотя бы для того, чтобы будущая деятельность института была более плодотворной и впечатляющей»⁷².

Если бы противниками ученого были лишь некоторые из его земляков, то можно быть уверенным в том, что он сумел бы преодолеть их сопротивление. Проблема была глубже и сложнее: ученый своими планами развития ориенталистики в Турции слишком далеко опережал уровень понимания значимости востоковедческой науки для будущей судьбы тюркских народов не только государственными чиновниками, но и своими коллегами. Чтобы не быть голословным в этом своем утверждении, приведем с незначительными сокращениями один достаточно большой документ, который и по сей день звучит актуально, в том числе и для Башкортостана, пытающегося создать свою полноценную Академию наук.

Одно из дел, необходимых Стамбульскому университету

Отдельный оттиск из журнала *Проф., доктор*
«Турецкий дом», 1961 год, № 8. Заки Валиди Тоган

Решения по делам университетов, имеющих общегосударственное значение, относятся к компетенции правительства. Некоторые меры, предпринятые правительством в этом направлении, ныне являются предметом обсуждения в нашей печати. Я в данном случае желаю вести речь о некоторых проблемах, которые должны обсуждаться теми, кто сам принадлежит университету. При этом я коснусь вопросов, находящихся в пределах моей собственной сферы деятельности.

Одна из этих проблем: освобождение от бюрократизма процесса создания научных учреждений, которые в сущности и составляют становой хребет университетов. Как один из примеров этого бюрократизма хочу рассказать историю собственной попытки создать научный институт, историю, которая длится уже много лет.

По приглашению литературного факультета Стамбульского университета от 26 марта 1926 года, подписанного тогдашним деканом проф. Кеprüлю Фуатом, где было выражено предложение вести «занятия по всеобщей истории тюрков», я приступил к своим обязанностям 26 января 1927 года и на своем первом занятии, содержание которого позже было опубликовано литографическим способом, кроме всего прочего, говорил и следующее: «Всемирноисторическая роль нашего народа в древний и средневековый период истории Азии и Европы, с точки зрения взаимосвязи нашего народа с самыми различными народами и цивилизациями, может быть сравнима с ролью Англии в XVII и XIX веках в истории этих же двух континентов. То есть, история наша такова, что изучать ее необходимо в едином контексте истории народов всей Азии и Европы. Мы стоим перед необходимостью изучать нашу историю в двух направлениях: 1) с одной стороны, историю Турции нужно изучать в единстве с историей Ближнего Востока, Средиземноморья и Европы, 2) с другой стороны, всеобщую историю тюрков, то есть историю тюркских народов, следует изучать в единстве с историей Азии и Восточной Европы, в особенности Китая, Индии и России.

Для исследования истории скифов, западных гуннов, печенегов и болгар, а также османцев мы должны изучать греческий, латинский языки, а для изучения истории восточных гуннов и всеобщей истории Средней Азии нужно знать китайский; для изучения буддийского периода нашей истории, для чтения исторических источников, обнаруживаемых в ходе археологических раскопок, нужно знать хинди, древнеиранский языки, а для исследования нового времени требуется владение арабским и фарси. Разумеется, все это не может быть достигнуто одним человеком. Если один из исследователей, владеющий арабским, фарси, а также тремя европейскими языками, овладеет и китайским, а второй — хинди и древнеиранским, третий — латинским и греческим, четвертый — славянскими, в особенности русским, то все они должны будут исследовать историю тюрков, объединившись под одной крышей.

Все эти языки не могут быть изучены вдруг, потребуется время. Однако каждый, кто будет принят на учебу в университет для специализации по истории, в зависимости от избранной им специальности должен будет изучать языки, которые ему будут необходимы. Сегодня этого нет, но в будущем это станет необходимостью. Например, я в России начал изучать латинский язык, позже прекратил, но сейчас вижу, для изучения путевых заметок Ибн Фадлана этот язык необходимо знать, так как труды проф. Д. Фразна и других, посвященные данной теме, написаны на латинском языке.

Ввиду того, что история тюрков охватывает обширные пространства, мы сможем ее описать лишь сообща, достигнув широкого сотрудничества с западными учеными. Исследования тюркских ученых непременно должны публиковаться на европейских языках и подвергаться критическому анализу западных ученых. На нашем факультете нам нужно сотрудничать с теми западными учеными, которые могут нам помочь использовать в исследовательской работе научные издания, исторические источники, написанные на монгольском, китайском, хинди, древнеиранском и древнеславянском языках, содержащие сведения о тюркских народах и самой Турции. В настоящее время мы не должны изучать свою историю, замкнувшись в собственную скорлупу, изоляция и фанатизм для нас пагубны. Нам нужно вне часов аудиторных занятий организовать работу семинаров, чтобы там молодежь, способная к исследовательской деятельности, могла

проявить себя». Эти свои мысли, высказанные в 1927 году на самом первом занятии, я изложил в предисловии к книге «Введение во всеобщую историю тюрков», изданной в 1946 году, а в книге «Методология в исторических исследованиях», опубликованной в 1950 году, попытался подробно разъяснить эти идеи (стр.190-311) на примере источников, написанных на самых различных языках, показывая пути и методы их использования в процессе научного исследования.

Цель, мною преследуемая — создание научного института, который занимался бы изучением тюркской истории. Первый раз 26 ноября 1939 года я предложил деканату Литературного факультета проект «Института истории» на восьми страницах, копию которого отослал и в Министерство просвещения. В проекте были указаны технические условия для обеспечения деятельности создаваемого института, где бы занимались до 25 студентов и 5 ассистентов, там же сформулированы до 300 «актуальных исторических проблем», над которыми необходимо работать, определены научные издания и журналы, которые институт должен издавать. Декан того времени отнесся к проекту отрицательно и в течение нескольких лет не ставил вопрос на повестку дня для обсуждения факультетским советом. Ввиду такого отношения, я 9 мая и 26 сентября 1940 года обратился в Министерство с подробной запиской (отправив копии и факультету), где попытался объяснить, что если институт не будет создан, то на факультете исследования по тюркской истории не будут развернуты, что ученые из подрастающего поколения не вырастут, что привлечение к этому делу иностранных историков также является необходимостью, что мы нуждаемся в высококвалифицированных переводчиках, которые были бы способны перевести наши труды на иностранные языки для опубликования их за рубежом. В Анкаре при личном вручении в Министерстве последней своей записки советник Ихсан бей рассказал мне, что на нашем факультете господствует мнение, будто организация подобного института представляет собой вопрос, в котором лично заинтересован лишь я сам, что сама идея — продукт моей фантазии...

10 лет спустя после предложения первого проекта, стремясь воспользоваться происшедшими переменами в руководстве деканата, я вновь предложил проект из трех составных частей, предусматривающий создание «Института всеобщей истории тюрков и Азии», «Института славянской

и русской филологии». Как только проект об институте всеобщей истории тюрков, предложенный мною 18 апреля 1949 года, начали обсуждать на заседании профессоров факультета, прежний декан факультета, придя в состоянии необычайного волнения, высказался, что «это не что иное, как создание государства в государстве», и покинул заседание. Лишь тогда я понял, какие серьезные меры приняты для того, чтобы эта идея не была осуществлена. Тем не менее с помощью своих ученых друзей на факультете, получивших образование в западных университетах и поддерживающих меня, я этот проект настойчиво вновь и вновь ставил на повестку дня...

С моей точки зрения самостоятельность университета заключается в том, чтобы освободить исследователя от всех тех бюрократических препон, которые связывают его по рукам и ногам. Ощущение внутренней несвободы, бюрократизм, сдерживающий любое проявление самостоятельности, пессимизм, покорное признание собственной отсталости перед Западом — все это и есть проявление господства отвратительных традиций, уничтожавших у нас чувство правомочности, ограничивающих нашу инициативу. Ясно как день, если наши университеты не сумеют войти в мир подлинной международной научной мысли с исследованиями по истории, языку и культуре нашего народа подобно университетам западных государств, если, например, мы не сумеем в изучении письменных источников на языках Средней и Южной Азии, обнаруженных в ходе археологических раскопок, встать в один ряд с европейскими учеными, как это нам удалось при изучении языков Ближнего Востока, то в сфере культуры и осмысления своего национального существования мы будем продолжать зависеть от других народов... В одно время в нашем государстве господствовало мнение, что руками турков нельзя произвести ничего, кроме деревянных деталей железнодорожных вагонов, а о производстве самолетов и моторов и речи не было. Теперь мы преодолели этот этап. Однако до сих пор у нас господствует мнение, что оригинальные исследования в области национальной культуры и истории на основе изучения китайских, индийских, славянских источников, письменных памятников на древних среднеазиатских языках — дело европейских ученых, а участь, выпавшая на нашу долю — создание трудов, посвященных проблемам, разрабатываемым на основе изучения источников на фарси и арабском языках. Обсуждение на собрании профессо-

ров факультета предложения о том, что нужно обеспечить на факультете возможность совместной деятельности наших ученых с европейскими в области изучения нашей истории и дастанов, состоявшееся 25 октября и 15 ноября 1960 года, было достойно всяческого внимания. Было бы очень кстати, если бы протоколы подобных обсуждений рассматривались высшей комиссией по научным исследованиям при Сенате.

Предложение о создании научного института, который должен заниматься истоками истории тюрков, если принять во внимание первый проект, поданный 26 октября 1939 года, ждет рассмотрения 20 лет; если принять во внимание второй проект, поданный 19 апреля 1949 года, то он более десяти лет лежит, затерявшись среди других бумаг. Несмотря на все это, мои предложения однажды будут претворены в жизнь. В эти годы, вступив в завершающий этап своей жизни, мне очень хотелось бы собственными глазами увидеть, как будет создан институт Всеобщей истории тюрков и Азии и, ввиду сложности данной области исследований и малочисленности студентов, будут определены им надлежащие стипендии, и исследования, посвященные истории нашего народа, наконец-то обретут нужное направление. Когда у нас вырастет молодежь, изучившая итальянский, латинский и греческий языки и способная заниматься в архивах Венеции, Рима и Женевы, с другой стороны, если найдутся и те, которые для того, чтобы заниматься в славянских и иранских архивах, изучат и эти языки, то и у нас, как в Лондонском университете, можно было бы создать «Институт истории Турции и Ближнего Востока», другие институты и семинары по истории, которые смогли бы объединиться вокруг общего центра. Исторические институты факультета могут создать при себе музеи восточной культуры и другие учреждения по изучению Востока. Видимо, все эти дела будут претворены в жизнь уже после нас.

В проекте конституции предусмотрен Верховный экономический совет, имеющий самостоятельный бюджет, но не предполагается создание Турецкой академии наук с независимым бюджетом, которая стала бы основой для самостоятельных научных исследований и которая не зависела бы от смены руководства государством...⁷³

Любое положение этой записки актуально для любой тюркской республики, в том числе и для Башкортостана, разумеется, применительно к местным условиям и возможностям.

Однако не все начинания З. Валиди Тогана по созданию научно-исследовательских структур внутри университета были безуспешными. Ему все-таки удалось создать на литературном факультете Стамбульского университета институт исламских исследований. Его собственными стараниями была укомплектована ценнейшая библиотека. В этом институте, до сих пор успешно функционирующем, выросли несколько видных ученых, которые начинали научную карьеру ассистентами З. Валиди. Ныне они сами стали профессорами, в их числе известный во всей Турции профессор, доктор, декан богословского факультета Мраморного университета в Стамбуле Салих Ту. В рабочей комнате З. Валиди в Стамбульском университете хранится другая ценная библиотека, собранная им для будущего института всеобщей истории тюрков. В этой библиотеке имеется значительное количество дореволюционных и советских изданий на русском и других языках народов бывшего Советского Союза. Для ориенталистики в целом, для истории и культуры тюрков в особенности, бесценна библиотека и папки с архивами ученого, хранящиеся дома у наследников З. Валиди. Все эти сокровища ждут своих исследователей.

После XXII международного конгресса Заки Валиди Тоган значительную часть своего времени посвящал участию на научных конференциях во всех частях света, его часто приглашали для чтения лекций в самые известные университеты. 1954 год он провел в Англии, в 1957 году работал в США, Пакистане, общался не только с видными учеными, но и с выдающимися политиками — Д. Неру и Р. Пехлеви, например. В этот же период вел активную деятельность за переселение в Турцию разрозненных групп кочевников-казахов из Афганистана, Пакистана и арабских стран, и это сложное дело, благодаря его авторитету ученого и борца за свободу Туркестана, завершилось успешно. Признание его заслуг выражалось и в том, что он удостоился в нескольких странах Востока и Запада целого ряда почетных наград и званий. На торжественной церемонии по случаю присвоения ему звания почетного доктора Манчестерского университета Заки Валиди, в частности, говорил: «Я глубоко тронут той честью, которую оказывает мне Манчестерский университет, присваивая звание своего почетного доктора. Живя на родине, на Уральских горах, я даже не слышал названия вашего города. Позже я узнал, что в Манчестере ткнут знаменитые английские сукна и что в его богатых библиотеках находится много восточных рукописей. Около 30

лет назад, познакомившись с «Каталогом арабских рукописей в библиотеке Джона Райланса», составленном мистером Л. Миньяна, и прочитав в нем строки о рукописи восточно-тюркского перевода священного для нас Корана, я почувствовал глубокий интерес к вашему городу, его университету и библиотекам. Языковые особенности этой рукописи свидетельствовали о том, что это был очень древний тюркский язык. Впоследствии я получил копии отдельных страниц, по хорошо сохранившемуся тексту и бумаге которых было видно: перед нами рукопись XI или XII вв., написанная в Караханидскую эпоху. Тюркский перевод Корана Манчестерской библиотеки Джона Райланса имеет огромное значение для нашей культуры. Он представляет собой перевод с подстрочного персидского перевода Корана, выполненного на основе «Тафсира» Табари комиссией в период правления саманидского правителя Мансура бин Нуха (961-977гг.). Тюркский текст этого перевода может быть сравнен с персидским и с арабскими текстами. В Стамбульском музее тюрко-мусульманских рукописей хранятся два великолепных датированных списка тюркских переводов Корана из Ирана и Золотой Орды. В первом зафиксирован язык тюркских племен, пришедших в Иран вместе с чингизидами. А золотоордынский список показывает преобладание элементов господствовавшего в ней кипчакского языка. Что же касается Манчестерского списка, то я рассматриваю его язык как оригинальный тюркский язык, отражающий диалекты тюрков Исфиджаба и Аргу. Этот список является древнейшим их всех переводов Корана на тюркский язык.

Присвоение мне звания почетного доктора и приглашение посетить ваш город стало для меня великим событием. Вместе с тем, это послужит прекрасным началом моих будущих работ над восточными рукописями в местных библиотеках Англии и Ирландии»⁷¹.

Выступление, выдержки из которого мы привели, позволяет читателю, не посвященному в тонкости востоковедения, представить глубину исторических и филологических познаний ученого. А о его способности предвидеть ход истории в будущем турецкий ученый Турут Узташкын в статье, опубликованной в 1994 году по случаю 24-летия со дня кончины З. Валиди, пишет следующее: «Однажды (первый день месяца Рамазан 1963 года) при посещении ныне покойного Зеки Валиди бея в его доме на Кучукялы, я спросил его: «Период между 1905 и 1917 годами в царской России был временем, когда общество

пользовалось самой широкой формой демократических свобод. Деятельность, нацеленная на восстания, была запрещена, однако деятельность меньшинств в сфере образования и самоорганизации получила разрешение или, на худой конец, на это смотрели сквозь пальцы. И социалисты, замаскировавшись, сумели воспользоваться этими свободами. Но почему вы, оказавшись неподготовленными, легко потерпели поражение?» На этот вопрос он ответил следующим образом: «У нас было очень мало кадров, получивших современное образование. Может быть, их и хватило бы, однако не было согласованности в стратегии. Стратегия социал-демократов, социалистов, большевиков на ближайшее будущее была согласована. У большевиков были подготовлены стратегические планы как на далекое будущее, так и на близкую перспективу, однако у других планов на далекое будущее не было, эти организации были ликвидированы большевиками. В этой связи и мы не спаслись от ликвидации. Однако я как историк и общественный деятель уверяю Вас, эти возможности появятся вновь, нужно готовиться к этим дням. Тюрки, находящиеся под властью Советов, не смогут подготовить эти планы, и нам в Турции не позволяется заниматься подобного рода делами. Когда националисты в Турции обретут условия для свободной деятельности, им следует подготовить эти планы. Если потребуется, можно будет накопить материалы с помощью Туркестанской интеллигенции»⁷⁵.

Как видим, ученый в начале 1963 года, впрочем, так же, как и в начале 1923 года, был уверен в том, что рано или поздно тюркские народы в Средней Азии обретут самостоятельность. Его историческое предвидение подтвердилось. Политическое мировоззрение З.Валиди, способного к столь точным прогнозам, в течение более семидесяти лет вызывает неослабевающее внимание всех, начиная от спецслужб СССР, Германии, Турции и многих иных государств, кончая учеными-историками всех этих стран. Эта сторона деятельности великого востоковеда тоже ждет своего кропотливого, объективного исследователя. Пока об этом лучше Г. Янски не скажешь: «О политической значимости Заки Валиди, как о любом государственном муже, говорят его общественные дела. О нем можно было бы сказать словами Шиллера, относящимися к Валленштейну⁷⁶: "Вызывая у различных партий ненависть и благосклонность, колеблется его образ в истории". Эта часть его судьбы должна быть описана в будущем»⁷⁷.

Таким образом, З. Валиди Тоган предполагал, что с распадом коммунистической империи в России в Казахстане и Средней Азии развернется национально-освободительное движение, подобное движению, возникшему в годы революции и гражданской войны в начале века. Однако детали исторического процесса оказались на этот раз более изящными. Политические ошибки одних, близорукость других, гибкость третьих, равнодушие четвертых, а также благоприятное стечение многих иных обстоятельств дали редчайший шанс целой группе тюркских народов обрести самостоятельность мирным путем и начать подлинно национальное государственное существование. Отныне развитие этой группы суверенных тюркских государств вокруг Каспийского моря — фактор, который в XXI веке будет оказывать все возрастающее воздействие на мировую политику. Особое влияние это будет оказывать на государственную политику России в отношении тех тюркских народов, которые остались в ее составе, и на политику Китая в Восточном Туркестане. В целом судьба экономики и политическое лицо России и Китая во многом будут зависеть от проводимой ими политики по отношению к тюркским народам, живущим внутри этих государств и по соседству с ними. Поэтому труды историков такого масштаба, как З. Валиди Тоган, принимавший участие в судьбе столь обширного региона и как политик и как ученый, будут вызывать все возрастающий интерес. З. Валиди однозначно полагал, что и восточная часть Башкортостана с преимущественно тюркским населением будет переживать одинаковую с Казахстаном и Средней Азией историческую судьбу. Но экономические и демографические реалии за последние десятилетия, в особенности после массового перемещения населения в годы Великой Отечественной войны и в ходе целинной эпопеи, в корне изменились. Превратившись в неразрывную часть Российской Федерации, Татарстан и Башкортостан обречены играть роль лакмусовой бумажки для оценки миром восточной национальной политики России. Эта политика будет показывать всей Средней Азии и Казахстану, сближаться ли им с Россией или осторожно дрейфовать прочь от беды российского шовинизма. Легкомысленные заигрывания московских политиков с шовинистическими предрассудками части избирателей ради получения их голосов на выборах на фоне бесчинств, творимых в Чеченской республике, показывают, что ход событий может подтвердить худшие из исторических предположений З. Валиди Тогана. Поэтому его труды

представляют большой интерес как для серьезных русских политиков, не подверженных влиянию сиюминутных перипетий плохой политики, так и для местных деятелей, стремящихся огрaдить регионы от тяжёлых ошибок центра.

Ученики. «Воспоминания» в преддверии вечности.

Значительная часть жизни З. Валиди Тогана была посвящена преподавательской деятельности, и немало известных ученых и деятелей не только Турции, но и других стран считали и считают его своим учителем. Начав преподавание в 1927 году в Стамбульском университете, он в то или иное время вел занятия во многих университетах Европы, Азии, Америки и завершил свою педагогическую деятельность на том же литературном факультете того же Стамбульского университета в 1970 году. Эта сторона деятельности ученого — особая тема для интереснейшего исследования в Турции, Германии, Америке и других странах, где он работал. Он прочитал множество различных курсов лекций, часть которых стала книгами, часть существует в виде записей студентов, а многое, видимо, безвозвратно утрачено. Только перечисление небольшой части тематики прочитанных им курсов лекций показывает необъятную универсальность его познаний: «Чингизхан и чингизиды», «Тимур и тимуриды», «Караханиды», «Всеобщая история тюрков», «Историческая география тюркских стран», «Методология истории», «Туйхуны и башкиры».

В разное время его учениками были ныне известные и здравствующие историки Фахретдин Кырзыоглу, Мустафа Кафалы, Тунжер Байкара, Исенбике Тоган, Энвер Кюнкучу, Гульчин Чандарлыоглу, Абделкадир Донук, Мехмет Сарай, Юзо Нагата (Япония) и многие другие. Для представления об образе ученого чрезвычайно важны свидетельства и воспоминания его учеников. Например, самый близкий и верный ученик З. Валиди Т. Байкара пишет: «Он читал лекции на языке, который несколько отличался от литературного гурецкого. Из-за того, что с возрастом ослаб его голос, в аудитории лишь ограниченный круг студентов мог слышать и понимать его своеобразную речь. Был близок к студентам. Любимых студентов он приглашал к себе и после недолгих занятий угощал их вареным картофелем. И за обеденным столом, как это бывает у ученых, продолжались научные беседы»⁷⁸.

В беседе с супругой ученого Назмией ханым в Анкаре в 1993 году автор этих строк задал ей вопрос: «У Заки Валиди, как у великого ученого, много учеников. Каковы были его взаимоотношения с ними?» Назмия ханым ответила: «Об этом слишком много рассказать, видимо, не смогу. Он не был склонен терять с учениками слишком много времени, старался как можно больше времени отдавать науке. Даже когда кто-нибудь приходил, он с ним не засиживался, спешил за свой рабочий стол. Чаще всего приходили студенты-националисты⁷⁹ (т.е. студенты «правой» политической ориентации, не любящие «левых», коммунистов). Они приходили и расспрашивали о борьбе в России, в Средней Азии, в целом об истории. А студенты, у которых он вел занятия, приходили достаточно редко. Часто по утрам и вечерам приходил его ассистент Алиакбер, спрашивал, что нужно делать, и уходил».

Профессор, декан факультета литературы, истории, географии Мимар Синанского университета в г. Стамбуле Гульчин Чандарлыоглу была студенткой, ассистентом З. Валиди Тогана, защитила под его руководством докторскую диссертацию; как и Т. Байкара, является одним из самых близких его учеников. Кроме того, она как близкая родственница супруги З. Валиди наблюдала за жизнью ученого с детства. Автору этих строк она также рассказала о его вечном сидении за рабочим столом. «Готовя магистерскую, а затем докторскую диссертацию под его руководством, — говорила профессор Чандарлыоглу, — я предпочитала приходить к нему домой и за обеденным столом решать все проблемы, так как в другое время он подолгу не разговаривал. За обеденным столом, отвечая на мои вопросы, он охотно говорил, что нужно прочитать и, более того, тут же вставал и, найдя нужную книгу в своей прекрасной библиотеке, приносил и отдавал мне на время». Итак, оставленное им большое количество учеников свидетельствует не о том, что он с ними много работал, а о том, что вокруг себя создавал ауру подлинного напряженного научного творчества. Это вполне соответствовало основной черте его характера, о которой Тунжер Байкара пишет: «Заки Валиди был человеком стальной воли — это его главнейшее качество. Он никогда не уклонялся от борьбы и никогда не прекращал ее, не добившись результата. Таким он был с самых малых лет и до самой смерти. Жизнь для него была сферой работы и ареной борьбы. И основу его жизни составляла научная работа — работа в любых обстоятельствах. Он в буквальном смысле вы-

полнял наставления Пророка Мохаммеда: «Работайте так, будто жизнь ваша бесконечна, молитесь так, будто живете последний день». Научную работу он не прекращал даже накануне смерти в больнице, принимаясь за нее всякий раз, когда позволяли силы»⁸⁰. Этому вполне соответствуют и слова Г. Янски, который писал: «Результаты трудов всей жизни Заки Валиди Тогана, его научной деятельности являются плодами его льющейся через край энергии и необыкновенной работоспособности»⁸¹.

При беседе с автором этих строк один из старейших учеников Заки Валиди, ныне профессор Анкарского университета Мустафа Кафалы сказал: «Мой учитель был нестигаемым человеком с твердой волей, а Абделкадир (Инан) бей был очень мягким человеком, не способным обидеть даже божью коровку. Заки бей умер, говоря то же самое, что он говорил, когда впервые прибыл в Турцию». Эта черта его характера отражалась и в науке, в частности в независимости его суждений от любых авторитетов. «Заки Валиди с точки зрения своей независимости был великим ученым», — пишет Т. Байкара. Одним из оснований этой независимости была тщательность, фундаментальность его повседневной работы, что отмечает и Т. Байкара: «... Как человек он всем своим существом оказывался в центре исторического движения. Поэтому он никогда не выбрасывал ни одного документа, письма или нужной бумаги. Все это он тщательно сохранял, насколько позволяли обстоятельства. Накапливая и сохраняя документы, он, с одной стороны, проявлял себя как историк, а с другой стороны, сам мог бы рассматриваться как материал для истории. Ибо в изучении многих проблем периода 1919-1970 годов документы Тогана будут для нас уникальными источниками. Поэтому Заки Валиди Тоган в качестве хранителя знаний и документов занимает совершенно исключительное место среди турецких историков. Ведь сколько их было, не оставивших после себя ничего, все унесших с собой»⁸².

Очень интересны и важны свидетельства о личностных качествах З. Валиди, оставленные уже упомянутым Х. Н. Атсызом, который знал ученого более 50 лет: «Когда Заки Валиди приехал в Турцию, он совсем не умел смеяться. Позже он научился этому и даже сам начал рассказывать о забавных случаях». О такой черте ученого, как готовность постоянно общаться с учеными всего мира, тот же автор пишет: «Несмотря на свои 80 лет (статья относится к 1969 году), учитель до

сих под живет полной жизнью: то участвует в работах конгрессов и угощается на их банкетах, то по приглашению персидского шаха отправляется в Иран, то ведет научную переписку с корреспондентами из Америки, Европы, Индии, Пакистана, Японии и даже из Монголии и при этом неустанно готовит к публикации свои ценнейшие труды, материалы для которых он собирал 60 лет. Учитель щедро делится сведениями из своего архива, записи в котором не смог бы прочитать никто кроме него самого. Несколько раз я попытался удержать его от такой расточительности, и мы даже ссорились с ним по этому поводу. Но разве он послушается меня! .. Однажды я сказал ему: «Напрасно ты тратишь свое время, целыми днями просиживая за письмами и отвечая на всех известных тебе языках». На что он заявил на своем «тогановском диалекте», отличном от всех тюркских языков и диалектов: «Так я этим живу!» Учитель был неравнодушен к похвалам. И корреспонденты в своих письмах сначала хвалили его труды и лишь затем просили предоставить им сведения по какому-нибудь вопросу. И по их просьбе он безвылазно сидел в стамбульских библиотеках, а затем тратил еще несколько дней, чтобы написать ответ по-немецки, по-английски, по-русски или по-персидски. И в этом была его жизнь»^{к1}.

Было бы совсем неверно представлять его лишь вечно склоненным над рабочим столом. Как человек необычайно энергичный, он любил активные формы отдыха, из которых предпочитал длительные прогулки в горах или плавание в море летом, катание на лыжах зимой. Несколько коллег по университету автору этих строк рассказывали об одной «странности» ученого: он имел привычку внезапно исчезать, иногда никого не предупредив, даже если в данный момент шла какая-нибудь напряженная организационная работа с его участием. Как правило, в таких случаях он оказывался в горах или лесах Турции. Назмия ханым объяснила это тем, что ученый, устав от крайне напряженной работы, нуждался в отдыхе и недолго думая уезжал в горы. В горы и леса он стремился и в моменты большого горя. Назмия ханым вспоминает: «Однажды, уже после войны к нам из Германии приехал башкир по имени Тагир Алтай, бывший военнопленный. Он рассказал, что его отца и мать из-за него сослали в Сибирь, мучали их. Супруг мой представил, какие мучения пережили его собственные родители, престарелый отец, мать, родные. Очень плакал, очень. На следующий день написал письмо. Он и плакал, и не-

навидел. Плакал сквозь ненависть. Он сильно плакал и после смерти Галимжана Тагана. Вывел нас в горы Болу, сказал нам «Идите, погуляйте!», а сам, оставшись один, пел башкирские песни и плакал, пел и плакал. Очень любил его, очень».

В своей статье «Вспоминая отца ...», опубликованной в 1994 г., дочь ученого профессор истории Исенбике Тоган пишет: «Люди, близко знавшие отца, большую часть вспоминают его некоторые своеобразные привычки и по этому поводу передают из уст в уста даже некоторые рассказы. Однако в этих рассказах удареение делается на особенностях его характера или привычек, которые выделяли его среди других, ставили особняком. Я же считала, что мой отец, зная себе цену, не испытывал нужды и желания походить на других, оставался всегда самим собой. То, что в основе этого поведения лежало еще и чувство одиночества, я начинаю понимать только сейчас. Отец иногда брал в руки курай и наигрывал или пел народные песни. Он тяжело пережил смерть своего самого близкого друга и земляка Галимжана Тагана, умершего в 1948 году в Гамбурге, выехал в горы Болу, напоминавшие, по его словам, Уральские горы, пел там народные песни, любимые другом, не пытаясь удерживать слёзы. Зимой 1990 года в Башкортостане нам показали документальный фильм об отце. И мне трудно было удержаться от слез, когда в конце фильма я узнала мелодию, которую отец часто наигрывал на курае. У режиссера фильма Абдразакова я спросила, что это за мелодия. Он объяснил мне, что это песня «Путник Гайса», то есть песня об изгнаннике, мечтающем вернуться домой и высечь на скалах Урала историю. И только тогда я поняла, почему отец после 1957 года, когда мы построили себе дом, перестал играть на своем курае. Он, ничего нам не объяснив, не стал брать в руки свой инструмент. Следовательно, вместе с тоской по родине в его душе жила и надежда, что он сможет увидеть родину еще раз. Но потеряв надежду, он отстранил от себя и тоску. В это время он стал обращать больше внимания на подготовку учеников и в 1960-1970 годы уделял много времени определению научных направлений, по которым нужно было готовить последователей. Как-то мама спросила его: «Дорогой, ты так часто вспоминаешь свою родину, если бы вернулся сейчас, назначили бы тебя главой правительства?» На что отец ответил: «Нет, Назмиушка, если бы я вернулся, жил бы в своей деревне и учительствовал»⁸⁴.

Энвер Конукуч, один из учеников З. Валиди, написавший

докторскую диссертацию под его руководством, ныне профессор университета Ататюрка в г. Эрзерум, также говорил автору этих строк: «Мы не смогли добиться, чтобы его душа переместилась сюда, она у него оставалась там, у Вас, в Башкортостане, Туркестане».

Верность родине и дружбе — важнейшие слагаемые его личности. Дружил он столь же неистово, как и работал или боролся с противниками. Эти его черты объясняются не только его личностными качествами, а восходят к глубочайшим пластам культуры башкир, для которых дружба и сплоченность, верность роду и предкам были одним из основных защитных средств в их трагической борьбе за национальное существование в течение последних нескольких столетий.

Многие известные люди из самых различных стран отвечали на дружбу и верность ученого тем же самым. В ряду многочисленных друзей З. Валиди австрийский востоковед Г. Янски занимал достойное место. Он пишет: «Я не знаю, почему среди столь многочисленных почитателей Валиди именно мне предоставлена честь написать эту юбилейную статью. Основанием к этому считаю лишь то обстоятельство, что я имел преимущество и удовольствие причислять себя к его близким личным друзьям. И в качестве близкого друга я не могу ограничиться характеристикой его лишь с чисто научной стороны, как ученого, но хочу говорить о нем еще и как о человеке, так как это именно тот случай, когда первое не представимо без второго».

Несомненно, Заки Валиди Тоган — великий ученый, это определено. Но он велик и как человек. Человек, у которого наука является внутренним призванием, неотъемлемой сущностью, человек, которому служение науке предписано самой судьбой, поэтому, едва выросши, он покинул ради науки нежно им любимую деревню. Он не из тех, кто академическую карьеру рассматривает с точки зрения занятия, ведущего к внешне блестящему успеху и славе, а тот, кто служит науке, так как эту потребность носит в душе. Он из числа тех, кто, столь глубоко погружаясь в море научных знаний, никогда не отрывается от живой действительности и не теряет с нею живую связь.

Его научные труды издадут не только запах бумаги и типографской краски, а источают флюиды той земли, на которой он вырос и которой служил до последней возможности. Человек, который не знает высокомерия, рядом с другим человеком не подчеркивает своей значительности, и в таком выделении

вовсе и не нуждается, так как обладает истинным величием. Наконец, он человек, который и при крутом возвышении не отрывался от земли, его породившей, не стал ей чужим, наоборот, вопреки всему остался тем, кем был, гордо это осознавая: сыном своей родной земли, деревни, яйляу, гор и пастбищ. И это самое великое в нем.

Когда я говорю о моем друге Заки Валиди Тогане, мне хочется объяснить, что является движущей силой его сущности, так как это, возможно, мне лучше известно, чем другим, и мне он стал более понятен из-за родства наших душ. Это обнаружилось при первой же нашей встрече много-много лет назад в виде искры симпатии, которая переросла в длительную дружбу.

Заки Валиди Тоган оказывает глубокое воздействие не только на коллег и людей науки — это было бы и не столь удивительно — но и на всех, кто встречается на его пути, также и на тех, которым его ранг как ученого абсолютно неведом и которые даже не в состоянии оценить его научную значимость. Это я знаю также на примере моей родной Австрии, горы и долины которой во время своего пребывания здесь Заки Валиди прошел зимой и летом вдоль и поперек, разговаривал с жителями всех слоев, встречался с некоторыми из них неоднократно, завязывал с ними дружбу. Многие люди, в том числе простые деревенские жители, еще и сегодня, после истечения двух десятилетий, его помнят, о нем говорят, при встрече со мной непременно о нем спрашивают. Разве это не может быть ясным доказательством силы его личности и свидетельством продолжительности его воздействия на людей чужой страны, которые до этого совершенно его не знали?

Заки Валиди Тоган — великий ученый и великий человек. Но вместе с этими двумя качествами еще один компонент образует его личность: он тюрк. Это придает его научной деятельности особый смысл. В числе авторов трудов по тюркской истории тюрки были и до него, тем не менее ведущие ученые этой части научных знаний в основном были представлены учеными из числа других народов. С выдвижением Тогана на авансцену на переднем крае тюркской исторической науки появился тюрк в лучшем смысле этого слова, исследующий и объясняющий тюркскую историю»⁴⁵.

Последние годы жизни З. Валиди Тоган посвятил собственным «Воспоминаниям» и «Дастану об Огузе». Отныне без мемуаров З. Валиди трудно представить всю историю и куль-

туру башкирского народа. В советских исторических трудах, написанных о событиях в Башкортостане в годы революции и гражданской войны, содержится немало количество фактов, цифр, дат, имен, но они не воспроизводят образы живых людей, в этих книгах и статьях действуют лишь тени больших народных «масс», во главе которых идут люди-схемы, неживые носители красных или белых идей. С «Воспоминаниями» З. Валидова вернулись к нашему народу живые образы лучших его сыновей, а сами они в советское время были рассеяны по миру, замучены в ГУЛАГе, расстреляны, а затем почти забыты и самим народом под давлением пропагандистской лжи, с одной, и наводимого чекистами страха — с другой стороны. Великий историк распахнул перед коллегами, литераторами, художниками некую завесу, после чего свет исторической науки осветил и далекое, и близкое прошлое башкир (и многих других тюркских народов) и даже высветил сегодняшнее его бездуховное состояние, так как сравнение описанного ученым народа с сегодняшним оставляет странное впечатление, будто речь идет о совершенно разных народах.

После завершения собственных «Воспоминаний» З. Валиди берется за окончание своей давно начатой работы по переводу и исследованию одного из древнейших исторических воспоминаний тюрков — «Дастана об Огузе», что тоже и закономерно и символично. Об этом периоде жизни Т. Байкара пишет: «Последние годы Заки Валиди очень страдал от старческого простатита. 15 апреля 1970 года ему оперировали простату. Операция прошла успешно, и он смог продолжить работу над «Дастаном об Огузе».

Вскоре, однако, произошел рецидив болезни. Находившись в это время в Америке его дети вернулись в Турцию и были рядом с ним. Болезнь прогрессировала, что не позволяло сделать операцию, и около шести часов утра 26 июля 1970 года Заки Валиди умер. Обязанность закончить работу над «Дастаном об Огузе» легла на автора этих строк, и после смерти учителя я закончил ее и опубликовал дастан»⁸⁶.

Назмия ханым рассказала следующие подробности последних недель жизни ученого. После операции больному следовало некоторое время находиться в постели и ни в коем случае нельзя было подниматься. Но худшим наказанием для него была именно неподвижность, и несмотря на настойчивые возражения супруги больной встал и сам пошел в туалет, что, по мнению Назмии ханым, сыграло роковую роль. Она говори-

ла: «Позже нашлись люди, которые упрекали меня в том, что я позволила ему подняться. На что я отвечала: он никогда никого не слушался. Сталина не слушался, Ататюрка не слушался, с какой стати меня будет слушаться?»

За несколько лет до своей смерти З. Валиди на знаменитом Каражаахметском кладбище, существующем еще со времен Фатиха Мехмета Султана (XVв.), долго искал могилу некоего ученого, прибывшего, как он сам, из Туркестана и похороненного здесь. Хотел посвятить его светлой памяти молитву, но найти не смог и крайне этому расстроился. И вот теперь после заупокойного намаза в мечети Баязид он и сам был похоронен на этом же Каражаахметском кладбище. Известный востоковед Карл Ян откликнулся на смерть А.-З. Валиди Тогана словами о том, что русская школа востоковедения последней четверти XIX — начала XX вв. перестала существовать, ибо вслед за В. Бартольдом (1869-1930) и В. Минорским (1877-1966) из жизни ушел теперь и Заки Валиди Тоган (1890-1970)¹⁷.

Примечания

1. Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912-1913 гг. — Уфа, 1914.
2. Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Книга 1. — Уфа, 1994. — С. 17, 31. (Здесь и далее везде, где это специально не оговорено, перевод текстов с турецкого и немецкого произведен автором данной статьи).
3. Там же. — С. 64.
4. Там же. — С. 7.
5. Там же. — С. 117-118.
6. Там же. — С. 168.
7. С. Максуди лично на Московском съезде не присутствовал.
8. Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Книга 1. — Уфа, 1994. — С. 183.
9. Там же. — С. 236-241.

10. Ленин В.И. Полн.собр.соч. — Т. 37. — С. 191.
11. Там же. — С. 224.
12. Там же. — Т. 50. — С. 252.
13. Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Книга 1. — Уфа, 1994. — С. 283-286.
14. Ленин. В. И. Полн. собр. соч. — Т. 38. — С. 158.
15. Образование БАСССР: Сб. док. и матер. — Уфа, 1959. — С. 384-385.
16. Артем (Ф. А. Сергеев). Статьи, речи, письма. — М., 1983. — С. 248, 252.
17. Наше отечество: опыт политической истории: Уч. пособие. Т. 2. — М., 1991. — С. 143-144.
18. ЦГА ОО РБ. Фонд 1832, опись 4, дело 387, лист 6.
19. ЦГА ОО РБ. Фонд 22, опись 4, дело 23, лист 18-21.
20. Для улаживания конфликтов между деятелями башкирского движения и представителями центра, местными русскими и татарскими работниками в Башкирии, грозивших перерасти в вооруженное столкновение, привлекались в разное время Л. Троцкий, М. Фрунзе, В. Куйбышев, М. Калинин и др., а И. Сталин занимался этими вопросами постоянно, по необходимости привлекая и В. И. Ленина.
21. Имеется в виду Артем (Сергеев Ф. А.)
22. Рыскулов Т. Р. — один из лидеров казахского национально-освободительного движения, репрессирован в 1938 г.
23. Имеется в виду политика Артема (Сергеева Ф. А.) и др.
24. Состоялся в сентябре 1920 года.
25. А.-З. Валиди Тоган. Воспоминания. — Кн. 1. — Уфа, 1994.

- С. 313-314.
26. A.-Z. Velidi Togan. *Natiralar.* – Istanbul, 1969. – S. 340-341.
27. Ленин В. И. Полн. собр.соч. – Т. 53. – С. 189.
28. Там же. – Т. 39. – С. 114.
29. Энвер Паша (1881-1922) – лидер турецкой буржуазно-демократической революции 1908 года, военный министр, вице-генералиссимус, то есть главнокомандующий. Политик с чрезвычайно сложной судьбой.
30. Энвер Паша погиб в 1922 году в стычке с частями Красной Армии.
31. A.-Z. Velidi Togan. *Natiralar.* – Istanbul, 1969. – S. 464-467.
32. Султан-Галиев М. Статьи. Выступления. Документы. – Казань, 1992. – С. 380-381, 384.
33. Имеется в виду организация «Туркестанское национальное единство».
34. A.-Z. Velidi Togan. *Natiralar.* – Istanbul, 1969. – S. 387-388.
35. 1921 г.
36. A.-Z. Velidi Togan. *Natiralar.* – Istanbul, 1969. – S. 366.
37. Там же. – S. 468.
38. Там же. – S. 480.
39. Там же. – S. 481.
40. Там же. – S. 497.
41. Tuncer Baykara. *Zeki Velidi Togan.* – Ankara, 1989. – S. 19. (Перевод Р.М.Булгакова).
42. Там же. – S. 58.
43. Там же. – S. 21.
44. Там же.

45. Там же. — С. 22.
46. Там же. — С. 23.
47. Там же. — С. 24.
48. Там же. — С. 23, 24.
49. A.-Z. Velidi Togan. Tarihte Usul. — Istanbul, 1969. — С. 118.
50. Имеются в виду тюркские народы Урало-Поволжья, Казахстана и Средней Азии за исключением Восточного Туркестана в составе Китая, якутов в Сибири и других — на востоке и Азербайджана, Турции, а также чувашей — на западе. (А. Ю.)
51. Имеется в виду длительный процесс объединения феодально раздробленной Германии в Новое Время. (А. Ю.)
52. A.-Z. Validi. On Yedi Kumalti Sehri ve Sadri Maksudi Bey. — Istanbul, 1934. — С. 27-30.
53. Янски Г. Ахмет Заки Валиди Тоган//Бельские просторы. — Уфа, 1993. — С. 8-9.
54. Там же. — С. 12-13.
55. Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. — Berlin, 1940. — С. 200-202.
56. Byzantion, American Series III (-XVII). — Cambridge Mass., 1945. — P. 410-413.
57. Янски Г. Ахмет Заки Валиди Тоган//Бельские просторы. — Уфа, 1993. — С. 10-11.
58. Tuncer Baykara. Zeki Velidi Togan. — Ankara, 1989. — С. 26-27. (Перевод Р.М.Булгакова).
59. Янски Г. Ахмет Заки Валиди Тоган//Бельские просторы. — Уфа, 1993. — С. 9.
60. Там же. — С. 11-12.

61. «Эшче» — газета Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), 28 февраля 1921г.
62. Tuncer Baykara. Zeki Velidi Togan. — Ankara, 1989. — S. 29.
63. Там же. — S. 31.
64. Там же. — S. 31-32.
65. Янски Г. Ахмет Заки Валиди Тоган//Бельские просторы. — Уфа, 1993. — С. 11.
66. Янски Г. Ахмет Заки Валиди Тоган//Бельские просторы. — Уфа, 1993. — С. 12, 15-16.
67. Prof. Dr. A. Zeki Velidi Togan. Tarihte Usul. — Istanbul, 1985. — S. XXIX-XXX.
68. Prof. Dr. A. Zeki Velidi Togan. 1951-de Istanbulda toplanan Milletlerarasi XXII Mustesrikler Kongresi mesaisi ve akisleri. — Istanbul, 1953. — S. III-IV.
69. Там же. — S. 24-25.
70. Янски Г. Ахмет Заки Валиди Тоган//Бельские просторы. — Уфа, 1993. — С. 9-15.
71. Turk Tarih Kurumu — главное научно-исследовательское учреждение Турции по историческим наукам, организованное в конце 20-х годов.
72. Tuncer Baykara. Zeki Velidi Togan. — Ankara, 1989. — S. 40, 60-61.
73. Там же. — S. 123-134.
74. Там же. — S. 62-63.
75. Turgut Oztaskin. Zeki Velidi'nin «Devlet Adamligi» hakkin-da. Inmeyen Bayrak-Zeki Velidi Togan. — Isnanbul, 1994. — S. 81-82.

76. Валленштейн (1583-1634) — один из полководцев, имперский главнокомандующий в Тридцатилетней войне в Европе (1618-1648). Его деятельность получила в истории противоречивую оценку (А. Ю.)
77. Янски Г. Ахмет Заки Валиди Тоган//Бельские просторы. — Уфа, 1993. — С. 13.
78. Tuncer Baykara. Zeki Velidi Togan. — Ankara, 1989. — S. 50.
79. Понятие национализма в Турции, а также в целом на Западе не носит, как это принято у нас, безусловно отрицательного смысла. Националист — это значит человек, заинтересованный в развитии своего народа, в защите его экономических, политических, культурных интересов. Безусловно отрицательный смысл вкладывается в понятия «расизм», «шовинизм» (А. Ю.)
80. Tuncer Baykara. Zeki Velidi Togan. — Ankara, 1989. — S. 45.
81. Янски Г. Ахмет Заки Валиди Тоган//Бельские просторы. — Уфа, 1993. — С. 16.
82. Tuncer Baykara. Zeki Velidi Togan. — Ankara, 1989. — S. 57, 65.
83. Там же. — S. 46, 66.
84. Isenbike Togan. Babam Zeki Velidi Togani anarken. — Inmeyan Bayrak — Zeki Velidi Togan. — Istanbul, 1994. — S. 12-13, 16.
85. Янски Г. Ахмет Заки Валиди Тоган//Бельские просторы. — Уфа, 1993. — С. 13-15.
86. Tuncer Baykara. Zeki Velidi Togan. — Ankara, 1989. — S. 42.
87. Central Asiatic Journal, vol. XIV, no: 4, 1970.

Абдулкадыр Инан (Фатхелкадыр Сулейман)

(29.11.1889 — 01.10.1976)

Традиции и научные идеи ученых из башкир Мухаметсалима Уметбаева, Мирсалиха Бикчурина и других, живших и творивших во второй половине XIX в., продолжили ставшие известными впоследствии яркие представители башкирского народа Ахметзаки Валиди Тоган, Абдулкадыр Инан, Мухаметхан Кулаев, Галимзян Таган, Ризаэтдин Фахретдин и др. По разным причинам многие из них вынуждены были жить в разных странах, писали и публиковались на разных языках. Жил и писал свои труды в Венгрии Галимзян Таган. В Турции обосновались два лидера башкирского национального движения 20-х годов нашего столетия, два близких друга — профессора истории и филологии Ахметзаки Валиди Тоган и Фатхелкадыр Сулейман (Абдулкадыр Инан — имя, принятое им в Турции). До последнего времени эти имена были запретными на их родине — в Башкортостане: на их работы нельзя было ссылаться в научных публикациях, изучать и печатать их произведения было невозможно и опасно. Кто отваживался на это, получал ярлык националиста. Их имена на долгие времена были заклеены страшными для того времени политическим обвинением — «буржуазные националисты». Между тем их труды печатались и перепечатывались не только в Турции, но и в Германии, Франции, США и других странах.

Легализация историка Ахметзаки Валиди Тогана впервые произошла в Башкортостане в 1990 году, когда его столетие было широко отмечено проведением в Уфе международной научной конференции¹.

На этой конференции присутствовали его дочь и сын, профессора Исенбике ханым и Субидей бей. Имя же этнографа, языковеда и фольклориста Абдулкадыра Инана и его труды до сих пор остаются малоизвестными в России и в Башкортостане, они почти не печатались на башкирском и русском языках.

Жизнь и научную деятельность Абдулкадыра Инана в Турецкой Республике знают хорошо: широко было отмечено 100-летие со дня его рождения, дважды, в 1968 и 1987 гг., издавалось собрание его сочинений в двух томах².

Абдулкадыр Инан (имя в детстве Фатхелкадыр) родился

29 ноября 1889 г. в д. Шигаево (ныне Кунашакский район Челябинской области) в семье служителя мусульманской религии имама Мустафы. Начальное образование получил в русско-башкирской школе в своей родной деревне, затем учился в новометодных медресе г. Челябинска, завершил свое образование в известном медресе «Расулия» (г. Троицк Челябинской области); наряду с общими предметами изучал и русский язык, овладел рядом восточных языков — арабским, персидским, турецким.

Его первая научно-публицистическая статья появилась в издаваемой в Оренбурге газете «Вақыт» в 1908 году. В ней ставилась одна из самых актуальных для башкир того времени проблем — проблема земли. Башкиры уже почти потеряли свои вотчинные права на землю, и это было лишь поветрием революционных событий 1905-1907 гг., попыткой предотвратить дальнейшую продажу земли. Позднее Абдулкадыр Инан стал писать этнографические статьи о башкирах, казахах и других тюркских народах и публиковал их в популярных в те времена журналах и газетах. Он пробовал свое перо и в художественном творчестве, оставил интересное и своеобразное наследие³. Активно сотрудничал с газетой «Вақыт» («Время»), журналами «Шура» («Совет») и «Мугаллим» («Учитель»), позднее — с газетами «Салават» и «Башкорт». Его первое опубликованное произведение называлось «Тоска башкира». Оно пронизано мотивами тоски по славному прошлому родного народа, его вольной кочевой жизни и резкой критикой своих современников, утративших многие доблестные качества предков. Эти мотивы занимают центральное место и в стихотворении «Тоскуя по кочевью», миниатюрном рассказе «На башкирском кочевье», рассказах «Мор», «Тимербай-кураист» и «Беглец». При изображении кочевого быта башкир писатель широко пользуется фольклорными и этнографическими источниками, приводит много пословиц, поговорок и отрывков из старинных народных песен. Рассказ Ф. Сулейманова «За родину» изображает события башкирского народного восстания 1773-1775 годов. Примечательно то, что основным героем в рассказе изображен аксакал из катайского племени, отказавшийся от сотрудничества с восставшими.

Произведение «Вот тебе последние дни Помпеи!» построено на поучительных ситуациях и остром сарказме, его можно назвать одним из лучших юмористических рассказов начала XX века. В годы революции и гражданской войны он написал

исторические драмы «Салават батыр» и «Акшан батыр», которые в течение ряда лет не сходили со сцен театров и завоевали большую популярность у зрителей. К сожалению, их оригинальные тексты не сохранились до наших дней. Рукопись драмы «Акшан батыр» до сих пор не найдена, а «Салават батыр» — первая драма, посвященная Салавату Юлаеву, написана в соавторстве с Сагитом Мирасовым и издана отдельной книгой в 1924 г. В 1918 г. отдельной книгой был издан и его рассказ «Мор».

Как заявили его коллеги и наследники, после эмиграции в Турцию он, к сожалению, не продолжил свое литературное творчество.

Наукой А. Инан начал заниматься еще будучи студентом медресе «Расулия». В этом деле на него большое влияние оказал известный башкирский просветитель Абдрахман Расули, который сумел направить его интересы на устное народное творчество. Об этом вспоминал позже и сам Абдулкадыр Инан.

Во время летних каникул он выезжал в аулы и собрал значительное количество дастанов, героических сказаний (кубаиров), легенд и песен. Часть из них успел опубликовать в журнале «Шура».

В 1914 году Абдулкадыр знакомится со своим будущим другом и единомышленником, известным уже к тому времени историком Ахметзаки Валиди⁴. По его совету в том же году он выезжает на Алтай, а также в казахские степи и узбекские кышлаки для сбора этнографических, фольклорных материалов. В эту поездку записывает один из вариантов знаменитого киргизского эпоса «Манас», собирает интересные сведения о шаманизме у алтайцев, о древних обычаях тюрков и начинает свои первые научные исследования. В будущем именно это направление стало его основным научным занятием.

Очевидно, не без влияния А. З. Валиди Инан втягивается в башкирское национальное движение, становится одним из его лидеров, о чём он подробно рассказывает в своих воспоминаниях, вышедших в свет в Турции после его кончины. В переводе А. М. Юлдашбаева на башкирский язык они опубликованы в журнале «Агидель»⁵. В 1918 году он выпускает несколько номеров газеты «Башкорт» («Башкир»), назначается ее редактором, в 1919 году работает в качестве члена министерства образования правительства Башкирской Республики. В этот самый сложный период по поручению З. Валиди посещает библи-

отеки Петрограда и привозит большой комплект научной литературы по тюркологии. По всей вероятности, лидеры башкирского движения не оставляли мечты серьезно заниматься научными изысканиями.

Башкирское национальное движение не было поддержано ни белыми, ни красными, которым одинаково чужды были интересы и права малочисленных народов. А. Валиди, А. Инан и многие другие лидеры не поверили в обещанную большевиками автономию башкир, покинули родину и еще 3 года продолжали свою деятельность в Средней Азии и Казахстане.

В 1920 году А. Инан прибывает в Ташкент и начинает учительствовать в казахских и киргизских школах, одновременно под псевдонимом Абдулкадыр Йылкыбай стал публиковать в газете «Акьюл» («Светлый путь») статьи по этнографии, истории и фольклору тюркских народов.

Однако басмаческое движение, к которому примкнули соратники А. Валиди, тоже было обречено на поражение, и в 1923 году два друга, два будущих ученых с мировым именем — башкиры Ахметзаки Валиди и Абдулкадыр Инан навсегда покинули родину. Почти три года они скитались по Афганистану, Ирану, Индии, объехали многие страны и города Европы, испытав без права гражданства муки и страдания беженцев, и только в июле 1925 года оказались в Стамбуле, где нашли пристанище многие офицеры и солдаты белой армии.

В том же году А. Инана принимает на работу ассистентом директор института тюркологии Фуад Кепрюлю⁶. Он начинает активно собирать фольклорные материалы, месяцами проживая в турецких селениях в горах Анатолии, посещает такие провинции, как Ерзинжан, Хасанкала, Газиан, Эрзерум и др.

А. Инан начинает публиковать свои научные статьи под псевдонимами Туркистанлы, Туркмен, Идель углы в журналах «Туркиат», «Новый Туркестан», «Новая Кавказия» и в других изданиях. Собранные им в Анатолии образцы турецкого фольклора в 1930 г. выходят отдельной книгой под названием «Доклад из первой научной поездки».

В 1933 г. его приглашают на работу в Общество по изучению турецкого языка («Турк дил курумы») в Анкару. Здесь он попадает в круги, близкие к президенту Турецкой Республики Кемалю Ататюрку⁷, под покровительством которого принимается на работу на факультет языка, географии и истории Анкарского университета и в последующем получает звание профессора. Здесь же начинает давать уроки алтайского, ту-

винского, хакасского, якутского и других языков, которыми он хорошо владел, и продолжает научные исследования.

Улучшение служебного, материального положения и признание научной общественностью его трудов позволили ученому еще больше активизировать научную деятельность. За последующие 10 лет ему удалось написать и опубликовать более 100 научных трудов, охватывающих различные стороны фольклора, древних верований, художественных произведений, музыки, языка многих тюркских народов. Он писал обзоры и рецензии на труды русских, турецких ученых, давал описание письменных памятников. Наиболее крупными были его публикации по эпосам тюркских народов «Манас», «Деде Коркут» и др. Им написаны также для разных изданий энциклопедические статьи о тюркских племенах.

Именно в этот период определился интерес А. Инана к доисламским верованиям тюркских и монгольских народов, в частности к пережиткам шаманизма. Он остался верным и башкирской тематике: опубликовал статьи «История борьбы башкир против России» (1933), «Башкирская свадьба» (1943), «Башкирско-русская война» (1943).

Однако столь успешно проводимые исследования и преподавательская деятельность внезапно были прерваны в конце 1944 года. Когда стало очевидным поражение фашистской Германии, правящие круги Турции начали менять свои политические позиции и преследовать участников национальных движений, националистов, идеологов общетюркского единства (туранистов). Ахметзаки Валиди был арестован и посажен в тюрьму на 10 лет, его сторонники тоже получили разные сроки тюремного заключения. Абдулкадыр Инан был лишен права преподавать в университете, звания профессора, возможностей заниматься наукой. Исследователь его научного наследия профессор Хикмет Танйу с большим сожалением и горечью пишет об этих действиях тогдашних турецких властей и коллег-ученых, которые способствовали и потворствовали таким акциям.⁸

Разбирательство по политическому обвинению сторонников З. Валиди продолжалось около года, в конце концов они были освобождены из-под стражи, но полной реабилитации не получили. Известный ученый А. Инан, лишенный званий и должности, был вынужден преподавать в обыкновенной школе вплоть до 1955 г., когда ему уже было 65 лет. Несмотря на трудное материальное положение и моральное состояние,

А. Инан продолжал свои научные изыскания и публикации в журналах и сборниках.

Но судьба вновь улыбнулась Абдулкадыру Инану: его приглашают на научно-исследовательскую работу сначала в Турецкое языковедческое общество (Турк дил курумы), затем, в 1961 г. — в консультативный комитет министерства по делам религии, а в 1964 году — в Институт турецкой культуры. Ученому вновь открылась возможность заниматься любимым делом и печататься в центральных изданиях. Здесь он проработал до 1971 г., когда окончательного ушел на пенсию.

В общей сложности научной деятельностью он занимался около 60 лет, одновременно будучи преподавателем школ, журналистом и профессором университета. За это время опубликовал 350 научных трудов по этнографии, фольклору, литературе и языку тюркских народов. Его монография о шаманизме у древних и современных тюрков издавалась в Турции дважды (в 1954 и 1972 гг.). Эта работа и многие другие публикации показывают, что А. Инану были доступны источники на западноевропейских и восточных языках, он владел в совершенстве различными тюркскими языками — алтайским, хакасским, башкирским, татарским, киргизским, турецким и др. Среди его публикаций имеются оригинальные записи киргизского эпоса «Манас», турецкого варианта дастана о Деде-Коркуте, образцы фольклора сибирских тюрков, история чагайтской литературы и многое другое.

Очень широк был диапазон его научных интересов, который характеризуется не только собственными исследованиями, но и многочисленными рецензиями на научные публикации по истории, этнографии, языку, литературе ученых Турции, Азербайджана, России и других стран.

В своих трудах ученый широко использовал материалы родного для него башкирского языка и фольклора, написал специальные исследования по этнографии и истории башкир, в частности «Остатки шаманизма у башкир», «Из истории борьбы башкир с Россией», «О названии горы Балкан» и др.

Соотечественники, безусловно, были обделены тем, что в свое время не имели доступа к научным исследованиям своего земляка, ученого с мировым именем Абдулкадыра Инана: они не издавались ни на русском, ни на башкирском языке, и, как уже было сказано, их нельзя было использовать даже в научных публикациях. Предстоит большая работа по переводу с турецкого на родной язык его многочисленных статей, монографий, воспоминаний. Часть из них, представляющая научный

интерес для отечественной тюркологии, целесообразно издать и на русском языке.

Научный архив А. Инана в настоящее время находится у ученика Ахметзаки Валиди, профессора Эгейского университета, ученого-историка Тунжера Байкары (г. Измир), написавшего о нем великолепную книгу".

Ниже приводим библиографию основных и далеко не полных публикаций профессора А. Инана в переводе с турецкого на русский язык с некоторыми примечаниями. Библиография подготовлена турецким ученым Хикметом Танйу и опубликована в I томе сборника статей и исследований А.Инана в двух томах.

Baskurt dugunu (Башкирская свадьба). — Gok-Boru, 1943. — I-II. — 8-13.

Baskurt-Rus mucadeleleri (Башкирско-русские войны). — Gok-Boru, 1943. — 2.

Islam Turklerde Samanism Kalintilari (Остатки шаманизма у тюрков-мусульман). — Dogu, 1943. — 4.

Altay ve Yenisey Samanliginda Eski Unsurlar (Древние элементы в алтайском и енисейском шаманстве). — Orhon, 1943. — 2.

Anadolu'nun toponomisi ve Turk boylarinin adlari meselesi (Топонимия Анатолии и проблема наименований тюркских племен). — Turk Dili Belleten, seri III. 1945. — 1-3.

Altay Daglarinda Bulunan Eski Turk Mezarlari (Древнетюркские захоронения на Алтае). — Belleten, 1947. — XI, ч.43.

Urarta Yazitinda ve Romani Plinius'un tarihinde Turk adi var mi?... (Есть ли слово «тюрк» в урартских надписях и в «Римской истории» Плиния?). — Belleten, 1948. — XII.

Gocebe Turk boylarinda evladlik muesesesi (Институт усыновления у племен тюркских кочевников). — Dil ve Tarih — Cografya Fak. — Dergesi, 1948. — VI, 3.

Eski Turklerde ve Folklorda And (Клятва у древних тюрков и в фольклоре). Dil ve Tarih – Cografiya Fak. Dergesi, VI, 4
Turk dugunlerinde ekzogami izleri (Следы экзогамии в тюркских свадьбах). Turk Dili ve Tarihi hakkında Arastirmalar, I. – Ankara, 1950.

Guvey Kelimesi hakkında (о слове guvey «зять»). Turkiyet Mecmuasi, XI, 1951.

Eski Kur'an Tercumelerinin Dili Meselesi (Проблема языка старых переводов Корана). – Turk Dili, 1952. – 7, 9.

Turklerde Su Kultu Ile Ilgili Gelenekler (Культ воды у тюрков). – Fuat Koprulu Armagani. – Istanbul, 1953.

Tarihte ve Bugun Samanizm (Шаманизм в истории и современности). – Turk Tarih Kurumu. – Ankara, 1954.

Tarihte ve Folklorda Balkan («Балкан» в истории и фольклоре). – Turk Dili, 1954. – 29.

Turk Destan ve Masallarinda Kırklar Motifi (Сюжет числа 40 в тюркском эпосе и сказках). – Turk Dili, 1958. – 77.

Islamdan once Turkce Adlar (Доисламские турецкие имена). – Turk Dili, 1958. – 82.

Manas destani uzerine notlar (Заметки об эпосе «Манас»). – Turk Dili Arastirmalari Yilligi, 1959. – С. 125-159.

Hurafeler ve Menseleri (Суеверия и их истоки). – Diyanet Isleri Baskanligi Yayinlari. – Ankara, 1962.

Baskurt Turklerinde Samanizm Kalintilari (Остатки шаманизма у башкир). – 1965. – IX, 191.

Makaleler ve Incelemeler. 2. Baski (Статьи и исследования). – 2-е изд., часть I. – Ankara, 1987. -XXXII+712+11с.; часть II. –

Ankara, 1991.

Публикации об А. Инане и его произведениях в Башкортостане на башкирском языке:

Валиев Д. Ж. Просветитель, писатель и ученый//Шонкар. — 1994. — № 4. — С. 120-124.

Инан Абделкадыр. Некоторые воспоминания из моей жизни до приезда в Турцию/В переводе и с предисловием А. М. Юлдашбаева//Агидель. — 1994. — № 1. — С. 84-106; № 2. — С. 141-149.

Танью Хикмет. Профессор Абдулкадыр Инан//Агидель. — 1994. — № 2. — С. 149-158. (В переводе А. М. Юлдашбаева).

Арсланбек Сагида. Профессор Абдулкадыр Инан//Агидель. — 1994. — № 2. — С. 159-160. (В переводе А. М. Юлдашбаева).

Ураксин З. Турецкие страницы//Башкортостан кызы. — 1992. — № 9. — С. 4-6.

Примечания

1. Материалы конференции опубликованы в сб.: Востоковедение в Башкортостане: история, культура, ч.I-IV. — Уфа, 1992.

2. Abdulkadir Inan. Makaleler ve Incelemeler. 2. Baski. I cilt. — Ankara, 1987; II cilt. — Ankara, 1991.

3. Сборник его литературных произведений впервые подготовлен литературоведом Института истории, языка и литературы УНЦ РАН М. Х. Надергуловым в объеме 3 а.л. и представлен в республиканское издательство «Китап» (Уфа). Приносим нашу благодарность составителю сборника за предоставленную мне записку с обзором литературного творчества А. Инана. (Автор).

4. Первый серьезный научный труд З. Валиди «История тюрок и казанских татар» вышел в свет еще в 1912 г. в Казани.

5. Агизел. — 1994. — № 1. — С. 84-106; № 2. — С. 142-149.
6. Фуад Кепрюлю (1890-1966) — крупный турецкий ученый, литературовед, историк и политический деятель, профессор. В 1925 г. он был избран почетным членом АН СССР.
7. Мустафа Кемаль Ататюрк (1881-1938) — первый президент Турецкой Республики, много сделавший для создания и укрепления Турецкой Республики, проводивший в Турции демократические реформы.
8. Х.Танйу. Профессор Абдулкадыр Инан//Агизел, 1994. — № 1. — С. 156-157. Перевод с турецкого А. М. Юлдашбаева.
9. Tuncer Baykara. Zeki Velidi Togan. Turk buyukleri dezisi: 110. — Ankara, 1989.

Галимжан Таган – выдающийся этнограф и финансист

Трагизм башкирского национального движения в первой четверти XX столетия был определен двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что вплоть до марта 1919 г. Советская власть не признавала автономии Башкирии в рамках России, объявленной ею (Башкирией) 15 ноября 1917 г. Во-вторых, несмотря на заключённое 20 марта 1919 г. соглашение Советской власти с Башкирией о предоставлении автономии, ЦИК и СНК РСФСР в одностороннем порядке 19 мая 1920 г. вынесли постановление о существенном ограничении башкирской автономии, и это было сделано без согласования с руководством Башкортостана в нарушение названного соглашения. Это и обусловило тот кризис в отношениях между руководством Башкортостана и Советской властью, который привёл к трагическим последствиям: к добровольному уходу членов башкирского руководства со своих постов и к восстанию в горных районах Башкирии в 1920 и 1921 гг.¹

Без этого предисловия трудно было бы объяснить жизненный путь и общественно-политические и нравственные ориентации лидеров башкирского национального движения – Заки Валиди Тогана, Галимжана Тагана и других. Мы намерены остановиться на судьбе Галимжана Тагана – этого незаурядного человека и мыслителя. Нам предстоит также сделать небольшой экскурс в мир его научной деятельности.

Сначала остановимся на личности Г. Тагана. Исчерпывающая характеристика была дана ему Заки Валиди Тоганом еще в 1948 году в одной из турецких газет. Перевод этой статьи, осуществленный исследователем и переводчиком трудов З. Валиди А. М. Юлдашбаевым, опубликован в молодежном журнале «Шонкар»².

Интерес представляет родословная Г. Тагана, согласно легенде о генеалогическом древе фамилии Тагановых (Тагана), рассказанной мужем единственной дочери Галимжана Тагана Хадисы – М. С. Гафуровым, ныне проживающим в селе Зайниеево Альменевского района Курганской области.

¹ См. об этом подробнее в нашей книге: Национальный суверенитет и национальное возрождение. Уфа: Китап, 1994. – С. 66-70.

² Заки Валиди Тоган. Доктор Галимжан Таган//Шонкар. – 1994. – № 1(3). – С. 69-73.

Много поколений тому назад на земли курганских башкир совершали набеги казахи. Получив отпор, они ушли обратно в степь, второпях оставив мальчика. Башкиры его усыновили и дали имя Таган (треножник – по-башкирски). По древнему обычаю кочевников найденному ребенку давали имя, исходя из особенностей данной ситуации (характерных деталей местности, погоды и т. д.).

Лялька мальчика была подвешена на деревянном треножнике, почему его и называли Таганом. По легенде, когда мальчик чуть подрос, его подлинный отец – казах приехал просить башкир вернуть сына. Башкиры сказали: «Если он сам захочет вернуться, можешь его забирать». Однако мальчик, испуганный необычным видом казаха, убежал в лес. Приехавший родитель так и уехал ни с чем, пожелав, чтобы сына хорошо воспитали. С той поры до Галимжана Тагана прошло три поколения: Таган – его сын Сайфулла, сын Сайфуллы – Гирфан, сын Гирфана – Галимжан. Если каждое поколение составляет 25-30 лет, то начало генеалогии Тагановых относится к первой четверти XIX века.

Галимжан Таган родился в 1892 году в башкирском селе Тенгрикулево Катарской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии (ныне это село относится к Альменевскому району Курганской области). Из статьи З. Валиди известно, что Таган родился в состоятельной семье, учился в медресе родной деревни, окончил русскую школу и учительскую семинарию, а затем работал учителем в школе. Во время первой мировой войны был офицером царской армии. В 1917 году примкнул к башкирскому национальному движению, командовал полком, который, по словам З. Валиди, не знал поражений. После перехода башкирских войск во главе с З. Валиди Таганом на сторону Советской власти Г. Таган, не согласный с этим решением по идейным соображениям, вынужден был уехать за границу, оставив семью (жену и дочь)³. Пробравшись через Японию в Европу, обосновался в Венгрии, где окончил

³ Трагически сложилась жизнь семьи Тагана. В 1937 году его жена Магмура была арестована НКВД, обвинена в шпионаже в пользу Японии и расстреляна. Она реабилитирована как безвинно пострадавшая. Дочь Хадиса Гафурова осталась жива только благодаря тому, что скрыла, кто её отец. Она и поныне жива. С мужем Мухаметгалимовым Хадиса вырастила пятерых достойных детей.

агротехнический университет, а затем успешно защитил докторскую диссертацию по экономике. По результатам докторского исследования в 1929 году издал в Будапеште книгу «Валюта России в период войны и после нее», которая была переведена на французский язык.

Поскольку наша работа имеет в немалой степени ознакомительный характер, остановимся на личностных качествах Г. Тагана, в которых ведущее место занимают нравственно-этические ориентиры. В этом плане интерес представляют отзывы людей, непосредственно встречавшихся с ним. В Мадьярском этнографическом музее мы обнаружили рекомендательное письмо, адресованное главному советнику одного из министерств Венгрии доктору Золтану Мадьяри. Его пишет, по всей видимости, ректор технического университета. В письме говорится: «Ваше превосходительство! Господин Галимжан Таган передаст Вам это наше письмо. Он является образованным представителем башкирского народа, который с нами родственен». Далее сообщает, что Таган состоит «докторантом нашего технического университета». Отправитель письма просит Золтана Мадьяри оказать Тагану всяческую поддержку как «серьезному и многостороннему ученому и кропотливому исследователю». Вероятно, речь идет о содействии в защите докторской диссертации. Письмо написано 2 мая 1928 года. После защиты докторской диссертации Г. Таган работал в Венгерском этнографическом музее, созданном в 30-е годы. Здесь он плодотворно трудился до 1945 года в качестве музейнолога. За это время им написано несколько десятков статей по этнографии тюрко-монгольских и финно-угорских народов, опубликованных в венгерских журналах «Этнография» и «Непрайзи ертишито». Эмигрировав в 1945 году в Германию, Г. Таган продолжал заниматься наукой в Гамбургском университете, читая одновременно лекции для студентов по тюркологии. Здесь и завершился его жизненный путь в 1948 г.

Во время недавнего посещения Будапешта (конец июня 1994 года) нам удалось увидеться с человеком, непосредственно встречавшимся с Галимжаном Таганом. Это был Дьердь Дьерфи — известный венгерский этнограф, сын создателя этнографического музея в Венгрии Иштвана Дьерфи, который был другом Г. Тагана. О Тагане Дьердь Дьерфи сказал буквально следующее: «В лице Галимжана Тагана я знал человека предельно честного и справедливого, смелого и решительного. Он был талантливым ученым и прекрасным человеком, верным и

преданным в дружбе». Примерно так же характеризует Г. Тагана и Заки Валиди Тоган, который писал в статье «Доктор Галимжан Таган»: «... он был моим самым сердечным и искренним другом и соратником с самого начала нашего знакомства и до конца своих дней»⁴.

Примечателен эпизод из жизни Г. Тагана, который приводит З. Валиди Тоган в названной статье. Во время выступления на одной из научных конференций в Будапеште, когда Таган попытался объяснить длительное сохранение отдельных древних атрибутов культуры тюркских народов ссылками на кочевые традиции, присутствовавший в зале турецкий посол сделал ему замечание, что он своими выводами позорит турков. На это Г. Таган отшутился, заявив, что у господина посла турецкий патриотизм не знает границ, что он даже иностранного подданного принял за турка. Здесь содержится скрытый намек на то, что турецкий посол исходил из довольно распространенной в то время посылки, будто все тюркские народы являются представителями одной нации — турков.

Далее Г. Таган в своем ответе турецкому послу отметил, что современную культуру могут освоить даже африканские негры, а он, Таган, пытается осмыслить причины сохранения культуры, существовавшей тысячелетия и даже повлиявшей на другие народы. В этой мысли ученого заложено кредо его научной концепции в понимании смысла и значения кочевой культуры. В ней содержится гуманистическая идея о возможности независимого и суверенного существования различных культур и их сосуществования, если для этого созданы нормальные условия. Не случайно Галимжан Таган с интересом изучал материальную культуру не только башкирского народа, посвятив этой теме около полутора десятков статей, но и других народов мира: венгров, русских, турков, монголов, киргизов и т. д. С конца 20-х до середины 40-х годов им было опубликовано в венгерских журналах около сорока статей по этнографии. Статьи эти весьма оригинальны по направленности исследовательского поиска, по способам изучения материальной культуры. Описывая, например, коневодство у башкир и казахов, Таган обращает внимание не только на то, как содержали лошадей и ухаживали за ними, но и на болезни животных и способы их лечения, совмещая в одном исследовании сведения из разных областей знаний, а также используя свой жизненный

⁴ Заки Валиди Тоган. Доктор Галимжан Таган. — С. 69.

опыт. В этом отношении труды Галимжана Тагана поучительны для многих современных исследователей в области этнографии, труды которых часто страдают отсутствием комплексного подхода.

Привлекает также внимание статья Г. Тагана под названием «Суд и наказание у киргизов за кражу коней», опубликованная в журнале «Этнография» за 1936 год. В работе изложен порядок рассмотрения таких дел, обращено внимание на процедуру следствия, а также на то, какое наказание ждет конокрада. Это исследование проливает свет на правовую культуру у других тюркских народов, которые когда-то вели кочевой образ жизни.

Одной из оригинальнейших работ Тагана является публикация «Отражение созидательных действий руки в русском орнаменте», помещенная в журнале «Этнография» № 4 за 1936 год с резюме на немецком языке. Здесь имеет значение не столько описание орнамента, сколько раскрытие психологических механизмов творчества.

Из сказанного видно, что характерная особенность научных поисков Тагана, его исследовательский стиль состоит в том, что он руководствуется правилом искать и находить новые, свои собственные методы и способы изучения объектов материальной и духовной культуры.

На сегодняшний день выявлены далеко не все труды Г. Тагана, предстоят дальнейшие поиски их в Вене и Гамбурге, где, по словам Заки Валиди Тогана, они должны храниться.

Представление о научном наследии Галимжана Тагана было бы неполным без обращения к подлинникам его сочинений. С целью ознакомления с научным творчеством ученого приводим отрывки из его известной монографии, изданной на венгерском и французском языках. Она впервые была издана под названием «Валюта России во время войны и после войны» в Будапеште в 1929 году.

Вылута России во время войны и после войны.

1. Финансовое положение России перед первой мировой войной.

Покупательная способность валюты всегда теснейшим образом связана с денежными делами страны, потому что только благоустроенные государственные финансовые дела дают возможность управлять валютной политикой с чисто экономической точки зрения. Этот тезис наглядно подтверждается состоянием русской валюты.

Прежде чем определить причины и размеры ухудшения финансовых дел России и положения рубля, считаем необходимым в нескольких словах напомнить о состоянии финансов России перед войной. Валюта России почти на протяжении всего XIX века была в неблагоприятном состоянии вследствие военных и прочих экономических событий. Хотя были и в XIX веке шаги к улучшению валюты, но они не дали существенных результатов. Только реформа Витте в 1897 году положила конец этому неблагоприятному финансовому состоянию. Успех Витте заключался в том, что улучшение валютных дел дало возможность стабилизировать экономическую жизнь России к концу XIX века. В 1881-1896 гг. Россия имела возможность накопить значительное количество золота благодаря положительному состоянию баланса. Запас золота России в 1887 г. был равен 382 млн. руб., к 1895 г. он увеличился до 911 млн. руб., а в 1897 г. дорос уже до 1095,5 млн. руб. После манифеста от 3 января 1897 г. Россия перешла к валюте золота. Денежной единицей стал золотой рубль, который соответствовал 17 424 долям чистого золота. Эта единица была пущена в оборот в золотых, серебряных и медных монетах, а также в государственных банкнотах. Значение монет, сделанных из различных металлов, было разным. Номинальная стоимость золотой монеты была 5 и 10 рублей. Это были так называемые полноценные деньги. Десятирублевая монета была равна одному золотнику и 78,24 доли, а пятирублевая монета — 87,12 доли чистого золота. Золотые монеты считались законным платежным средством, обязательным к приёму в неограниченном количестве. Серебряные и медные монеты не считались полноценными в силу того, что их внутренняя стоимость была ниже их номи-

нальной стоимости. Серебряные монеты были двух видов: одни шли по номинальной стоимости 1 рубль, 50 и 25 копеек; номинальная стоимость других составляла 20, 15, 10 и 5 копеек. Ценность металла первых составляла 65-68% номинальной стоимости, последних — 33-34%. Принятие серебряных монет достоинством 1 рубль, 50 и 25 копеек было обязательным до 25 рублей, серебряных монет 20, 15, 10 и 5 копеек — только до 3 рублей. Медные монеты были достоинством 5, 3, 2, 1, 1/2 и 1/4 копейки.

Разменной монетой считалось серебро и медь. По монетному закону количество участвующих в обороте серебряных денег на душу населения не должно было превышать 3 рублей. Право чеканки монет и денежного оборота было исключительным правом государственной казны.

В связи с тем, что серебряные и медные монеты имели меньшую внутреннюю стоимость, чем их номинальная стоимость, их выпуск принес государственной казне значительный доход, что называют валютным доходом.

Выпуск аккредитивов был регламентирован законом от 29.08.1897 г., которым была распределена система кредитования, система покрытия кредита. Этот закон предписывает следующее:

«Государственные аккредитивы / банкноты / с золотым покрытием государственный банк выпускает в таком размере, который необходим для оборота. Сумма покрытия / золота / аккредитивов не должна была быть ниже половины участвующих в обороте аккредитивов; это в случае, если выпуск аккредитивов в оборот не превышает 600 млн. рублей; если превышает 600 млн. рублей, то каждый рубль должен быть покрыт одним золотым рублем. Каждый пятнадцатирублевый аккредитивный империал должен быть покрыт золотом ценностью не менее, чем один империал /15-рублевый/». Это означает, что максимальная граница выпуска аккредитивов, неполностью покрытых золотом, составляет 300 млн. рублей. Государственные аккредитивы были обязательством государственного банка, они имели название «банкнот». Сущность банкнотов была в том, что Госбанк обязан выдать предъявителю банкнота обмен каждого рубля на долю 17,424 чистого золота.

Государственные банкноты считались законным платежным средством так же, как монеты, и их прием был неограниченным. Начиная с реформы 1897 г. золотой фонд Российского Госбанка и цена банкнотов, участвующих в обороте, складывались следующим образом.

Годы	Золото в госбанке	Золото в обороте	Банкноты в обороте
1898	1146,8	147,8	901,0
1901	708,2	683,1	555,0
1904	734,0	774,8	578,4
1905	880,4	683,6	853,7
1906	716,0	837,8	1207,5
1907	889,8	641,9	1194,6
1910	1173,6	580,9	1173,8
1913	1327,9	628,7	1494,8
1914	1527,9	494,2	1664,7

Кроме этого государственный банк имел запас золота и за границей, количество которого колебалось от 150 до 300 млн. рублей.

Из приведённой таблицы видно, что госбанк только в виде исключения пользовался правом выпуска банкнот, как, например, во время революции 1905 г. и в начале 1906 г.

С первого января 1914 г. госбанк имел запас золота всего на сумму 1695 млн. рублей, из которого округленно 1528 млн. рублей внутри страны и 167 млн. за границей.

2. Военная валютная политика царского правительства.

Начало войны заставило русское правительство ввести чрезвычайное положение в валютной политике, сделать правильные изменения, как это часто делают воюющие страны.

Первым мероприятием было введение закона от 27 июля 1914 г., в силу которого прекратился обмен государственных банкнот на золото. Вследствие этого развалилась нормальная форма русской валютной системы, и банкноты стали бумажными деньгами. Прекращение обмена банкнот обособывалось тем, что иначе нападут на государственный банк и золото окажется за границей. Этот же закон аннулировал закон от 29. 08. 1894 г., который регулировал право выпуска банкнот госбанка, на общую сумму 300 миллионов рублей, кроме того дополнительно разрешил выпуск номинальной стоимости еще в 1,2 млрд. рублей без покрытия.

Идти на увеличение количества банкнотов правительство было вынуждено потому, что госбанк из-за отсутствия другой помощи не видел иного пути финансирования войны. Цель заключалась в том, чтобы, как и в других странах, с банкнотами госбанк получил возможность дисконтирования краткосрочных обязательств, а взамен этого он мог оказать помощь кредитным учреждениям, принимая во внимание, что в начале войны вкладчики начинали требовать обратно их вклады. Кроме этого государственная казна получила право на дисконтирование в госбанке своих краткосрочных обязательств в такой мере, которая соответствует требованиям военного времени. Так за спиной краткосрочных обязательств государственной казны скрывалась система финансирования войны с помощью бумажных денег.

У госбанка были следующие обязательства:

1 июля 1915 г... 1589 млн. рублей

1 июля 1915 г... 3852 млн. рублей

1 марта 1917г... 7882 млн. рублей
(до Февральской революции 1917 г.)

23 октября 1917 г. 15507 млн. рублей
(до большевистской революции)

Эти обязательства госказны вначале использовали для покрытия задолжностей, которые имелись у госбанка как гарантия за взятые займы банкноты. Позже и это бросили на свободный денежный рынок, то есть разместили в частные банки (в акционерные банки). Частные банки их дисконтировали как другие вексели. Этим начали оплачивать поставки военных средств, что в сфере государственных финансов означало: кратковременные обязательства получили денежную форму. 1 января 1916 г. таких обязательств в свободном обороте было на сумму 705 млн. рублей; а советское правительство, отказываясь платить проценты по обязательствам, только присвоило им право пользоваться ими как бумажными деньгами. Финансирование войны поглотило огромную сумму денег, которую невозможно было возместить ни повышением налогов, ни ссудами. Правительство было вынуждено в таком тяжелом положении использовать денежнопечатный станок. Насколько большой была потребность в деньгах, видно из бюджетов военных лет (данные в миллионах руб.).

Основные суммы гос. бюджета во время войны

Год	Приход	Расход	Дефицит	Соотношение дефицита к расходам
1914	2961	4859	1898	39,1%
1915	3001	11562	2561	74,0%
1916	4345	18101	13756	76,0%
1917	5039	27607	22568	81,7%

Хотя эмиссия не была единственным источником покрытия бюджетного дефицита, поскольку его дополняли и внутренние кредиты, она начала играть из года в год всё большую роль.

Эмиссия во время войны в миллионах рублей была следующей:

Год	Дефицит	Эмиссия	Соотношение эмиссии к дефициту
1914	1898	1283	67%
1915	8561	2670	31%
1916	13756	3480	25%
1917	22568	16408	73%

Закон от 27 июля 1914 г. был только первым шагом, после которого следовала серия мероприятий, расширяющих эмиссионное право госбанка до 6500 млн. рублей в год.

17 марта 1915 г. Совет Министров принял решение довести эмиссию до 2,5 млрд. рублей. 15 августа 1915 г. был принят закон о повышении количества банкнотов до 3,5 млрд. рублей, 29 августа 1916 г. — до 5,5 млрд., 27 декабря 1915 г. — до 6,5 млрд. рублей. Эмиссионная деятельность госбанка с началом войны до революции выглядела следующим образом:

В среднем в
месяц

В 1914 году от начала войны	1314 млн.	219 млн.
В 1915 году от начала войны	2670 млн.	222 млн.
В 1916 году от начала войны	3487 млн.	290 млн.
Всего:	7471 млн.	244 млн.

	Банкноты в обороте	Покрытие золотом
1 января 1914 г.	1633 млн.	1695 млн.
1 января 1915 г.	2947 млн.	1732 млн.
1 января 1916 г.	5917 млн.	2260 млн.
1 января 1917 г.	9103 млн.	3617 млн.

(Учитывая и запас золота за рубежом)

С повышением количества банкнотов повысился и запас золота, но его соотношение с бумажными деньгами снизилось. В начале 1917 г. золотое покрытие, учитывая и запас золота за рубежом, составляло уже только 40%. А действительный запас золота, находящийся в госбанке, был еще ниже — около 20%, так как по контракту часть запаса золота отправили в Англию.

Таким образом в Англию было поставлено в золоте:

В октябре 1914 г.	75,0 млн. руб.
В мае 1916 г.	94,5 млн. руб.
В ноябре 1916 г.	94,5 млн. руб.
В июле 1917 г.	200,0 млн. руб.
Всего	464,0 млн. руб.

В ущерб внутреннему запасу постоянно увеличивалось количество золота, находящегося за границей. Оно не находилось в распоряжении госбанка и не могло служить для покрытия банкнотов, так как было предназначено для оплаты военных расходов и процентов по зарубежным кредитам.

На основе перечисленных законов до начала революции 1917 г. госбанк имел право выпускать банкноты на сумму 6,5 млрд. рублей, сверх этой суммы банкнотный рубль должен был покрываться золотом. По Катзленбауму, министр финансовых дел Р. Л. Барк искусственным путем решил эмиссионное право благодаря тому, что он учитывал и часть золота английского кредита, которую Россия не получила. Английские кредиты на сумму 1892 млн. рублей использовались на эмиссионные цели, и вследствие этого эмиссионное право госбанка при царском правительстве повысилось до 8,4 млрд. рублей. Несмотря на это в начале года золото было в следующем количестве (в миллионах рублей):

	1914	1915	1916	1917
Внутри страны	1528	1560	1616	1476
За рубежом	174	172	646	2141

Таким образом, процентное соотношение золотого фонда к банкнотам, находящимся в обороте на 1 января 1914 г., было 93,5%, на 1 января 1917 г. — только 16,2%. В начале 1914 г. страна имела запас золота ровно на 1604 млн. рублей, так как зарубежный запас золота не учитывался. В это время банкноты были покрыты на 98,2%. 1 марта 1917 г. золотой фонд составлял 1467 млн. рублей — банкноты были покрыты на 14,8%; 23 октября 1917 г. золотой фонд составлял 1292 млн. рублей — банкноты были покрыты только на 6,85%.

3. Денежный оборот после революции 1917 года.

Когда начиналась февральская революция, различные слои общества считали, что пришла пора реализовать их мечту о лучшей жизни, поэтому требовали от государства сокращения рабочего дня, повышения окладов. Все это значительно увеличило расходы на войну и прочие затраты. В то же время поступление налогов в госказну было непрерывным... Государственный бюджет потерял равновесие, поскольку нужно было финансировать не только войну, но и революцию. Бюджет 1917 года имел огромный дефицит. По сравнению с ожидаемым доходом 50 039 млн. рублей, затраты составляли 27 607 млн. рублей. То есть дефицит был равен 22.568 млн. рублей. Для покрытия дефицита правительство не имело другого средства, кроме выпуска банкнотов; оно было вынуждено расширить эмиссионное право госбанка следующим образом: издан был приказ 4 марта 1917 г. + 2 млрд. рублей, до 8,5 млрд. рублей.

— 15.05.1917 + 2 млрд. рублей	до 10,5 млрд. рублей
— 11.07.1917 + 2	до 12,5
— 07.09.1917 + 2	до 14,5
— 06.10.1917 + 2	до 16,5

На основе этого масса выпущенных банкнотов до 1 ноября 1917 года выглядела следующим образом:

в марте	1123.6 млрд. рублей
в апреле	476.6
в мае	738.6
в июне	874.8
в июле	1080.0
в августе	1286.0
в сентябре	1954.4
в октябре	1999.4
всего:	9533.4

Отсюда видно, что временное правительство в период ноября 1917 года выпустило столько банкнотов, сколько царское правительство за 2,5 года военного времени.

4. Денежное обращение с начала новой экономической политики до конца 1922 года.

Новая экономическая политика, которая получила название государственного капитализма, начиналась с прекращения зерновой монополии, что явилось заменой её натуральным налогом. Этим, собственно говоря, было признано право крестьянина на собственность сельскохозяйственных продуктов, на рынок, который в начале был очень узким, но постоянно расширялся. Это значило восстановление свободного рынка. Деньгам вновь возвратили роль меновой стоимости; с указанием стоимости начинается оборот товаров, обращение денег. Во время военного коммунизма право владения наличными деньгами было ограничено, новая экономическая политика это устранила и приказами от 30 июля и 16 августа 1921 г. объявила право свободного распоряжения наличными деньгами как для частных лиц, так и для учреждений. В отношении обращения золотых и зарубежных денег некоторые ограничения сохранились. Указ от 18 ноября 1921 г. предоставляет исключительное право (монополизм) для покупки иностранной валюты и благородных металлов (в виде медалей и слитков). Указ от 4 апреля 1922 г. упразднил ограничение оборота благородных металлов в виде слитков. Монопольное право госбанка осталось в действии только с зарубежными деньгами и благородными металлами. По указу от 27 октября 1921 г. государственные промышленные предприятия перешли на принцип хозрасчета. В годы во-

енного коммунизма они должны были передавать свою продукцию государственным распределительным комитетам, от которых получали сырье. Теперь эти предприятия, став свободными, могли реализовать свою продукцию по рыночным ценам и за свой счет приобретать нужное им сырье. Благодаря этому расход государственного бюджета в значительной степени облегчился. Если реализация продуктов государственных предприятий происходит за деньги, то понятно, что за все услуги государства нужно платить.

Появились законы и указы о восстановлении платежа денежными средствами, зарплатой и окладом, ликвидацию которых недавно проводили. Так как в годы военного коммунизма главной целью большевистских руководителей было безденежное хозяйствование, их стремление было направлено на уничтожение денежной системы, вследствие чего старая налоговая система почти полностью была уничтожена. И, наоборот, главной целью новой экономической политики было приведение в порядок денежного обращения.

При военном коммунизме крестьянин должен был передавать государству свои излишки продукции, не получая за это никакой компенсации, из-за чего крестьянин начал уменьшать посевную площадь, работать и жить в рамках натурального хозяйства. Промышленное производство при отсутствии капитала и сырья регрессировало. Теперь нужно было создать такую ситуацию, которая стимулировала бы крестьянство на расширение посевных площадей, а город на рост промышленного производства. Эта цель была основой экономической политики, которая означала рост производительности сельскохозяйственного и промышленного производства. Только таким образом можно было восстановить равновесие в государственном хозяйстве и проводить здоровую финансовую политику.

Это стимулирующее средство видели в личном интересе, в восстановлении права собственности и в индивидуальной инициативе в производстве, так как политика планового хозяйства военного коммунизма и реквизиций оказалась в банкротстве. Сейчас крестьянам дали возможность свободно распоряжаться продуктами, которые оставались после взносов натурального налога (продовольственного налога), или дали право реализации на свободном рынке. С другой стороны, разрешили реализацию промышленных товаров на свободном рынке, в промышленном производстве — индивидуальную инициативу, и разрешили также частное промышленное производство. Такой

поворот экономической политики сам по себе требовал возврата к старой финансовой политике, прекращение которой ещё недавно обещали.

Когда разрешили вопрос реализации сельскохозяйственных и промышленных продуктов на свободном рынке и свободную торговлю всех граждан сельскохозяйственными и промышленными товарами, конечно же, нужно было поднимать вопрос о восстановлении налогов. Решение Центрального Исполнительного Комитета от 26 июля 1921 г. уже вводит налогообложение на торговые и промышленные предприятия. Центральный Исполнительный Комитет одобрил правила по подворному налогу, который, по всей вероятности, мог быть вариантом подымной подати; как косвенный налог был введен потребительский налог на спиртные напитки (декрет от 9 сентября 1922 г.). В 1922 г. потребительским налогом были обложены табак, сигареты, спички, пиво, чай, кофе, сахар, соль и нефтепродукты. Но, помимо денежного налога, в первые три года новой экономической политики большую роль играл натуральный с/х налог, что означает, что в этот период еще не происходила денатурализация налога.

Законом от 11 февраля 1921 г. внедрили общий гражданский налог, который позже устранили. Законом от 16 ноября 1922 г. внедрили налог на доход, на имущество, но этот закон позже часто вынуждены были изменять, а налог на имущество даже нужно было окончательно упразднить, так как имущества никакого не было. А перечисленные виды налогов не могли обеспечить государству больших доходов, потому что взимание налогов во время военного коммунизма полностью было приостановлено вследствие национализации и социализации.

Только что развертывающиеся торговые и промышленные частные предприятия были небольшими, при недостатке капитала они едва могли развивать производство. Частные предприятия возникали друг за другом, но через некоторое время исчезали, не имея материальных ресурсов. Новые торговые и промышленные предприятия не только не способны были платить налоги, а наоборот, требовали освобождения от налогов и получения других государственных поддержек. Земля была еще в государственных руках. Денежный капитал и другие ценности уничтожались. Крупные промышленные и торговые предприятия, которые оставались в руках государства, все еще работали с дефицитом. Восстановление денежной и налоговой системы, конечно, сразу не могло создать равновесия в

государственных финансовых делах. Государственный аппарат, который был унаследован от военного коммунизма, все еще оставался объемным и дорогостоящим. Государственные бюджеты 1921 и 1922 г. закрыли еще с большим дефицитом, который нужно было покрывать из эмиссионного дохода. Кредитные операции начались только в конце 1922 года, но вначале они играли незначительную роль в государственном бюджете. В интересах равновесия в госбюджете нужно было восстановить заново бюджетные доходные и расходные статьи.

Первым шагом к реальному бюджету был девятимесячный бюджет 1922 г. Решение Центрального Исполнительного Комитета от 10 октября 1922 г. предписывает, что государственные учреждения (народные комиссариаты) в своих бюджетных планах должны снижать расходы до предела возможностей со снижением количества личного состава и различных программ. По этому решению местные расходы должны были покрываться местными ресурсами, что должно было восстановить разделение бюджета на местный и государственный. Нужно было предоставить финансовому комиссариату данные ожидаемых доходов, включая доходы, связанные с эмиссией бумажных денег. Полученные данные были использованы при составлении бюджета государственных учреждений.

Пробовали использовать прочную расчетную единицу. Для этого единицей принимали довоенный рубль, покупательная сила которого должна была равняться рублю 1913 года. Условно этот рубль в октябре 1921 года был равен 60 000 советских рублей.

Второй шаг (1922-23) оказался более реальным, чем первый, но и бюджет имел только информационный характер и небольшую основу для составления кварталных и месячных планов. Таким образом, в первые годы НЭП (новая экономическая политика) работа по восстановлению финансовой экономики совершалась весьма примитивно.

В 1921 г. налоговую систему еще нельзя было систематизировать. В 1922 году основа налоговой системы была натуральной (продовольственный налог).

Падающая валютная система до 1 октября 1923 г. (тогда начиналась компенсация недоимок по дневному курсу) очень осложняла не только реализацию годовых ориентационных бюджетов, но и осуществление месячных планов, которые по покупательной силе соответствовали рублю 1913 года. При одобрении месячного бюджетного плана определяли коэффи-

циент, по которому выполняли недоимки и базисом которого был индекс цен. Этот коэффициент в данном месяце остался прочным, но ассигнование могло быть в начале, в середине и в конце месяца, и даже позже, а цена денег постоянно снижалась, реальная цена месячных плановых доходов уменьшалась. Таким образом, покрытие доходов было невозможным.

В первые годы НЭП по вышеуказанным причинам главным источником покрытия дефицита все еще была эмиссия. Начало новой экономической политики оказалось благополучным. Вторая половина 1921 года, включая и декабрь, дает гораздо более низкое процентное соотношение, чем вторая половина 1922 года. Это объясняется тем, что с денатурализацией экономической жизни круг денежного оборота расширился, и для проведения оборота нужна была гораздо большая сумма денег, чем во время военного коммунизма. С восстановлением денежной экономики увеличился торговый оборот, и рынок без затруднений мог использовать большую сумму бумажных денег. Разрешили свободную торговлю, свободный рынок вместо государственных цен, что означало признание свободных цен.

Свободные цены были гораздо выше, чем государственные. Так, оборот товаров и продуктов питания происходил в форме купли-продажи с использованием средства обмена деньгами, то есть не так, как во время военного коммунизма, когда оборот совершался ордерами. В данное время нужно было гораздо большее количество денег, чем раньше для оборота того же количества товаров. Кроме этого государственные и кооперативные предприятия в интересах сохранения своего существования вынуждены были понижать цены или же бросать товар по себестоимости. Все это вело к повышению платежного оборота и ценности бумажных денег, участвующих в обороте, к замедлению повышения цен несмотря на то, что темп эмиссии увеличился и давал государственной казне большой эмиссионный доход. В первые 4 месяца 1922 г. положение не было благоприятным. Повышение цен происходило быстрее, чем размножение денег, участвующих в обороте, а соотношение между повышением цен и эмиссией было намного лучше, чем в первом полугодии 1921 года. В целом положение было следующим:

	Первый год НЭПа 1921-1922	Предьыдуший год НЭПа 1920-1921
Размножение суммы денег в оборот	136,4 разовое	4,6 разовое
Повышение цен	71,8 разовое	9,9 разовое

Это означает, что в последний год военного коммунизма темп повышения цен был более чем в два раза быстрее, чем темп эмиссии. В первый год новой экономической политики, несмотря на то, что в России был плохой урожай и сильный голод, количество оборотных денег росло, темп повышения цен был почти в два раза меньше, чем эмиссии. Только во второй половине 1922 года, особенно в сентябре-ноябре, нарушилось соотношение. В октябре повышение цен было в два раза больше, чем рост эмиссии. Причину этого нужно искать в том, что в экономической жизни операция денатурализации закончилась, снабжение рынка государственными промышленными товарами не могло беспредельно продолжаться, подходило к концу, о чем уже напоминали. В то же время значительная часть бюджета оставалась натуральной. Главным был натуральный, то есть продовольственный налог. Осенью 1922 года успешное взыскание продовольственных налогов вело за собой сужение рынка, которое во многом влияло на денежный оборот. Это свидетельствовало о том, что натуральный налог плохо влиял на денежные дела и показал необходимость денатурализации. При обследовании денежного оборота новой экономической политики нужно иметь в виду и тот факт, что эмиссия также дала государственной казне действительный доход.

В те месяцы, когда потребность в деньгах государственной казны росла и повышался темп эмиссии, рос и реальный доход государства из эмиссии бумажных денег.

В этот период полугодовой эмиссионный доход госказны был
(в млн. золотых рублей):

1 полугодие 1920 г.	60,7
2 полугодие 1920 г.	62,2
1 полугодие 1921 г.	33,7
2 полугодие 1921 г.	115,4
1 полугодие 1922 г.	123,5
2 полугодие 1922 г.	171,0

Реальная цена месячной эмиссии в млн. российских рублей
(золотых) по российскому статистическому индексу

Месяц	1920	1921	1922
январь	12,8	6,8	32,1
февраль	9,5	7,6	22,6
март	11,1	6,4	17,6
апрель	8,9	5,9	14,0
май	10,1	3,9	18,5
июнь	8,4	3,1	19,7
июль	8,0	5,7	26,4
август	7,7	9,0	40,0
сентябрь	10,0	12,9	24,0
октябрь	11,7	22,0	26,5
ноябрь	11,8	28,8	26,9
декабрь	12,0	37,0	27,2

Хотя в первые годы новой экономической политики эмиссия значительно росла, эмиссионный доход значительно поднялся. По вышеуказанным данным, эмиссионный доход казны с июля 1921 г. по декабрь 1922 г. составлял 409,8 млн. золотых рублей. Напротив, в предыдущие полтора года с 1920 по июль 1921 г. эмиссионный доход казны составлял только 155,7 млн. золотых рублей. Эмиссионный доход неполностью выражает состояние денежного оборота, то есть объем оборота, для определения которого реальную цену массы денег, участвующих в обороте — как сигнал, близкостоящий к действительности — можно использовать потому, что в то время в Советской России кредитные средства как заменители денег еще не существовали. А реальная ценность массы денег, участвующих в обороте, постольку может характеризовать размер оборота, «объем», поскольку предполагается постоянная скорость обращения денег, что есть постоянный отрезок времени, в течение которого деньги находятся в кассах и в руках населения. А в действительности оборотная скорость денег не только неравномерна, а при тех условиях денежного оборота, которые тогда господствовали в России, постоянно и всегда изменялась внезапно. Так и реальная цена денежной массы имела условное значение. Реальную цену денежной массы, участвующей в обороте, показывает следующая таблица:

Реальная цена денежной массы в млн. рублей
по рабочему статистическому индексу, в начале месяца

Месяц	1920	1921	1922
январь	93,0	69,6	60,9
февраль	84,2	60,1	54,2
март	76,9	53,9	42,0
апрель	71,4	47,3	32,0
май	67,1	44,9	31,0
июнь	68,6	34,2	42,0
июль	62,9	29,1	55,3
август	64,0	34,9	84,9
сентябрь	70,6	45,9	116,1
октябрь	77,5	53,3	115,9
ноябрь	82,3	67,9	94,8
декабрь	83,0	71,3	89,9

Стоимость денежной массы с осени 1922 г. растет и к концу года удваивается по сравнению со стоимостью в середине года. Одновременно с подъемом эмиссионных доходов начинает расти налог, происходящий от налога от государственных предприятий. Еще в последнем периоде военного коммунизма и первом году новой экономической политики главным источником доходов был эмиссионный доход. Во второй половине 1922 года в доходном бюджете значительную роль получили налоги, доходы, происходящие от государственных имуществ и предприятий. Это могло иметь большое влияние на состояние денежного оборота в двух направлениях: в первую очередь уменьшает потребность государства в эмиссионном доходе, а во-вторых, увеличивает потребность населения в деньгах с той целью, чтобы можно было оплатить налоги и услуги государства. В бюджете 1922 года доля эмиссионных и других доходов по кварталам в процентах была следующей:

1922 год	Эмиссия	Государственные и местные налоги	Доход госимуществ и предприятий
I квартал	86,7	2,7	10,6
II квартал	69,4	8,9	21,7
III квартал	56,8	13,6	29,6
IV квартал	46,3	24,4	29,3

В последнем квартале эмиссионный доход не достиг даже половины всех доходов, что сигнализировало об ухудшении советских финансовых дел. Но бумажные деньги так обесценивались, что создавалось большое затруднение в расчетах. С целью упрощения произвели два обмена, но это ничего не изменило ничего в системе валюты, только менялись бумаги для облегчения расчетов, которые изо дня в день становились труднее по мере того, с какими большими цифрами надо было работать. Первая деноминация, которую осуществили декретом от 3 ноября 1921 г., состояла в том, что пускали в оборот банкноты типа 1922 г., на которых вместо старой отметки «расчетная ассигновка» печатали отметку «бона государственного казначейства». Один рубль нового банкнота был равен 10 000 рублям бывшей эмиссии. Это был обменный курс. Единственное положительное значение деноминации было в том, что банкноты старого типа обменяли на новые, что значит унифицировали средства обращения, прекратили пестроту денежной массы, которая была характерна во времена военного коммунизма. В конце 1922 года наступила вторая деноминация (декрет от 24 октября 1922 г.), которая пустила в оборот банкноты типа 1923 года. Рубль типа 1923 равен 100 рублям типа 1922, или 1 млн. рублей старого типа. Цель деноминации состояла в том, чтобы создать такую единицу, покупательная сила которой была бы равна довоенному рублю. Деноминация только в том случае могла бы дать положительные результаты, если бы стабилизация советского рубля происходила после прекращения работы денежнопечатного процесса. Советы не могли остановить денежнопечатный процесс потому, что больше чем половину государственного бюджета покрывал эмиссионный доход. И денежнопечатный пресс интенсивно действовал, бросая в оборот всё новые и новые массы бумажных денег. Таким образом, и думать нельзя было о стабилизации советского рубля, а без этой деноминации не имело смысла стремиться к смягчению эмиссии.

Можно просмотреть внутренние государственные займы. Декрет от 20 мая 1922 г. выпустил первые внутренние займы, зерновой заем. Кредитные займы попали в оборот в зерновой валюте по номинальной стоимости 1-10 пудов ржи. Кредитными займами нужно было бы выполнить и натуральные продовольственные налоги. Это освободило бы крестьян от зернового налога. Займы должны были обратно выплатить в полной мере до 31 января 1923 года. Для этой цели из государствен-

ного золота создали фонд десятиллионными золотыми рублями на случай, если зерна из продовольственного налога не хватило бы для погашения займов. По эмиссионной цене разместили 8 009 730 пудов, по рыночной — 222 320 пудов и 1 800 000 пудов передали для государственных учреждений и институтов. Валовой доход составлял 38 млн. советских рублей типа 1923 г. Декретом от 31 октября 1922 года выпустили и золотые десятилетние выигрышные займы, выражая их в золотых рублях достоинством 5 рублей. Владельцы займов получают 6% и участвуют в тираже выигрышей. До июля 1923 года могли разместить 19,7 млн., что в советских рублях равно 412,8 триллиона.

Декретом от 22 марта 1923 года выпустили второй зерновой заем, что определили в 30 млн. пудов. До 30 июля, по сведениям финансового народного комиссариата, могли разместить 26 654 552 млн. пудов, что соответствует 1 244,6 триллионам советских рублей. Конечно, эти займы не могли влиять ни на покупательную цену советского рубля, ни на эмиссию. Весь 1922 год был эрой великой инфляции.

5. Создание государственного банка.

Мы вспоминали, что декретом от 19 января 1920 года упразднили народный банк (старый государственный банк) и банковские операции передали финансовому комиссариату. Изменение экономической политики изменило взгляды советского правительства относительно доли и назначения кредита. Оно признало, что при новых условиях невозможно обеспечить капиталом крупные предприятия полностью за счет бюджета, как это было в годы военного коммунизма.

Как только создавался товарный рынок и разрешили частное предпринимательство в промышленности и торговле, нужно было возобновление кредитной жизни, то есть восстановление кредитно-денежной системы. Если во время военного коммунизма стремлением советских руководителей было полное уничтожение денежной системы, сейчас уже появилась идея ее восстановления и систематизирования денежного оборота. И это невозможно было осуществлять без кредитных институтов. Все это вело к необходимости восстановления кредитных организаций, и возникла идея создания государственного банка. 3 октября 1921 г. Центральный Исполнительный Комитет принял организационный устав государственного банка. 12 октяб-

ря утвердили декрет о создании государственного банка РСФСР. Позже он получил название банка СССР. 16 ноября 1921 г. в Москве начал работать госбанк, и сразу же начали организовывать филиалы банка в других городах. До 1 января 1922 года в провинциях действовал 21 филиал.

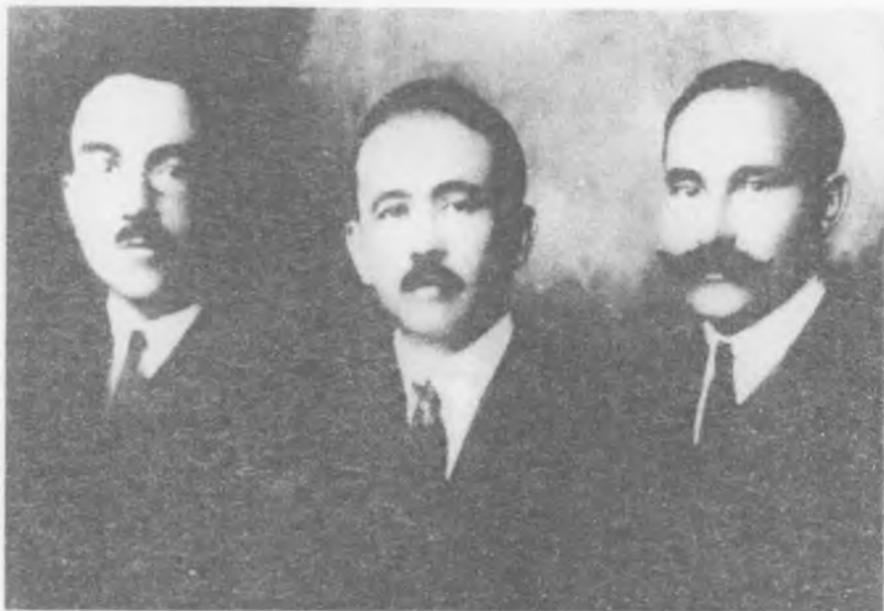
Согласно первому параграфу устава, государственный банк был создан для того, чтобы кредитами и другими банковскими средствами помогать развитию промышленности, сельского хозяйства и оборота товаров, а также для того, чтобы централизовать денежный оборот и организовать улучшение простого денежного обращения. Госбанк не получил права эмиссии банкнотов. 16 ноября 1921 г. госбанк начал действовать с государственными ресурсами, с фондовым капиталом в сумме 2 триллиона бумажных денег. В первом году был обязан работать при таких условиях, когда советские деньги бурно обесценивались, а эмиссия бумажных денег в высокой степени росла. Так, например, в течение 1922 года масса денег в обращении выросла с 17 543 900 миллионов рублей до 1 994 500 000 миллионов рублей, что значит увеличение более чем в 116 раз, а покупательная сила снизилась в 72 раза. Такое положение денежного обращения ставило госбанк перед трудными проблемами. Самая большая проблема состояла в том, что госбанк не знал, каким образом и какими средствами можно было защищать свой капитал от уничтожения вследствие обесценения. Поскольку средство оборота воплощалось только в советском рубле, и все недоимки и долги (активы и пассивы) нужно было исполнять в советских рублях, то и самый краткосрочный кредит представлял меньшую ценность, когда возвращался обратно в банк, чем представлял в день выпуска.

Итак, банк использовал такие средства, которые могли спасти его капитал от уничтожения. Таким средством был высокий процент. В начале банк определил 8-12%, позже поднял до 12-18%. И даже такой высокий процент не мог его защищать от обесценения, потому что покупательная сила рубля снижалась гораздо более высокими темпами. Другим средством было участие (доля) в разнице в цене, при которой заявитель на кредит обязывается, что во время возврата оплачивает не только указанный процент, но и определенную долю накладки (40-60%) — разницы покупательной цены кредита, которая происходила в период кредитования. Кроме этого банк выдавал кредиты и на таких условиях, когда должник оплачивал

своими продуктами, цены которых определяли тогда, когда брали кредит. Перелив таких капиталов из одних отраслей в другие госбанк использовал для финансирования внутренней торговли и промышленности. Для финансирования экспорта применялись другие методы: для экспортеров кредит обеспечивали в советских рублях, но перечисляли в английских фунтах по дневному курсу (во время выпуска кредита), и экспортеры выплачивали обратно этот кредит в зарубежной валюте, которую они получали за экспортный товар. Это давало банку страховку не только за потери курса, но одновременно гарантировало доход. Собственно говоря, через такую операцию создавалась база зарубежной валюты и благородных металлов.

Литература о Галимжане Тагане.

1. Ахметзаки Валиди Тоган. Доктор Галимжан Таган//Шонкар. — 1994. — №1. — С. 69-73 (перевод с турецкого А. М. Юлдашбаева).
2. Валеев Д. Ж. Галимжан Таган: человек и ученый//Заман. — 1994. — №28. — С. 22-28.
3. Валеев Д. Ж. Арзаклы шэхес нэм галим//Башкортостан. — 1994. — № 198. — 13 октября.

Слева направо: Заки Валиди, Абделкадир Иван, Галимжан Таган. Будапешт, 15 мая 1925 г.

Фото, сделанное во время пребывания академика В. Бартольда в Турции. Слева направо: А. Иван, В. Бартольд, А. Н. Курат, А.-З. Валиди. 1926 г.

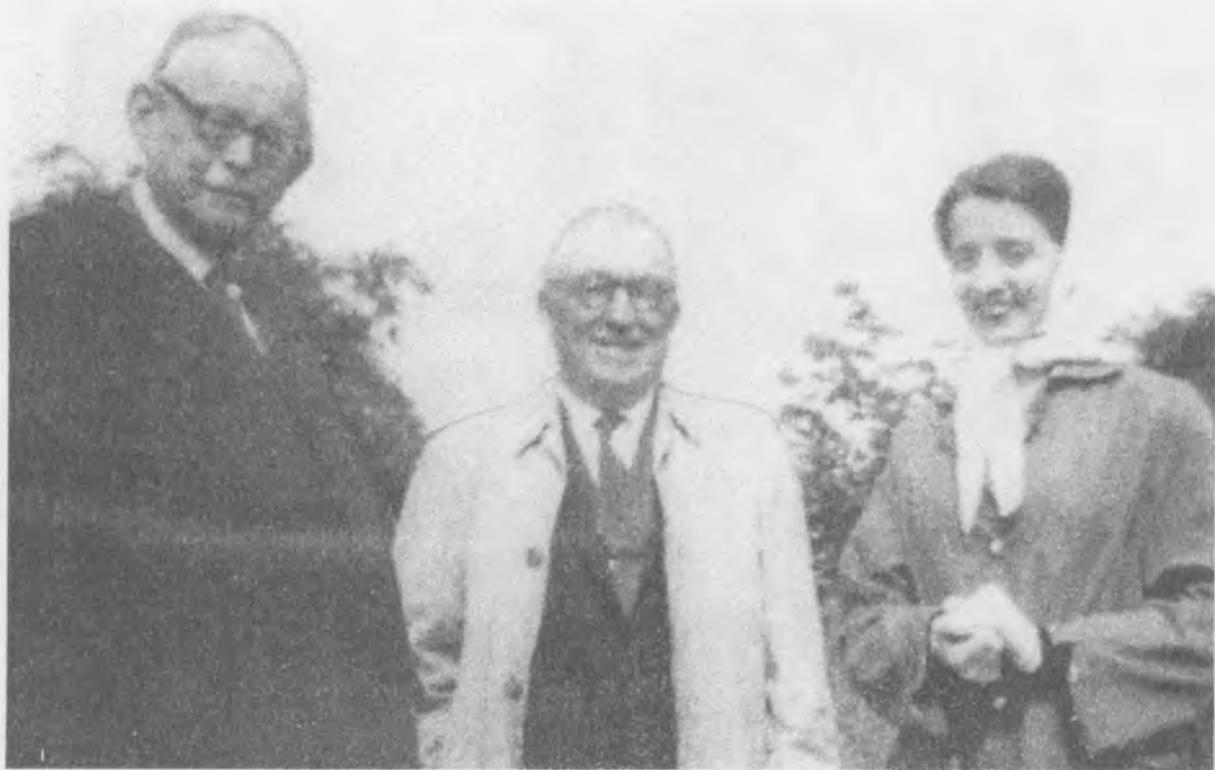
Ахметзаки Валиди — председатель ревкома Башкирской
Советской Автономной Республики. Стерлитамак, 25 февраля
1920 г.

А.-З. Валиди в Австрии. Начало 30-х годов.

Фото присланное З. Валиди академику В. Бартольду из Австрии после защиты диссертации в Венском университете. Сохранилось в семейном архиве академика. 1935 г.

А.З. Валиди Тоган в Англии с известным востоковедом Паулем Кале и с его супругой.
1958 г., июнь.

А.-З. Валиди Тоған со студентами Стамбульского университета. 1959 г.

А.-З. Валиди Тоган со студентами,
рядом — дочь Исенбике Тоган. 1966 год.

Момент встречи А.-З. Валиди Тогана с шахиншахом Ирана
Риза Пехлеви. 1966 г.

А.-З. Валиди Тоган и его ассистентка Гульчин Чандырлыоглу.
1966 г.

Дома у профессора. 1966 г. Сидят А.-З. Валиди и Н. Тоган, стоят его ученики (слева направо) Т. Байкара, Э. Копукчу, М. Сарай.

А.-З. Валиди Тоган выступает с прощальной речью на похоронах выдающегося учёного и политического деятеля Турции Фуата Кёпрюлю.

А.-З. Валиди Тоған с иранскими учёными. 1966 г.

Берлинский Tiergarten. Слева направо: З. Валиди, Г. Беримжанов, А. Инан. 1924 г.

А.-З. Валиди Тоган в Иране. Середина 60-х годов.

Участники басмаческого движения: (слева направо) узбек Дауран Ачил, башкир Абделкадир Инан, казах Абделкадир Кемисбай.

Слева направо: Хайрулла Ихсан Усерген, Абделкадир Инан.
На обратной стороне фото содержится запись «Дорогому
предводителю Ахмет Заки Валиди бею на память о
Стамбуле». Конец 20-х годов.

А. Инан с супругой. Конец 20-х годов.

В Анкаре, у Абдулкадыра Инана. Конец 20-х годов.

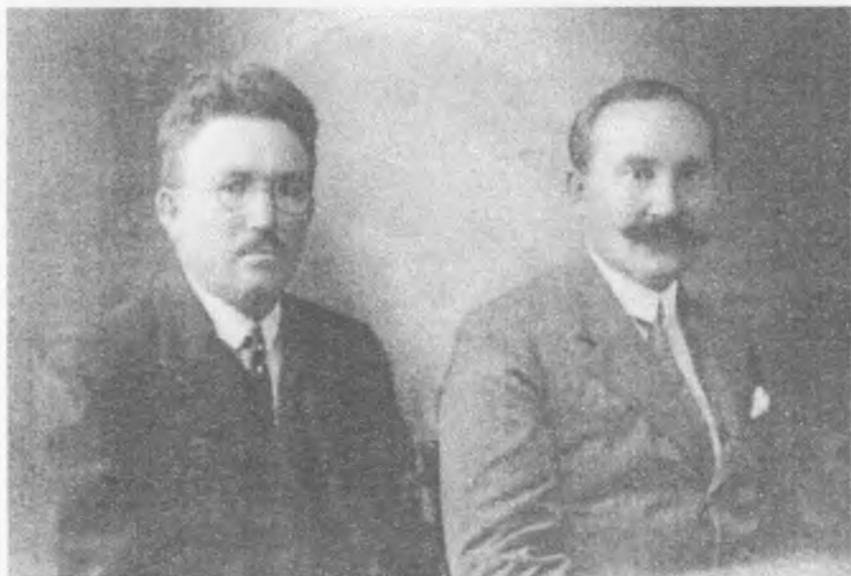
Прогулка с венгерскими друзьями на фазтонах.
Середина 30-х годов.

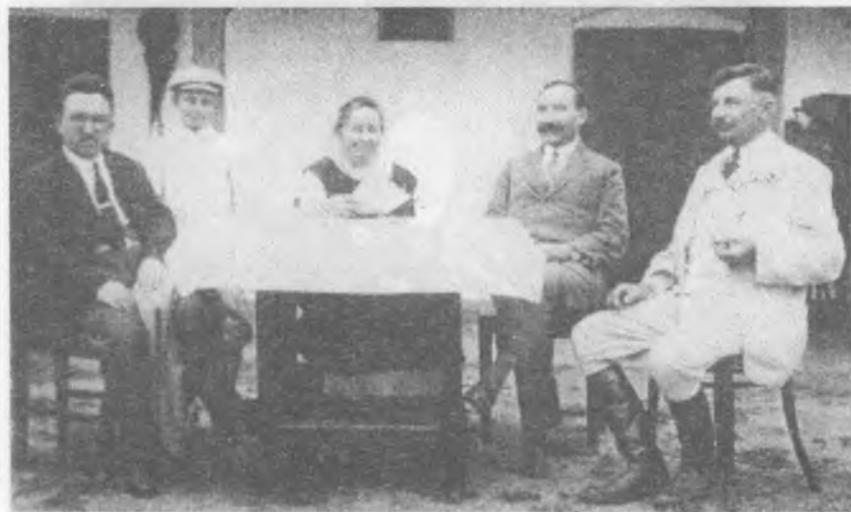
Профессор Анкарского университета Абдулкадыр Инан.

Командующий третьим башкирским стрелковым полком
Г. Таган. 1918 г.

А.-З. Валеди Тоган и Г. Таган. Венгрия, середина 30-х годов.

А.-З. Валиди (первый слева) и Г. Таган (второй справа) в гостях у своих венгерских друзей. Середина 30-х годов.

Г. Таган. Конец 30-х годов.

Г. Таган. Середина 40-х годов.

Оглавление

От авторов	3
Ахметзаки Валиди Тоған (учёный, политик, личность)	4
Путь в науку	4
Перипетии политической борьбы	9
Хождения по Средней Азии	33
Возвращение к науке	53
Дар судьбы: Вена, Бонн, Геттинген	66
Трудное возвращение	70
Избранник науки. Признание, слава и... неудачи	77
Ученики. «Воспоминания» в преддверии вечности	95
Примечания	103
Абдулкадыр Инан (Фатхелкадыр Сулейман) (29.11.1889 – 01.10.1976)	109
Примечания	117
Галимжан Таған – выдающийся этнограф и финансист	119
Валюта России во время войны и после войны	124

Д. Ж. Валеев, А. Мадьяри, З. Г. Ураксин,
А. М. Юлдашбаев

Судьба и наследие башкирских учёных-эмигрантов

Редактор Г. П. Ников

Ответственный за выпуск С. Е. Абросимова

Компьютерная вёрстка Р. Я. Муртазин

Подписано к печати 27. 05. 95 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Уч.-изд.л. 8,9+10 вкл=9,6. Усл.печ.л. 9,5. Тираж 1000 экз.
Заказ № 140.
ЛБ № 0116 от 17 ноября 1993 г. 7Ю5(03)

450000, Уфа, ул. Свердлова, 92
Издательство и типография ВЭГУ